

ПЕРВОСТРОИТЕЛИ

МУНИЦИПАЛЬНОЕ КАЗЁННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «КАЧКАНАРСКИЙ ГОРОДСКОЙ АРХИВ»

ОКАЗЫВАЕТ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ УСЛУГИ:

- выдача копий архивных документов, подтверждающих право на владение землёй в Качканарском городском округе
- информационное обеспечение граждан, организаций и общественных объединений на основе документов Архивного фонда РФ и других архивных документов муниципального учреждения «Качканарский городской архив»
- предоставление оформленных в установленном порядке архивных справок или копий архивных документов, связанных с социальной защитой граждан, предусматривающей их пенсионное обеспечение, а также получений льгот и компенсаций в соответствии с законодательством РФ.

АДРЕС 624350 Свердловская область, г. Качканар,

улица Свердлова, 8;

11 микрорайон, д.13 (архивохранилище)

ДИРЕКТОР Титовец Михаил Иванович

ГЛАВНЫЙ АРХИВИСТ Макарова Наталья Григорьевна

ВЕДУЩИЙ АРХИВИСТ Анисимова Татьяна Алексеевна

ТЕЛЕФОН (8-343-41) 3-52-72, 6 – 08 – 17

ΦAKC (8-343-41) 3-52-72

E-MAIL archiv@kgo66.ru

WEB-CAЙТ archive.admkgo.ru

мы рады вам помочь!

Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№6 2017

г. Качканар 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТВОРИМ ДОБРО, ХРАНИМ ТРАДИЦИИ
КАЧКАНАРУ — 60! Михаил ТИТОВЕЦ
«В ПАЛАТКАХ ХОЛОДНО»
Галина КРАСНОПЕВЦЕВА
СОЗИДАТЕЛИ
Семён СПЕКТОР Я СТРОИЛ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ43
«Эти трудности не пугают!»
ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЁД, К КОММУНИЗМУ!»44
RNEEON
Александр ВАСИЛЕВСКИЙ
НИКТО НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ПРОИЗОЙДЁТ54
ТЫ НЕ МОЯ, И Я НЕМОЙ
Я ОПРОКИНУЛ БРЕД НЕВЫПИТЫМ СТАКАНОМ55
ТВОЁ ТЕПЛО ПУГЛИВО И СЛУЧАЙНО
<i>МЫ ЗРЯЧИЕ ЛЮДИ ДЛЯ НАС НЕТ ЗАГАДОК</i>
<i>И НЕ СЛОМАТЬСЯ</i>
ПУШКИН
<i>ВЕЧЕР В СУМРАК ОПРОКИНУЛ</i>
НОЧЬ НАМ СЛИЗЫВАЛА ЛИЦА59
Анатолий КУЧИН
Я ШЁЛ ПО ЖИЗНИ С ИНТЕРЕСОМ60
БРЕДУ ПО ЖИЗНИ; ВРЕМЯ – ОСЕНЬ
РАБОЧИЕ ГОРОДОВ — ШЕФЫ СЕЛА. 70-Е ГОДЫ
МЫ В ЭТОЙ ЖИЗНИ ДВИЖЕМСЯ ПО КРУГУ
<i>АВГУСТ, ПЕРВЫЕ-ПЕРВЫЕ ЧИСЛА</i>
ХВАЛИТЕ ГОСПОДА, ДРУЗЬЯ65

Иван ОВЧАРУК
ПЕРВОСТРОИТЕЛЯМ
ХОЧУ, ЧТОБ ЗНАЛА РОДИНА МОЯ
ТРИПТИХ ОТЦУ
ДРУГУ
У ОБЕЛИСКА
Я НА МЫСЛИ СЕБЯ ЛОВЛЮ70
Я ЖИЗНЬ СВОЮ, КАК ПЕСНЬ, ПРОЖИЛ70
Татьяна ПУШКАРЁВА
<i>УРАЛ</i>
<i>КАЧКАНАР</i>
ПАМЯТЬ ДЕТСТВА
ВОСПОМИНАНИЕ74
<i>ХРАНИТЕ КРАСОТУ</i>
СВЯТАЯ РУСЬ, ТЫ - РОДИНА МОЯ75
Вадим САЛЬНИК
Я – СОЛДАТ
НАЧАЛО78
<i>ИДЕТ БЕТОН78</i>
СТРОИТЕЛИ
<i>РАБОЧЕЕ УТРО</i>
МОЙ ГОРОД
КАЧКАНАРСКАЯ ЛЕЖНЕВКА80
OCEHHEE81
Евгения ТУМАНОВА
MOPE82
ГАЛКИ

 СОЛДАТЫ
 .83

 У ТЕЛЕВИЗОРА
 .84

 МЫСЛИ МОИ
 .85

 СПАСИБО, ЖИЗНЫ
 .85

Альфред ФАДЕИЧЕВ
СТИХОСЛОЖЕНИЕ86
ГОВОРЯТ, НЕ ПИШИ О ЛЮБВИ87
ГЕОЛОГ
30ЛОТАЯ СВАДЬБА88
ЛЕТО
В ТЕМНОТЕ НОЧНОЙ, В РАЗГАРЕ ЛЕТА
<i>ЛЕТО МЕЛЬКНУЛО КАК СОН</i>
<i>О, КАК В ОКТЯБРЕ СЕРЕБРИТСЯ</i>
Анатолий ШАРЕНКО
BCTPE4A92
АЛМАЗ
НОСТАЛЬГИЯ93
ПОБЕДИТЕЛЬ93
НОВЫЙ ПУТЬ
СЕНТЯБРЬ96
СОРВАЛСЯ В ШТОПОР ЛИСТ ОСЕННИЙ96
проза
Иван СОБОЛЕВ
ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ, ИЛИ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЕКАТЕРИНБУРГ .97
Клавдия РУБЛЁВА
СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ
знаменательная дата
Михаил ТИТОВЕЦ
ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «СВОБОДА»
КРАЕВЕДЕНИЕ
Александр ШЛЕМОВ
«НЕИЗВЕСТНЫЕ» БУРДАКОВЫ
Илья ДЕМАКОВ
ИСОВСКИЕ ФОТОГРАФИИ

ТВОРИМ ДОБРО, ХРАНИМ ТРАДИЦИИ

Подготовив шестой выпуск, мы поинтересовались, какое значение несёт в себе цифра «6». Что говорит об этом Интернет? «Определяющим словом для цифры 6 является слово «гуманизм». Величайшим ее деянием является добро, которое она несет другим людям. Число шесть всегда старается действовать по установленным стандартам, она более традиционна, чем остальные числа.

Числом 6 всегда движет чувство долга. Эта цифра любит делать добро для друзей и общества».

Так это про наш альманах! Только добро стремимся творить мы своим альманахом: знакомим с творчеством наших качканарцев, открываем новые имена, побуждаем к творчеству тех, в ком есть искра таланта. А традиции – это тем более наш конёк: мы постоянно знакомим с малоизвестными страницами истории нашего края и напоминаем о событиях достопамятных. С этого и начнём.

2017 год – особый и в истории нашей страны, и для нашего города. Он богат на юбилеи. В этом году исполняется 100 лет ликвидации исконной формы российской государственности – монархии. «Это сладкое слово «Свобода» – называются размышления, посвящённые этому судьбоносному событию. 125 лет – такую красивую дату отмечает «старший брат» Качканара – посёлок Валериановск. Шикарный, просто царский подарок по этому случаю сделал замечательный краевед А.Шлемов – основательную такую биографическую «сагу» о клане Бурдаковых – выдающихся предпринимателях, представителям их «нижне-туринской» ветви принадлежало множество золото-платиновых приисков в нашем крае, а Викторин Бурдаков – основатель посёлка (прииска) Валериановска.

Сам же наш любимый город отмечает своё 60-летие. Поздравлением ему – документальный материал «В палатках холодно!..», очерки мэтра качканарской журналистики Г.П.Краснопевцевой, подборка материалов Нижне-Туринской районной газеты о первых днях и неделях качканарской стройки.

Поэтический ряд альманаха – очередная драгоценная россыпь самородков. Не все авторы живут в Качканаре, но у всех он – в душе, потому что наш город обладает особым магнетизмом: стоит с ним пересечься, и он уже потом не отпускает.

Например, Александр Василевский. Он связан с Качканаром фактом своего рождения здесь. Но свою малую родину не забывает:

читал здесь лекции, бывал по общественно-политическим делам, презентовал свои стихи...

Жизнь А.В.Кучина неоднократно делала причудливые повороты, но из разных жизненных обстоятельств он всегда извлекал уроки. Отсюда – мудрость этого человека, которая проявляется и в стихах. И самоирония – тоже показатель мудрости.

И.И.Овчарук навсегда вписал своё имя в историю уральской юриспруденции: долгие годы он возглавлял Свердловский областной суд, причём в сложнейшие годы переходной эпохи. Качканарцы гордятся, что Иван Кириллович стоял у истоков Качканарского городского суда. И то, что он тонкий лирик, качканарцы тоже давно знают. А кто не знает – может в этом убедиться.

Из Старого Оскола шлёт свой поэтический привет качканарцам Т.Т.Пушкарёва, вдова Героя Социалистического труда В.А.Пушкарёва. В далёком 1968 году уехали они из Качканара, но город наш помнит и любит

В год шестидесятилетия Качканара вспоминаем мы творчество Вадима Сальника. Родом с Северного Кавказа, он стал истинным качканарцем, пламенно и лирично воспевал город юности. Некоторые его стихи положены на музыку и стали замечательными песнями.

Творчество Евгении Тумановой – это не только прекрасные стихи. Это ещё и урок всем нам: ни при каких обстоятельствах не отчаиваться, любить людей, любить жизнь. «Спасибо, жизнь, что ты была!» – лейтмотив её творчества.

Альфред Фадеичев в очередной раз подтверждает мысль, что талантливый человек – талантлив во всём. Радостно, что свой талант геолога он во время оно приложил к исследованию нашего железорудного месторождения, а сейчас даёт возможность насладиться своим поэтическим талантом.

Анатолий Шаренко большую часть своей трудовой деятельности «сеял разумное, доброе, вечное» – то есть трудился на педагогическом поприще. К чему это мы? А к тому, что в его стихах эти составляющие так же присутствуют: разумное, доброе вечное...

Теперь о прозе. В этом выпуске она – документально-биографическая. В чём её привлекательность? Она – очень искренняя, даже исповедальная. Она несёт в себе приметы времени, приметы эпохи, в которой жили авторы. А авторы – люди замечательные! Это И.М.Соболев и К. П.Рублёва. За их плечами – достойно прожитые годы, им есть что рассказать.

И последнее – по списку, но не по важности. В этом выпуске ещё шире обозначились горизонты нашего сотрудничества. Свой ма-

териал в альманах предоставил заведующий отделом использования и публикации архивных документов Государственного архива административных органов Свердловской области» (г. Екатеринбург) И.Н.Демаков. Документы этого архива содержат информацию о драматических страницах нашей истории, коих немало было в 20 веке. Вот и статья Ильи Николаевича посвящена репрессиям, имевшим место в посёлке Ис, откуда корни многих качканарцев. Спасибо автору за такую публикацию: ведь мы об этом практически ничего не знаем. А дополнительный «бонус» – фотографии тех далёких лет: в своё время они были «вещдоками», а сейчас позволяют увидеть кое-что из того времени, что не сохранилось. Очень надеемся на дальнейшее сотрудничество.

А вам, наши дорогие читатели, всего самого доброго!

Традиционно ваша – Редакция альманаха

KAYKAHAPY - 60!

Михаил ТИТОВЕЦ, директор городского архива. член Союза краеведов России

«В ПАЛАТКАХ ХОЛОДНО!»

О, документы! Это самые беспристрастные свидетели эпохи.

И судьи — в определенных случаях. Память человеческая — инструмент крайне несовершенный; она избирательна: что-то забывается, что-то переосмысливается. А здесь — шалишь, брат: как написали во время оно, в таком виде эта информация доходит до нас, не подвергаясь коррозии от времени, даже если она не вписывается в современное восприятие. Да и потом, это просто интересное, полезное, я бы даже сказал, душеполезное чтение. Поэтому, друзья, развивайте вкус к чтению исторических документов.

Информацию о первых страницах Качканарской истории нового времени можно найти в документах фонда №1 нашего архива, который называется «Валериановский поселковый Совет».

Строящийся Качканар обретет статус рабочего поселка только в 1959 году, поэтому вопросы его жизнедеятельности были в компетенции Валериановского поселкового Совета депутатов трудящихся. Давайте полистаем протоколы заседаний сессий этого органа советской власти за 1957 год.

Ну что? При обсуждении некоторых вопросов встречаются фамилии первостроителей, которые у нас на слуху: Левитский, Мальцев и др. Ага! А вот на пятой сессии Валериановского поссовета 15 ноября 1957 года Качканару отводился отдельный вопрос. Формулировался он так: «О готовности к зимним условиям на поселке Качканаррудстроя. Докладывает начальник строительства **Е.И.** Вергелис». Так в протоколе. Как выясняется, Евгений Иванович Вергелис на тот момент исполнял обязанности начальника СУ №1, так как С.С. Мальцев занимался созданием СУ №2.

Вот какую картину нарисовал депутатам докладчик:.

«На строительстве имеется 1100 человек рабочих, поэтому нужно создать условия, чтобы встретить зиму. Что же мы сделали и

сделаем еще нашими силами? Столовая к зимним условиям утеплена, овощехранилище не достроено. Источник теплопровода сделан. Воду на поселок доставляем бензовозами с Выи. Строительство временной котельной закончено. В октябре сдано в эксплуатацию 7 жилых домов, но в палатках живет еще 400 человек (это ноябрь, и не Сочи – М.Т.). К концу года должны сдать 3000 кв. м жилой площади. Переселяющимся из палаток даем малую площадь в домах лишь потому, чтобы выселить людей из палаток.

Прибывают у нас и учащиеся. На 1 сентября было 8 человек, в настоящее время – 26. Три комнаты выделены медпункту. Очень мала комната для красного уголка, думаем увеличить, но оборудована хорошо. С вынесением палаток будем добиваться, чтобы нам построили клуб.

По торговой сети. Делаем новый магазин, к 1 декабря 1957 года должен быть готов, а сейчас под магазин выделены две комнаты. Строится новая столовая.

Растут потребности в электроэнергии. Имеющейся электростанции не хватает, придется сокращать потребление, то есть экономить. Электролиния от Иса не двигается: нет проводов, опор.

План производственный выполнили на 135%. Строятся 80 индивидуальных застройщиков. Есть решение помогать застройщикам своим лесом, материалами – чем можем. Плохо с подвозкой материалов, не хватает транспорта. Но если видим, что долго нет материала – посылаем рабочих на вырубку леса. Плохо с хлебом: возим из Туры и с Иса. Как дело обстоит с пекарней, еще не могу сказать, плана на это не имею.

Противопожарные мероприятия. Имеются только огнетушители. Даже бочек с водой нет, так как у нас воды поблизости нет».

Критический настрой выступлений – норма для того времени. Ведь задача заключалась не в том, чтобы рапортовать об успехах (которые, несомненно, были и не малые). Следовало обозначить проблемы и найти способы их решения, чтобы двигаться дальше.

Из бесед с первостроителями, из тех же документов создается впечатление, что много болевых точек имелось в бытовой сфере. Если сказать мягко, комфортом первостроители не были избалованы. Что, в общем, тоже было в контексте времени: раньше думай о Родине, а потом о себе – производственные вопросы были первостепенными.

На сессии также выступили председатель постройкома Тополев, депутаты Голиков, Ракитин, Карсканов, Бабиков. Ниже – отрывок из выступления последнего:

«Проверяя готовность к зиме, видно, что поселок сильно захламлен, к домам в случае пожара или еще какого бедствия не подъедешь, не подойдешь. Нужно для этого сделать подъезды, очистить бульдозерами наваленные пни и землю. В палатках холодно, около печей тепло, а остальные мерзнут. И топить очень сильно тоже нельзя, чтобы опять не произошел пожар, как было недавно. Сгорела палатка, по счастью, обошлось без жертв. Вместимость бани – 70 человек, в столовой – 20 человек. Это тоже недостаточно».

Ветераны говорят, что иногда утром не было возможности встать с кровати: волосы примерзали. А палатка загорелась от раскаленной печки. По счастью, никто не пострадал.

Из выступлений депутатов можно составить длинный-предлинный перечень проблем. К вышеназванным:

- «Плохо с хлебом возим из Туры и Иса» (имеются в виду г. Нижняя Тура и поселок Ис, отстоящие от Качканара на 30 40 км при абсолютном бездорожье).
 - «Вместимость бани и столовой не достаточны».
- «Не видно нигде бочек с водой и пожарного инвентаря, инструкций, плакатов».
- «Застройщикам помогают плохо: нет гвоздей, пиломатериалов, стекла, железа».

Можно продолжать и продолжать. Но: «Производственный план выполнили на 135%»! опять же все в лучших советских традициях: раньше думай о Родине, а потом о себе. Бытовые условия, как видим, сильно оставляют желать лучшего, а люди трудятся, и трудятся самоотверженно.

Сессия Валериановского поселкового Совета решила:

- 1. Переселить всех людей к 10 декабря 1957 года из палаток в дома. (Интересно, что некоторые ветераны говорят, будто близко к этой дате и переселили, другие утверждают, что палатки стояли и в январе 1958 года. Как прояснить? М.Т.).
 2. Закончить строительство магазина к 5 декабря 1957 года.
- Закончить строительство магазина к 5 декабря 1957 года. (Тут ветераны единодушны: это по улице Качканарской – М.Т.)
- 3. Закончить строительство новой столовой к 1 января 1958 года.
- 4. Закончить строительство овощехранилища к 1 декабря 1957 года.
- 5. Обязать управление треста «Качканаррудстрой», «Уралспецстрой», «Электромонтаж» закончить водопровод и подать воду к 15 января 1958 года.

- 6. Тресту «Качканаррудстрой» немедленно выделить все пожарные средства для тушения, вплоть до автомашины, и выделить квалифицированный пожарный надзор для профилактики, а начальнику строительства Вергелису к 1 декабря 1957 года выделить пожарный мелкий инвентарь (ведра, топоры, багры, огнетушители) и создать среди рабочих добровольные пожарные бригады-дружины.
- 7. Обязать управление треста «Качканаррудстрой» представить мероприятия по вывозке завалов вокруг домов к 4 декабря 1957 года.
- 8. Просить горисполком г. Н. Тура о воздействии на дирекцию Качканарского обогатительного комбината временно передать выделенную санитарную машину, как неиспользованную по назначению, медпункту «Качканаррудстроя».
- 9. Предложить тресту «Качканаррудстрой» связать поселок Качканар телефонной связью в течение 3-х месяцев.
- 10. Обязать строительный участок после расселения рабочих в дома организовать красный уголок с большей площадью, с возможностью организовать не менее трех кружков.

Это был задел. 1957 год заканчивался. Но все еще было впереди.

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА, член Союза журналистов России, почетный гражданин Качканара

Родилась в 1934 году в селе Романово Серовского района Свердловской области. В 1956-м окончила Нижнетагильский педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы.

С 1970 года — в газете. Много пишет о Качканаре и качканарцах. Написанные очерки составили пять книг: «У истоков Качканара», «Дорогие мои земляки», «Победители», «Прикасаясь к прошлому» и «В городе юности». А очерк «Чувств и мыслей трепетный посев», изданный отдельной брошюрой в 2013 году и посвященный 45-летию «Лукоморья» — это краткая история литературного объединения, которым Галина Петровна руководит вот уже пятый десяток лет.

СОЗИДАТЕЛИ

В городке Нины Литвиненко

Наша машина легко катила по асфальту. Проехали Савину горку, миновали Валериановск. Еще небольшой подъемчик – и вдруг мои спутники, старые студенческие друзья, ахнули: «Это что? Такой большой ключ?» Ахнули и притормозили бег.

Мы вышли из машины на площадку, где установлен этот впечатляющий символ – большой металлический Ключ со словом «Качканар» и цифрой 1957. Красиво! Слева, за деревьями, блести водоем, справа – каменистая, поросшая лесом стена. А впереди – высокая стена-плотина.

- Но почему Ключ? спрашивают мои друзья.
- Как «почему»?.. Берите его, открывайте ворота и въезжайте, входите в город! Качканар приветствует вас!.. К тому же это Ключ к кладам горы, давшей имя нашему городу. Много столетий гора

хранила-скрывала свои богатства. А в середине прошлого века она доверила сокровища советским людям и вручила им Ключ: открывайте кладовые, черпайте богатства!..

И пришли в тайгу комсомольцы-добровольцы, коммунисты-энтузиасты, беспартийные романтики-мечтатели – смелые люди, которых мы называем первостроителями. Уж они-то знают, как непрост был путь к кладовым Качканар-горы. Чтобы их открыть, надо было сначала пробиться к горе Долгой.

Давайте же, дорогие мои первостроители, расскажем об этом моим друзьям. Давайте вернемся на шестьдесят лет назад, в нашу молодость, в тот самый 1957 год, который отлит в металле на Ключе.

Итак, был 1957-й. 27 мая в поселке Валериановске состоялся короткий митинг. Начальник первого строительного управления Семен Степанович Мальцев сказал:

– Ребята, вот там, на склоне горы Долгой, будет комбинат, будет город. Наша задача – прорубить туда дорогу. Будем лес валить...

И стали ребята лесорубами. Это была самая первая, самая востребованная тогда профессия. В руках «профессионалов» – топоры да пилы. Орудия – примитивные. Лес – густой. А цель – высокая. Она придавала силы и упорства. Звенели топоры, визжали пилы, пищали и кусались назойливые комары – валились деревья. Трасса уходила все дальше от Валериановска, и возвращаться после работы в поселок становилось утомительно, нецелесообразно. И лесорубы сооружали шалаши, чтобы, переночевав прямо на рабочем месте, дать короткий отдых натруженным рукам и ногам, а утром снова взяться за свой нехитрый инструмент. С каждым днем все ближе подходили к горе Долгой.

Обосновались у реки Выи, на месте будущей плотины. Опять поставили легкие шалаши, опять жгли костры, спасаясь от гнуса. Жили в шалашах, а в мечтах видели город у горы Долгой и комбинат. «По сколько часов работали, – вспоминал Илья Машкин, – лесорубы не считали. Вставали в четыре утра, шли на делянку, в десять часов возвращались, отдыхали – и снова за работу, до десяти часов вечера... Четыре гектара леса под тело плотины вырубили, как говорится, одним махом».

И вот – большое событие, великая радость: привезли и установили три брезентовые палатки. И дождь теперь не страшен, и от комаров появилось хотя бы временное спасенье.

Жили в палатках - а в мечтах видели город и комбинат.

То героическое время хорошо помнит **Юрий Спиридонов**, который в свои шестнадцать мальчишеских лет прорубал дорогу на

Долгую вместе с ребятами, что были немногим старше его.

А Тамара Лашко (Хасанова), конечно, не забыла, как она, высокая хрупкая девушка, стояла перед Семеном Степановичем Мальцевым.

Что можешь делать? – спрашивал он.

Молчание.

- Карниз у дома знаешь?Молчание.
- -Так что ты будешь тянуть: резину или карниз?
 - Хоть то, хоть другое.
 - Ну, иди в лес.

В лес, так в лес. Указали ей бригаду, и с первых июньских дней стала Тамара строителем Качканара.

А Нина Федоровна Литвиненко никогда не забудет день 6 июня 1957 года – начало ее качканарской биографии. В этот день она поехала в Нижнюю Туру, где тогда находился трест «Качканаррудстрой».

Н.Ф. Литвиненко

– В отделе кадров, – вспоминает она, – предложили мне должность коменданта палаточного городка. На другой день на самосвале добралась до поселка Валериановска, пришла в школу, где, как мне сказали, находится строительное управление №1. Там было много людей, все ждали начальника участка... Вдруг кто-то сказал:

Мальцев идет.

Я увидела мужчину чуть выше среднего роста, в сапогах и зеленом рабочем плаще. Взгляд у него такой, что мне страшновато стало. Вот он начал прием рабочих.

- Что с собой принес? спрашивает. Топор или пилу?
- Топор.
- Молодец! Иди, работай.

- А я ничего не принес.
- Слушай, говорит Мальцев, у меня инструмента нет, дать тебе нечего. Найди сам и тогда приходи.

Стою и думаю: «Скоро до меня очередь дойдет. Что я стану говорить?»

Вот принял всех. Подхожу. Посмотрел направление, спрашивает:

- А ты работу эту знаешь?
- Нет, не приходилось быть комендантом, не знаю.
- Что же ты будешь делать?
- А все, что прикажете. Да ведь не боги горшки обжигают.
- В первую очередь скажи, чтобы сделали уборку в классах, где живут рабочие. Видела, что там творится? Техничка есть. Достань ведро, и пусть она моет.

«Ну, – думаю, – туча прошла мимо меня».

А потом все годы я обращалась к Семену Степановичу. Он только с виду был строгий, а на самом деле это очень добрый человек. Никогда в присутствии начальства не ругал своих подчиненных, а если устраивал разнос, то один на один.

В том же классе, где Мальцев вел прием, была и бухгалтерия. Первый бухгалтер – **Иван Алексеевич Клещев**, нормировщик – **Александр Васильевич Погоняев**.

– Ты не бойся, – говорит Александр Васильевич, – не такой сердитый наш начальник, каким кажется. Нужно делать вырубку под ЛЭП, люди есть, а инструментов нет, вот он и переживает.

Эти внимательные люди помогли Нине решить проблему с жильем. Это и впрямь была проблема. Поселок в те дни был переполнен и гудел, словно улей. Валериановцы приютили первостроителей где только могли: в домах и на верандах, в сенях и коридорах, на чердаках и сеновалах, в чуланах и сараях.. В тесноте, как говорится, да не в обиде. Тем более, что это временное жилье нужно было только для ночлега. Нина Федоровна устроилась у доброй женщины – тети Маруси. Ночевала в чулане, а днем, как и у всех, работа, работа, работа.

Удивительный это народ – первостроители. Пришли в тайгу, где ни дорог, ни жилья. Вынести жару и холод, бытовой неуют, грязь и распутицу, мусор, без которого не бывает ни одной стройки. Но большинство из них, вспоминая первые качканарские годы, говорит не о трудностях, а о том, как весной буйно цвела черемуха, а осенью рдели гроздья рябины.

– В лесу речка бежит, чистая, прозрачная. Много черемухи, рябины, смородины. А какой воздух! – восторгалась и Нина Литви-

ненко, рассказывая о том, как она, назначенная комендантом палаточного городка, «приехала на колесе груженого самосвала» из Валериановска к первым палаткам в районе будущей плотины. И добавила: – И такая в природе тишина, такая тишина...

Молодая женщина, чью юность опалила и оглушила война, наслаждалась целительной тишиной тайги. На «колесе груженого самосвала» она прибыла сюда тем же маршрутом, что и мои студенческие друзья на легковой машине, только ехала она не по асфальту, а по ухабистой дороге, только что проложенной в тайге лесорубами. Приехала сюда, где стояли три брезентовые палатки – первое качканарское жилье. Здесь жили молодые рабочие. Отсюда начинался город юности. Здесь потом встанет наш символический металлический Ключ. А пока бежит чистая речка Выя, чье течение еще не остановлено плотиной; цветет черемуха, рябина. Пока еще июнь 1957 года – и наступление на тайгу продолжается.

Вот вышли на то место, где сейчас стоит управление комбината. Занялись расчисткой леса под палаточный городок и улицы города. Собрали бригаду, чтобы ставить палатки для будущих строителей. Бригадиром был **Леонид Редозубов**, рядом с которым работал и его семнадцатилетний брат Михаил. Затем начали строить лежневку и приступили к строительству первых домов. Но город пока в будущем, а городок из белых брезентовых палаток вырос и заселился быстро.

И комендантом этого городка была Нина Литвиненко. На первых порах она робела. Привыкшая общаться по-фронтовому официально, кратко, сухо, она опасалась, что не найдет нужного тона в общении с ребятами и девчатами, такими разными и такими похожими. Но все у нее получилось. Требовательный и строгий комендант, она была и заботливой матерью, и добрым советчиком, и надежным другом. А ведь этой мудрой женщине было тогда только тридцать три года. И был у нее заветный журнал, этакая разлинованная амбарная книга, в которую заносились фамилии и имена новоселов и отмечалось, что выдано каждому для проживания в палатке (исторический, между прочим, документ!)

Новоселы радовались. Железные кровати, настоящие: с матрацами и подушками, с простынями и наволочками, одеялами – какое богатство! И не беда, что почти вся мебель палаточного городка уже была в употреблении на «семерке», в соседнем закрытом городе. Не беда. «Есть у тебя тумбочка и кровать – и ты уже богат», искренне считали первостроители, совсем не думая о том, что богаты и сильны они были своим духом.

По утрам вставали с хорошим настроением. Умываться бежали к ручейкам да ключикам. Умывальник, конечно же, был; длинный, со многими рожками, но его не хватало, поскольку поднимались все в одно время. Водопровод? Он, конечно, будет, будет в городе. А палаточный городок обходился временной деревянной насосной, сооруженной на реке Вые. Воду доставляли на лошадях. Столовая? Она тоже будет. И столовые, и кафе, и рестораны... А пока под открытым небом столы из длинных досок, навесы от дождей. Кухня тоже дощатая, но какие вкусные обеды готовили повара!.. А еще, тоже под открытым небом, была печь – большая кухонная плита, на которой готовили пищу «семейные». Заставленная множеством кастрюлек, чашек, сковородок, «семейная» печь топилась почти круглые сутки.

Расскажу об одной трудовой семье – «потехинских соловьях». Эти девчата жили сначала в Валериановской школе, а через месяцполтора перевели их в палатки на Долгую гору. Трелевали лес. Разгружали и сортировали детали для сборных домов, собирали бутовый камень – делали все, что требовал Качканар.

А в сентябре были созданы две бригады маляров во главе с **Михаилом Урядовым** и **Дмитрием Потехиным.** Рая Комарова, Капа Бирюкова, Ира Хакимова и Ира Рябова,

Нина Потехина и Нина Жуланова, Надя Таширова и Надя Безрукова, Гера Гаркачева и Вера Сидорова, Валя Проскурякова и Валя Полякова, Галя Юмина и Галя Бабикова, Роза Волкова, Люда Третьякова – вот они, первые маляры Качканара, первые качканарские соловьи.

Не потому ли пели девчонки, что слово «маляр» звучало для них лучше музыки? Ведь коль появилась нужда в малярах – значит, прощайте, палатки, здравствуйте, жилые дома! Да и как не петь, если с песней не замечаешь трудностей, если «песня строить и жить помогает». Они строили город юности, а жили в палатках. Двадцать шесть человек под одной брезентовой крышей. Днем наработаются, вечером натанцуются – ночью спят, как убитые. А утром приятный женский голос поет:

– Не спи, вставай, кудрявая! В цехах звеня, Страна встает со славою Навстречу дня!

Так обычно будила девчонок Нина Федоровна Литвиненко – их старшая подруга и мать. Под звуки песни девчонки просыпались и вместе со всей страной вставали навстречу новому трудовому дню.

Население городка увеличивалось с каждым днем. Вот после немалых приключений на неизведанном пути появилась здесь выпускница Челябинского строительного техникума **Лида Бебкова**, которая в дороге успела наслушаться разного о молодежной стройке в уральской тайге – и побаивалась, и робела.

«Добро пожаловать!» – приветствовала ее небольшая арочка при въезде в городок строителей. Такое поселение Лида увидела впервые. По одну сторону дороги располагалась столовая под навесом, похожая на покосный стан; длинные столы из досок; сиденья – такие же длинные сколоченные лавки. По другую сторону – палатки, белые-белые, еще совсем новые. От каждой из них тянулись дощатые тротуары, тоже еще не утратившие своей свежести. Они отливали желтизной и, словно лучи солнца, сходились вместе у танцевальной площадки, которая сверкала своей деревянной белизной на зеленом травянистом поле.

На душе у Лиды тоже стало светло и радостно. А самым неожиданным, почти невероятным показалось то, что здесь, в лесу, звучала музыка и на танцевальной площадке парами кружились девушки. «Ну, вот, а говорили, что девчонок тут нет», – Лида была почти счастлива.

- Найдите-ка Нину Федоровну, говорил между тем Ерофеев, с которым Лида приехала сюда после оперативки в Валериановске.
- В девичьей палатке двадцать человек. Куда я тебе кровать поставлю? сказала не очень приветливо подошедшая женщина, но глаза ее, как показалось Лиде, источали внимание и доброту.

Вскоре Лида поймет, что не ошиблась. Эта женщина средних лет, закаленная фронтовыми дорогами, была в палаточном городке комендантом. Но за этим сухим названием, за ее порой строгой внешностью скрывалось щедрое материнское сердце, готовое согреть всю эту зеленую молодежь, приехавшую построить новый город.

– Ну, пойдем, – сказала Нина Федоровна.

Ерофеев взял Лидин чемодан, и они пошли к одной из белых палаток. Солнце клонилось к закату, играя лучами в верхушках деревьев. Заканчивался еще один день. Первый Лидин день на качканарской земле.

Ее оформили мастером к старшему прорабу Ерофееву. Старший прораб **Ерофеев** – с виду неприметный, приземистый мужчина в сапогах и галифе. На его плечи легли все тяготы новостройки. Александр Алексеевич во все вникал, все знал, все умел, находил ответы не все вопросы – не прораб, а настоящий справочник, целая энциклопедия! Этот беспартийный человек был кристально чи-

стым, скромным и строгим, добрым и справедливым. Правда, его принципиальность не всегда устраивала начальство.

Прибыл еще один дипломированный специалист – мастер **Вла- димир Ильич Кусов**. Вот как вспоминает о нем Лидия Павловна Бебкова:

– Тогда еще просто Володя, он отличался необычайной серьезностью, увлеченностью своим делом. Чем-то он напоминал многоопытного старшего прораба Александра Алексеевича Ерофеева. Скорее всего, одержимостью в работе. Он без устали обходил строящиеся объекты, выявлял «узкие места», помогал решать возникающие проблемы. Будучи затем старшим прорабом, начальником управления, Владимир Ильич редко пользовался служебным транспортом – предпочитал пешком обходить строящиеся объекты. Если на минуту представить, что все следы сапог Кусова вдруг «проявились», то на стройке вряд ли нашлось бы место, где их не было. Он отлично знал каждый объект.

Сам Владимир Ильич, вспоминая палаточный быт, тоже очень тепло отзывается об Александре Алексеевиче. И как хорошо, что рядом с молодежью были тогда такие строгие и заботливые руководители, как старший прораб Ерофеев и главный инженер строительного управления Евгений Иванович Вергелис.

– Я не знаю, когда Вергелис спал, – говорит Владимир Ильич. – Каждую ночь заходил он в палатки, проверял, не спит ли дневальный, поддерживает ли он огонь в печке-буржуйке, не случилось ли где загорание.

Вот еще один молодой специалист – Надежда Безрукова. Ее отец, Степан Иванович, много лет отдавший горнорудной промышленности, теперь, в немолодом уже возрасте, оказался на комсомольской стройке и охранял все хозяйство палаточного городка. Сюда из поселка Баранчинского, где пока оставалась семья, и прибыла его дочка Надя. Прибыла на день-два, а осталась навсегда. Для нее, недавней выпускницы Нижнетагильской школы бухгалтеров, сразу нашлось много дел в СУ-1, куда ее приняли счетоводом.

А первый ее день на качканарской земле начинался так. В поисках отца Надя шла по лесу, прислушиваясь к птичьим голосам да к перезвону топоров невдалеке.

– Степан Иванович Безруков? Знаем, знаем... Складу нас вон там, – сказали ей, и девушка заспешила к указанной палатке.

Степан Иванович и кладовщик Александр Алексеевич Проскуряков были заняты своим нехитрым хозяйством. Не успела девушка

поздороваться, как к палатке подошли два рослых парня. Они получили на складе гвозди и что-то очень долго возились с ящиком.

- Интересно получается, сказала девушка. Такие большие, а сорок килограммов унести не могут...
- Так, может, вы поможете?.. Отказываетесь?.. Ну и зря. Ведь вполне вероятно, что вот этот плотник Вася станет вашим мужем. А вы с ним так непочтительно.

Обидеться она не успела: парни удалились. А Надя обратилась к отцу: забот у нее тоже немало.

Не успела как следует устроиться с жильем – над тайгой опустился вечер. Ожил палаточный городок, потом наступило недолгое затишье, и вдруг прямо из-за деревьев полилась музыка. То нежная и грустная, то веселая и задорная, приправленная чьим-то звонким смехом, она так и манила к себе. И девушка отправилась на зов тальянки.

На небольшой площадке были танцы. Молодежь в рабочих комбинезонах и сапогах кружилась в вальсе, пела, смеялась. А недалеко от площадки стояла большая печь. Прямо как в сказке: в лесу, под открытым небом – печь! Надя сначала удивилась, а потом подумала, что без такого вот очага в палаточном городке не обойтись.

– А вот и я. Разрешите? – прервал ее мысли чей-то голос. В высоком парне, с густой волнистой шевелюрой, девушка узнала плотника Васю. Бросила на него колкий взгляд, с минуту подумала, потом доверчиво положила руку на его плечо. Парень бережно и уверенно повел ее по кругу.

Неужели и впрямь это ее судьба? И откуда взялся этот плотник Bacя?

А он из Косьи – поселка, что по другую сторону горы Качканар. Там и жила многодетная семья Большагиных. Василий, самый младший, вернувшись из армии, зимой 1956-го ушел с поисковой партией под Ивдель. А, услышав зов Качканара, вернулся домой. С друзьями Амиром Садыковым да Юрием Касьяновым отправились в путь, пешком через гору, как и другие их земляки-добровольцы. В Валериановске нашли начальника строительного управления Мальцева.

– Будете валить лес. Когда понадобитесь, на стройку возьму, – сказал Семен Степанович.

27 мая 1957 года **Василий Большагин** в составе бригады Алексея Шишкина рубил лес под будущее водохранилище. Все у них тогда было в будущем, в которое они очень верили, потому что ве-

рили в себя. Будет – город. А пока есть палаточный городок, и рождается таежный поселок. Народ все прибывает, и проблема жилья с каждым днем обостряется. И плотник Вася уже строит дома по улице Октябрьской.

Вот такой был Надин кавалер, который, как и она, всей душой принял Качканар, с его бытовым неуютом, строительным мусором, с верой в завтрашний день. Без Качканара они уже не мыслили своей жизни. Как и друг без друга. И до сих пор супруги Большагины рядом и вместе с Качканаром.

Только не все выдержали испытание Качканаром.

– Все там есть, не волнуйся. Все будет прекрасно, – говорил **Лизе Ивановой** ее муж Саша. – Ведь это не просто стройка, а ударная, комсомольская. Давай собираться – и едем! Ведь мы строители.

Лиза была беременна и побаивалась ехать в неизвестность: где этот Качканар и какой он? Но долго агитировать ее не пришлось. В словах Саши было столько убежденности, а в глазах столько юношеского задора, что Лиза поверила: он хочет быть там, куда сегодня устремилась молодежь всей страны. Ну, что ж? Ехать, так ехать. По чемодану в руки – и двинулись. Все вместе. Шесть семей, работавших ранее на строительстве Соколовско-Сарбаевского горнообогатительного комбината.

И вот стучат вагонные колеса. Позади остались степи, начинались леса и горы. Поезд остановился на станции Нижняя Тура

- Вот и в Качканар приехали, сказала проводница Лизе и вопросительным взглядом скользнула по ее фигуре.
 - Привет качканарцам! Здравствуйте, строители!
 - Кому на Качканар? Поехали!

С шутками-прибаутками они разместились в грузовике, и машина покатила по дороге. Саша бережно поддерживал жену. Лиза чувствовала его сильные руки, слышала его спокойное дыхание – и верила: все будет хорошо. Навстречу бежал лес, тронутый первой зеленью, облитый солнечным светом. Начиналось лето 1957 года.

Их палатку называли семейной. Здесь уютно и чисто. Каждое утро все семьи уходили на работу, а Лиза занималась несложным домашним хозяйством. В свободное время бродила по лесу.

Рядом с палаткой – молодая липка. Тянет к солнцу кудрявые ветки, шелестит на ветру листвой, приветливо кивает Лизе. Лиза нежно гладит темный ствол; тоненькая липка, но стойкая, гнется на ветру, да не ломится – крепко пустила корни в родную землю. Любит Лиза эту липку и молчаливо беседует с ней.

А еще она любит разговаривать с комендантом палаточного городка Ниной Федоровной Литвиненко, от бесед с которой всегда становилось светлее на душе, прибавлялись силы, уходила тревога за предстоящие роды.

Когда у Лизы начались схватки, рядом оказалась Нина Федоровна. А иначе и быть не могло. «Будешь и медиком!» – сказал, принимая ее на работу, Семен Степанович Мальцев, когда узнал, что на фронте она была медсестрой. Обрадовался. Сколотили ящик, закупили бинты, йод, другие самые необходимые медикаменты. И медсестра-комендант действительно оказывала первую помощь – и по долгу службы, и потому, что так велело ей большое материнское сердце. И Лизе Ивановой повезло, что в палаточном городке есть Нина Федоровна. Она быстро достала где-то машину, ободряюще улыбнулась Лизе и Саше: все будет хорошо! – и вместе с ними отправилась в путь.

В Нижней Туре машина остановилась. Медсестры и нянечки в белых халатах заботливо окружили Лизу.

... Семейная палатка ожила. Сюда то и дело заходили люди, чтобы поздравить Лизу и Сашу с сыном. Уже вся стройка знала, что 14 августа 1957 года родился Валерка – качканарский первенец. Лиза видела, что все гордятся Валеркой и его матерью, хотя ни она, ни ее сын ничего замечательного пока не совершили. Валерка совсем еще маленький, но уже окружен большой любовью строителей. Он не знает еще ни одного слова, а строители уже мечтают о том, кем он станет, когда вырастет, и даже спорят, какая профессия лучше... Так вот ты какой, Качканар: добрый, внимательный, дружный.

Лиза заботливо пеленала своего первенца, укладывала в деревянную кроватку, а когда в палатке стало холодно (приближалась зима), накрывала кроватку теплым шерстяным одеялом.

В канун октябрьских праздников молодая семья получила квартиру по Октябрьской улице. Это была первая улица Качканара. В тайге поднимался рабочий поселок, а вместе с ним рос и Валеркакачканарец. Лиза была счастлива.

Однажды утром, как всегда, Саша ушел на работу. Сказал, что поедет в Нижнюю Туру, где тогда находилось управление треста «Качканаррудстрой». А вечером домой не вернулся. Ни вечером, ни на другой день, никогда. Разное потом говорили о нем: запутался, сделал растрату, струсил... А Лиза знала одно: это – предательство. Она не могла понять: как так можно? Ведь как красиво говорил! Жить хотел по-комсомольски, работать по-ударному, радовался

сыну – и вдруг сбежал, скрылся позорно, трусливо, даже не предупредив, не поставив в известность...

Валерка лежал в кроватке и беспечно агукал, а Лиза плакала от обиды и унижения. За окном печально пели ветры, ветры первой качканарской зимы. Почему-то вспомнилась липка. Как живется ей там, на морозном ветру? Захотелось погладить ее, провести теплой рукой по холодной коре. Нет, не сломится липка, перезимует и снова будет встречать весну. Лиза вытерла слезы:

- Ничего, Валерка, перезимуем и мы...

Так вот ты какой, Качканар! Ты проверяешь людей на прочность и не любишь слез. Не нужны тебе красивые слова – ты любишь людей дела.

А что делать?.. Забыть, забыть этого человека, который испугался первых же трудностей. Вычеркнуть из памяти. Это – во-первых.

– А во-вторых, сынок, мама пойдет работать. Ты, конечно, невелик: четыре месяца – разве это возраст для мужчины? Отдать бы тебя в ясли, да их пока нет. Но ясли обязательно будут, ты только подожди немного. А пока подомовничаешь. Посидишь один.

И сын сидел лома, вернее, лежал в кроватке. А Лиза работала. Тут рядышком. По соседству. И в течение дня навещала его. Забегали к Валерке и другие: перепеленают, накормят, успокоят, если ребенок плачет. Ловкие женские и неумелые мужские руки заботливо лелеяли, качали первого качканарца.

Городок жил. В октябре, вспоминает Нина Федоровна, в нем был уже 491 человек. Днем палатки пустели. Гора Долгая слышала, как стучали топоры, визжали пилы «Дружба», трещали трелевщики, тарахтели тракторы. А геодезисты уже вели разметку первых улиц: Качканарской и Октябрьской. Возвращались в палатки усталые, но довольные. По вечерам в палаточном городке играла гармошка, звучали песни и частушки, на танцплощадке кружились пары. Или шли в «кинотеатр» под открытым небом. Ближе к осени появился «клуб» – две соединенные палатки. В этом сооружении с земляным фундаментом, дощатым полом да невысокой сценой демонстрировались фильмы, проходили концерты и праздники.

И через много лет геодезист **Нина Павловна Лукиных** будет рассказывать школьникам:

– Кто первый идет по стройке? Конечно, геодезист. В чем заключается его работа? Вот имеется план будущего города. На плане нанесены все здания и сооружения со всеми подземными коммуникациями. Каждому объекту отведено свое место. И вот геодезист должен все это с бумаги с большой точностью перенести на мест-

ность... Мне очень запомнился мой первый рабочий день. В первую очередь я познакомилась с планом будущего поселка. Вот улицы Октябрьская, Качканарская, Мира с деревянными домами. На местности, в осях этих улиц, проектировщиками уже пробиты колышки, прорублены узенькие визирочки среди вековой тайги. И вот мы шли по этим условным улицам, не шли, а лезли через валежник, пробивались через лес, обозначая кольями места будущих домов. А мысленно представляли широкие улицы с асфальтированными дорогами и тротуарами. Мы знали, что люди живут в палатках, что уральское лето короткое, скоро зима и надо переселяться в дома. Нужны медпункт, магазин, а детям к первому сентября – школа. В погожие дни распорядок дня был такой: завтрак – работа, обед – работа, ужин – и опять работа, дотемна.

Осень и наступившая зима торопили строителей. Правда, к концу 1957 года население палаточного городка стало значительно меньше. Но не все еще могли получить жилье в деревянных домах. А в палатках было уже не безопасно. Печка-буржуйка потрескивала всю ночь, чтобы согреть ребятам душу и тело, чтобы в морозную ночь их спины не примерзали к брезентовым стенам жилища. Такое случалось. Случались в палатках и пожары

– Пятого декабря, – рассказывал мне Владимир Ильич Кусов, – был день Сталинской Конституции. На праздник мы ушли домой, на Косью. А шестого декабря вернулись – палатки нашей нет: сгорела. Взяли мы с Ильей Машкиным у коменданта матрасы и пошли на «охотный ряд». И там, в бухгалтерии, спали на столах три или четыре ночи... Потом в доме по Октябрьской дали нам комнату на троих.

А вот что вспоминал Михаил Редозубов:

– В ночь на 11 января 1958-го меня разбудил шум: палатка горела. Половина ребят, живущих в палатке, получила тяжелые ожоги. Товарищи нас не забывали, когда мы лежали в больнице, привозили книги, подарки. Когда я приехал из Нижнетуринской больницы, то не узнал Качканара. Стал жить в общежитии. Было мне в то время семнадцать лет.

На смену палаткам вставали дома, у горы Долгой вырос рабочий поселок. И стала Нина Федоровна секретарем поселкового Совета. Она с каким-то материнским волнением вспоминает, как регистрировала первых младенцев, рожденных в Качканаре. Марина Ульданова, Саша Спиркин, Алеша Лукиных, две сестрички Ожеговы, Оля Потемкина – называет многих, помнит даже дни их рождения. А

Нину Федоровну помнят все первостроители. Многие из тех, кто поменял местожительство, до сих пор поддерживают с нею связь.

Через несколько лет поехала она в Новополоцк, к Потемкиным (Михаил Потемкин на ударную стройку приехал вместе с первыми моряками, а Татьяна Степановна, ставшая потом его женой, была первой операционной сестрой в Качканаре). Белорусский Новополоцк понравился Нине Федоровне, и особенно тем, что в этом городе, который на год моложе Качканара, есть памятник палатке. Скромный и очень простой в исполнении памятник. Тронуло это Нину Литвиненко, и как-то обидно стало за наш город юности. Возвращалась она из Белоруссии с идеей поставить в Качканаре памятник первостроителям.

И он появился в 1982 году. Тоже скромный, простой. Три каменных палатки встали там, где 25 лет назад с палаточного городка начинался наш Качканар. Здравствуйте, палатки!

С тех пор прошло еще тридцать с лишним лет. Уходит славное поколение романтиков, энтузиастов, созидателей. А построенный ими светлый город уже шагнул в двадцать первый век.

А наша машина катит по асфальту дальше. Позади остался удививший моих спутников Ключ, проехали плотину; еще немного в гору – и вот мы на улице Крылова.

– A почему именно Крылова? – спрашивают мои любознательные друзья.

И пришлось мне заняться их «политпросвещением». Я рассказала о наших улицах, названия которых совсем не случайны. Как могли назвать первые улицы строители города юности, патриоты Родины Октября? Конечно же, Качканарская и Октябрьская, потом Первомайская.

Дремучие ели да могучие кедры росли на склонах горы Долгой. Лес и лес без конца. Таким впервые увидели этот край строители. Они пришли сюда, словно Ермак в далекую Сибирь, – и тайга покорилась, посторонились кедры и ели, а на Долгой пролегли улицы Горная, Таежная, Ермака, переулки Лесной, Кедровый, Нагорный, Строителей.

Советская молодежь, комсомольцы строили в тайге новую жизнь – и вырастали улицы Советская, Комсомольская, Новая. Не появилось еще качканарское «море», были только его березовые берега, но уже имелась улица Набережная, имя которой звучало глубокой верой в завтрашний день.

Первостроители тянулись к знаниям, к книге, очень любили литературу. И не случайно многие улицы Качканара носят имена писателей и поэтов: Пушкина и Лермонтова, Некрасова и Маяковского, Толстого и Чехова, Шевченко, Бажова, Крылова. А самая заветная мечта строителей отражена в названии улицы Мира.

Между тем мы по улице Крылова выехали на главную площадь города. Вышли из машины, осмотрелись. День был солнечный, красивый. Подошли еще к одному памятному месту, которое, как и Ключ, удивило моих друзей. Это Капсула времени, это наше Послание потомкам. Друзья внимательно прочитали и даже сфотографировали надпись: «Заложена 26.05.2012 года, в 55-летие города Качканара. Вскрыть 27.05.2057 года, в 100-летие города Качканара. Мы вручаем вам свою веру в лучшее будущее, свои надежды и стремления. Мы любим вас, еще не зная, какими вы будете, но эта вера даем нам право думать: вы будете лучше нас!»

А какими были мы? А наше поколение – это строители, творцы, созидатели. Не зря же на стеле, что рядом с Капсулой времени, возвышаются орден и слова о том, что 25 октября 1968 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за большой вклад комсомольцев и молодежи в строительство и развитие комбината и города Качканара, активную работу по воспитанию молодежи» Качканарская городская комсомольская организация награждается орденом Трудового Красного Знамени. И этот факт – предмет гордости качканарцев, потому что наша комсомольская организация была единственной орденоносной в Свердловской области.

Постояли мы у стелы, и, конечно же, пригласила я моих друзей в парк строителей, к каменным палаткам, туда, где шестьдесят лет назад был городок Нины Литвиненко. Пускай же «не зарастет народная тропа» к этому скромному памятнику. Пусть приходят сюда юные качканарцы, чтобы сказать: «Здравствуйте, палатки!» Чтобы поклониться тем, кто оставил им в дар Качканар.

Солнцу и ветру навстречу

Когда начинался Качканар, она была вдвое старше большинства его юных строителей. Но ни она, ни окружающие как-то не думали об ее возрасте. Энергичная и красивая, она не то, чтобы не замечала имеющихся трудностей, - она словно радовалась, что эти трудности есть. Там, где другой непременно вспылил бы, взорвался, она оставалась выдержанной, спокойно-настойчивой. И обязательно добивалась того, что было нужно ей, молодежи, Качканару. Многие удивлялись, откуда у этой обаятельной деликатной женщины такой спокойный характер. И лишь самые близкие знали, что начинать новое, быть у его истоков для нее не впервой.

Девушка из Каховки

Среди документов и личных бумаг Миры Михайловны Мальцевой хранится журнальная вырезка:

«Летит ветер на Каховку. Всей степью – ветер. Ветер – словно испытывает тебя этим бешеным ветром... Из 1920 года с этим ветром вылетает в каховскую степь тачанка. Кони-дьяволы, колеса-диски из быстроты и грома, возница – обуздал ветер, схватился за ветер, и кони ли, ветер – несут над степью тачанку. Из далеких боев, из огня, из далекой памяти промчалась тачанка-бронза по сегодняшнему приднепровскому раздолью и взлетела на курган среди широких полей, словно остановив с собой те сражения, то время, ту память, откуда примчалась».

В.Ольшанский, «Баллада о Тачанке»

Начинался 1917 год, когда в семье театрального парикмахера Милиевского родился десятый ребенок. Девочку назвали Мирой. Ее колыбелью стали вихри революции и боевых сражений, а колыбельной песней – свист пуль, визжание сабель, топот конских копыт да лихой говорок пулеметных тачанок. Каховка взрастила Миру.

В родной семье и на уроках в школе, а потом в пионерском отряде, среди своих сверстников: украинцев, евреев и русских – училась девочка трудиться и дружить, познала прелесть настоящего братства. Еще не залечены раны гражданской войны, притаившийся враг еще стреляет из-за угла, а «молодые хозяева земли» верят в мировую революцию. Каждый год в сентябре как великий праздник встречают они Международный юношеский день. Короткое слово МЮД становится для них символом борьбы за мир, за счастье всех народов земли. Сколько выдумки и детской изобретательности проявляют пионеры и школьники Каховки, участвуя в сборе денег «в пользу угнетенных детей!» Они живут жизнью страны, ее заботами, тревогами и радостями, они вступают в ОСОАВИАХИМ и готовятся стать защитниками Родины.

Метко стреляет Мира Милиевская, подвижная девочка с пышными волосами. Впрочем, она не только хорошо стреляет, она танцует и поет, читает стихи, с удовольствием занимается с младшими школьниками, являясь октябрятской вожатой.

21 января 1932 года – незабываемый день: Миру приняли в комсомол. И снова девушка с октябрятами и пионерами. Она всегда в окружении детей: в школе, на сцене, в стрелковом кружке, на многолюдных праздниках-маевках, которые проводились обычно в каховской степи, там, где еще недавно вихрем неслись боевые тачанки.

А вскоре Мира вместе с работником райкома комсомола Петром Повстяным открывает в Каховке Дом пионеров, под который было отдано здание синагоги. Верующие смотрят косо: «Великий грех на душу берешь!» А в бывшем молитвенном доме уже звучат детские голоса, и радуется Мира Милиевская – юная заведующая Домом пионеров.

В тридцати километрах от Каховки создавался тогда зерносовхоз «Красный Перекоп». Ей сказали: «Надо!» – и Мира поехала в распоряжение политотдела налаживать пионерскую работу в совхозе. Злоба классовых врагов, гибель от их рук друзей и близких, победная поступь социализма – все знакомо девушке из Каховки, комсомолке 30-х годов.

Среди литовских детей

Маленький зеленый прямоугольник. Это железнодорожный билет для проезда в жестком вагоне. 000057 – номер билета, 48-85 – его стоимость в рублях и копейках. Каунас – Москва. Это маршрут. А сверху и снизу пробито: 17.VI.41.

В Каунас, где служил ее муж, Мира приехала осенью 1940 года и сразу окунулась в жизнь молодой республики, недавно принятой в состав Советского государства. Литовский народ начинал новую жизнь. В ЦК комсомола Литвы Мире предложили работу с пионерами. Дело знакомое и любимое. Но как работать с детьми, если не знаешь их языка, не знаешь обычаев и традиций этого народа? Она – заместитель директора Дома пионеров. Собственно, Дома пионеров еще нет, есть только здание бывшего итальянского посольства, которое нужно переоборудовать.

И девушка из Каховки берется за работу. Ее энергии и упорства хватает на все. Договорилась со строительными организациями – и скоро в Доме пионеров был сделан прекрасный зал, оборудованы комнаты для кружков. Побывала в театре оперы и балета – и вскоре в одной из комнат стал заниматься балетный кружок, которым руководила замечательная балерина. Хорошие руководители были и в других кружках. Мира изучала литовский язык, а постоянное общение с детьми и взрослыми помогало быстрому его усвоению. Она растила маленького сына. Везде успевала, все делала с душою, хорошо.

Молодая женщина с Украины стала большим другом литовских детей. Для них все было новым: и сама пионерская организация, и интересные концерты, с которыми они выступали в Доме пионеров и в школах города, и незабываемые встречи с литовским писателем Пятрасом Цвиркой, поэтессой Соломеей Нерис, белорусским поэтом Максимом Танком.

А летом 1941 года пионеры советской Литвы поехали в Артек. Это тоже было новым, это было впервые. Солнечным утром 17 июня нарядные дети оживленно садились в вагон. Взволнованные родители напутствовали их, желали удачи Мире Михайловне, которая в качестве представителя ЦК комсомола Литовской республики сопровождала детей до Москвы.

Вот Минск – столица белорусская. В вагон вошли новые пассажиры. Двое из них: широкоплечий мужчина в очках и другой, высокий, худощавый, помоложе – сразу завладели ребячьим вниманием. Это были поэты Самуил Маршак и Александр Безыменский, которые ехали в Москву. Они оживленно беседовали с ребятами, читали им

свои стихи, и дети, не знающие русского языка, зачарованно слушали музыку поэтического слова. А Мира была переводчицей.

Приветливо встретила столица будущих «артековцев». В ЦК ВЛКСМ Мире сказали:

- Вот вам путевка. Поезжайте в Крым. Отдохнете, а потом вместе с детьми вернетесь в Литву.

И она поехала. Сначала в Ростов, к родителям. Чтобы оставить у них на время своего трехлетнего сынишку. В Ростов-на-Дону Мира приехала 22 июня.

Госпиталь

Пропуск №52. Разрешается хождение по городу Ростову после сигнала «воздушная тревога».

На улице Горького, где до войны была школа, разместился эвакогоспиталь.

– Я пришла к вам работать, – в голосе не просьба, а повеление.

Мужчина в военной форме внимательно посмотрел на невысокую женщину с пышными волосами, она спокойно встретила его взгляд.

- Здесь трудно, начал он.
- Я буду у вас работать! глаза горят, губы упрямо сжаты.

Да, он знал: она будет работать в госпитале, такие здесь нужны – и все же сказал:

- Ведь вы были заместителем директора Дома пионеров... Нам нужны медики, нам нужны са-ни-тар-ки! Вы знаете, что это такое?
- Куда мне теперь идти? вдруг мягко улыбнувшись, спросила Мира, показывая, что разговор окончен и она приступает к работе.

Для нее не существовало работы грязной; все делала легко и быстро, словно играючи, будто всю жизнь была санитаркой и не знала ничего нужнее этой работы. И быстрее заживали раны от ее светлой улыбки, от ее добрых глаз. Она совершенно забыла о себе. Да и до себя ли тут, когда кругом столько горя, когда людям нужны твоя забота и ласка. И она щедро несла им все тепло своей души, ухаживала за больными, перевязывала раны, была секретарем комсомольской организации госпиталя. Овладела специальностью медицинского статиста – пришлось считать ранения: пулевые, осколочные, сквозные и прочие. Цифры, цифры... А за ними – война, огромное горе и великий подвиг народа.

Война приближалась к Ростову, все чаще раздавался сигнал воздушной тревоги, выла сирена. Мира с противогазом через плечо и санитарной сумкой бежала по улице Горького, она спешила домой – тут недалеко. А через несколько минут уже бежала обратно в госпиталь, прижимая к груди сына. Когда они рядом, мальчику ничего не угрожает. И молодая мать берется за носилки, бежит вместе

с другими вверх по лестнице, в палаты, потом несет раненых вниз, по коридору на улицу. И снова вверх и вниз, вверх и вниз – не уставая. Сын в госпитале, здесь. Его присутствие удваивает силы.

Эвакуация

«Мира, пиши, как у тебя дела с ребятами. Ты молодец, ты умеешь прекрасно работать! Ведь это очень большое дело, которое ты так замечательно организовала в гарнизоне. Доведи его до конца. Желаю тебе успеха, верю, что концерт ваш пройдет блестяще!» (Из письма подруги)

Волна войны быстро катилась на восток. События сменялись, как в калейдоскопе: эвакуация с ее суетой и беспорядком, паникой и строгой организацией; Нахичеванский вокзал и страшный бой, кровь и смерть, детский плач.

Вот голос секретаря райкома: «Коммунисты и комсомольцы, ко мне!» Вот станция Курская, колхоз «Ротфронт», где она, девушка из Каховки, работает прицепщицей на тракторе, идет в чулках за плугом.

А потом был военкомат, куда ее вызвали, потом женотдел при Северо-Кавказском военном округе, организаторская работа среди эвакуированных жен военнослужащих. Более семисот женщин – ведь это большая сила. И они делали все, чтобы жизнь в эвакуации протекала нормально, и работы хватало на круглые сутки. Они рыли противотанковые рвы, оставляя своих малышей в детском комбинате, который они же организовали.

На правах хозяев встречали женщины эвакуированных ленинградцев – эшелоны истощенных блокадой людей. Мыли их в бане, стригли и брили, размещали по квартирам, лечили и кормили, строго следя за режимом питания этих обессиленных людей, ставили их на ноги.

А Мира Михайловна создала детский ансамбль песни и танца. В госпиталях звенели ребячьи голоса, звучали песни довоенного и военного времени. Дети пели о священной войне, о святой ненависти к врагам, о героизме советских людей. Чистые детские голоса утверждали непобедимость человеческого духа и веру в светлый завтрашний день.

На Урале

«В семи километрах от соцгорода, в живописном месте расположился пионерский лагерь Базстроя. Четыре больших спальных помещения полностью готовы и ждут своих юных обитателей. Заканчивается оборудование кухни и столовой, строится физкультурная

площадка. На днях в лагерь въезжают 250 детей фронтовиков и лучших производственников строительства».

Так писала городская газета в 1943 году. Это было в глубоком тылу, на Урале, где ковалась победа над врагом. Сюда по вызову сестры приехала Мира Михайловна с родителями и сыном Володей.

Строился завод, вырастал новый город. Кипучей жизнью жили комсомольцы: проводили рейды, помогая руководству строительства выявлять недостатки в работе автотранспорта, проверяли выполнение соцобязательств, проводили военизированные сборы, литературные вечера; интересно и по-деловому проходили комсомольские собрания, которые начинались и заканчивались песней.

И вместе со всеми – комсомольский секретарь Мира. Позднее друзья напишут ей: «Когда готовились к Новому году, забрели мы в бильярдную и вспомнили, как там делали серпантин, вязали гирлянды, а потом спали на бильярде. Тогда, в войну, все делалось как-то лучше, от всей души и с любовью. Все время вспоминаем тебя. Привет Вовочке!» И еще: «Пишем тебе как нашей комсомольской маме. Дуся у нас молодец. Её так же уважают все комсомольцы, как любили и уважали своего секретаря Миру Михайловну. А девушки из управления говорят своему секретарю Грише: «Ты без строгости и требовательности работу у нас не наладишь. Вот когда Мира была, так она и отругает, бывало, за дело, и работа у нас идет».

Зимой – с комсомольцами, на работе, в недавно построенном клубе, а летом, конечно, с детьми. 1943 год, идет война, а для детей фронтовиков открывается прекрасный лагерь. И радуется начальник лагеря Мира Михайловна.

В городе юности

«25 лет своей жизни Вы посвятили развитию культуры на Урале, из них 15 лет – в Качканаре.

В 1957 году, приехав в числе первых на Всесоюзную стройку, Вы проявили подлинную любовь к своей профессии. Вами был создан первый коллектив художественной самодеятельности в Качканаре, Вы зажигали молодые сердца горячим стремлением создавать прекрасное, прививали молодым вкус к культуре, следили за их творческим ростом. Первопроходцы Качканара помнят концерты, проходившие под открытым небом, на таежных вырубках, где позднее должны были подняться жилые дома. Это были часы праздников для людей, строящих город будущего в тайге, вдали от культурных центров.

Став директором кинотеатра «Юность», а позднее – директором Дворца культуры, вы умело вели коллективы на большие дела, зажигая в сердцах качканарцев огонь романтики, самоотверженности, трудового героизма. Ваше обаяние, щедрость души, целеустремленность рождают в окружающих хорошие чувства, стремление сделать что-то доброе, нужное людям.

Ваша многолетняя деятельность прошла через годы первых пятилеток, Великой Отечественной войны и мирного строительства. И всегда вы были на трудовом посту, щедро служа людям».

Так писали в приветственном адресе качканарские горняки и строители, когда Мире Михайловне Мальцевой исполнилось 55 лет.

Скромный клуб «Строитель» стал поистине очагом культуры для первых качканарцев, которые рассуждали так: «Есть две формы жизни: горение и тление. Гореть – значит бороться. С кем? За что? Как организовать свою жизнь, чтобы ее можно было охарактеризовать словом «горение»? Стремясь ответить на эти вопросы, молодые строители проводили диспуты и провозглашали: «Да здравствует горение!» На тематических вечерах «Если тебе комсомолец имя», «Счастье трудных дорог» они горячо спорили о смысле жизни.

Коллектив художественной самодеятельности Качканара скоро стал одним из лучших в городских смотрах, проходивших в Нижней Туре, занимал первые места по массовости, идейному содержанию программы и качеству исполнения. На сцене клуба «Строитель» самодеятельные артисты ставили пьесы Шиллера и

Встреча Нового, 1960-го года

Арбузова. Мира Михайловна умела сделать содержательным быт и досуг молодежи и была неистощима на выдумку.

Интересную работу со зрителями проводит под ее руководством и кинотеатр «Юность». Особенно с юными зрителями. Члены созданного ею детского кинотеатра «Чайка» сначала вели работу в детской комнате кинотеатра, заботились о том, чтобы дошкольники и младшие школьники не скучали, пока их родители смотрят фильм. Потом «Чайка» стала готовить и проводить увлекательные киноутренники, снимала фильмы от жизни школы. За работу с детьми, пропаганду лучших кинофильмов и за другие полезные дела качканарская «Чайка» была награждена поездкой в Москву, где ребята посетили киностудии, присутствовали на съемках фильмов, встречались с известными киноартистами.

А в день торжественного открытия Дворца культуры качканарцы слушали оперу Верди «Травиата» в исполнении артистов Свердловского театра оперы и балета. В следующем году свердловчане снова побывали в Качканаре и во время гастролей познакомили его зрителей с операми «Русалка», «Демон», «Искатели жемчуга», балетами «Спящая красавица», «Щелкунчик», «Пер Гюнт». И все это по инициативе Миры Михайловны, которая хотела приобщить жителей города юности к большому, настоящему искусству.

Она любила этот город. Она вдохновенно рассказывала о нем пионерам и школьникам, комсомольцам, молодым рабочим – тем, кто моложе Качканара и не знает его славной истории. Ее, коммунистку М.М.Мальцеву, депутата горсовета, почетного члена орденоносной городской комсомольской организации, председателя городского совета ветеранов комсомольского и пионерского движения, мать троих сыновей, простую женщину с доброй улыбкой, знали в Качканаре все. И новые поколения качканарцев любили Миру Михайловну так же, как первостроители города юности. Но по-прежнему ни она сама, ни молодежь как-то не задумывались о ее возрасте. Потому что каждому рядом с ней было хорошо и интересно.

Вот идет она навстречу порывистому качканарскому ветру – словно испытывает тебя это ветер... Много ветров и жизненных бурь испытывало девушку из Каховки, проверяя ее женскую верность, материнскую любовь, измеряя ее мужество и преданность Родине. Девушка выстояла, не сломилась; даже в самые мрачные дни сердцем чувствовала: впереди – солнце. Ведь рядом с нею было столько хороших людей. У них она черпала силу, а упорству училась у ветра.

Был октябрь 1977-го. Дул осенний, неласковый ветер. На землю медленно падали сухие листья. А над Дворцом культуры тихо ли-

лась музыка, звучала «Лунная соната» Бетховена. Сюда, во Дворец культуры, с утра до вечера шли и шли качканарцы. Шли, чтобы проститься с Мирой Михайловной Мальцевой. Она и умерла здесь, во Дворце культуры, куда пришла накануне вечером, чтобы послушать концерт симфонической музыки. А теперь в фойе большого зала стоял гроб с ее телом, стояли пионеры в почетном карауле, здесь были родные и друзья. Здесь был весь Качканар, печальный и скорбный, признательный.

Одни плакали – горько и безутешно. Другие, глубоко задумавшись, молчали. Третьи вполголоса беседовали – о ней, о Мире Михайловне.

- Не могу представить, что ее нет... Так неожиданно! говорила женщина лет сорока, вытирая беззвучные слезы. Даже не верится...
- А ты и не верь, успокаивал ее муж. Не верь. Понимаешь, смерти нет. Я сам это только сегодня понял. Понял впервые и очень отчетливо. Для меня Мира Михайловна всегда жива, как живы первые палатки, хотя их давно нет, как жива наша первая ёлка в «Строителе». Помнишь?.. Ты посмотри, какой город отгрохали, какой Дворец!.. Живет Качканар, продолжается!

И жизнь продолжается. Каждый год в Качканар приходит новая весна. Каждый год в этот мир приходят новые качканарцы. Перед городом юности открываются новые горизонты. Горизонты двадцать первого века.

Видеть жизнь в новых красках и тонах

Решение исполнительного комитета Нижнетуринского городского Совета депутатов трудящихся «Об открытии детской музыкальной школы в поселке Качканар». Вот такой документ (№141) появился 22 мая 1959 года. Смотрю на эту дату и думаю: а не рано ли? Не на пустом ли месте собирались открывать в тайге музыкальное учебное заведение? И что предшествовало такому важному решению? Какова, говоря музыкальным языком, была его прелюдия?

Прелюдия

а, еще два года назад здесь был сплошной лес – и пело о чемто лишь «зеленое море тайги». Пели птицы, летом шумели грозы, зимой завывали холодные ветры – вот и вся музыка этого края, куда в мае 1957-го пришли молодые романтики. Пришли и принесли иные звуки: застучали топоры, зазвенели-завизжали

пилы, зарычали трактора. Это были мелодии созидания. И лес расступился, освобождая место для первых домов, первых улиц.

Тайга услышала стихи и песни первостроителей. Это удивительные люди. Качканара еще не было на карте области, была просто «стройка на горе Долгой», а они уже звали ее городом Юности и верили: в нем будет всё как в настоящем городе. Они тянулись к знаниям, к культуре. Не случайно уже в 1958 году открылась библиотека, разместившаяся в небольшой комнатке деревянного двухэтажного дома по улице Октябрьской. А на Качканарской был главный культурный центр – клуб «Строитель». Созданный там коллектив художественной самодеятельности давал концерты и в клубе, и под открытым небом, на таежных вырубках, где позднее должны были подняться жилые дома. В «Строителе» выступали артисты Москвы, Свердловской филармонии, Уральского народного хора и другие творческие коллективы.

В апреле 1959-го Качканар получил статус рабочего поселка, а в мае уже появился этот важный документ, называемый решением. Вот первые его строки: «Учитывая многочисленные просьбы трудящихся строительства Качканарского горно-обогатительного комбината об открытии детской музыкальной школы, исполком городского Совета решил...» Было решено обратиться в областной Совет с просьбой открыть в Качканаре с 1 сентября 1959 года детскую музыкальную школу: классы фортепиано и баяна. Управляющего трестом «Качканаррудстрой» тов. Левитского обязали предоставить к 1 августа соответствующее помещение и необходимые музыкальные инструменты. А заведующий Нижнетуринским городским отделом культуры тов. Богатырев обязан был подобрать кадры для детской музыкальной школы в поселке Качканар. Вот так. Читаю этот документ и думаю: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Ан, нет, всё было сделано скоро и хорошо. В 1959 году в двухэтажном деревянном доме по улице Первомайской школа была открыта. И в тайге зазвучала прекрасная музыка, учившая видеть жизнь в новых красках и тонах.

Школа открылась, но долгое время там не было постоянного педагогического состава. Да, знать, неплохо работал тов. Богатырев, подбирающий музыкальные кадры – и учебный процесс не прерывался. В первые годы в школе преподавали даже студенты Свердловского музыкального училища. Но не всех, даже дипломированных специалистов, вдохновила разбуженная романтиками тайга. Лишь единицы, переступив порог музыкальной школы, остались навсегда верными ей и Качканару.

Одна из них – Людмила Дмитриевна Кулешова, отдавшая школе 48 лет. Она очень тепло вспоминает то время. Не было еще асфальтированных улиц, но в любую погоду учащиеся и педагоги с желанием шли на Первомайскую улицу, расположенную у самого леса. А рядом – лежневка, главный рабочий проспект, ведущий через лес на промбазу. Людмила Дмитриевна вспоминает свой фортепианный класс, расположенный на втором этаже, рядом с библиотекой. Здесь же находились учительская, бухгалтерия, кабинет директора Штучко Анатолия Васильевича. Он же был преподавателем по классу баяна, а его жена Валентина Ильинична – по классу фортепиано и теории. А на первом этаже – раздевалка, большой зал и классы баянистов. В школе были дневное и вечернее отделения. В октябре 1961 года учились уже 70 человек.

– На вечернем отделении занимались подростки и взрослые, среди которых было немало дошкольных работников, – говорит Людмила Дмитриевна. – В 1964 году приехали молодые педагоги из Нижнего Тагила: Вера Майстер, Светлана Садовничая и Виктория Кукарских. Жили они в общежитии, работали с большим желанием.

Забегая вперед, скажем, что Виктория Николаевна проработала в Качканарской музыкальной школе 44 года, несколько лет была завучем, воспитала и обучила игре на любимом инструменте (домре) более 50 учеников. Многие ее выпускники успешно продолжили музыкальную карьеру.

Качканар рос, строители сдавали новые жилые дома и другие объекты; вступил в строй действующих горно-обогатительный комбинат. Качканар трудился. Росла и крепла и музыкальная школа, выпускающая пианистов и баянистов. И каждый отчетный концерт, каждый выпускной экзамен были смотром ее достижений. И мелодии, уверенно извлекаемые детскими руками из инструментов, звучали как симфония труда, упорного и вдохновенного труда учащихся и педагогов.

Симфония труда

С годами она звучала все громче и ярче. В нее вплетались и уверенное дыхание города, и новые мелодии, новые имена.

В конце 60-х в школу пришли Морозовы: Валерий Нестерович (баян) и Эльвира Борисовна (фортепиано). С большим интересом занимаются юные баянисты и у Галины Васильевны Оберюхтиной. Прекрасный музыкант, человек с большим чувством юмора, активно участвующий в концертной жизни школы, она воспитала немало любителей музыки и преемников своего дела. Тут умест-

но будет напомнить, что ее выпускница Татьяна Циганкова долгое время руководила известным в городе хором «Журавушка».

В начале 70-х запели струны: по инициативе Виктории Кукарских был открыт класс **домры**, а с приходом Людмилы Ивановны Полковой – класс **скрипки.** Открывается **отделение духовых инструментов**, на котором работают Жаданова Людмила Стефановна (флейта) и Шалыгин Виктор Васильевич (кларнет, труба и тромбон).

Особый сказ – о **хоровом отделении.** Хор детской музыкальной школы нравился зрителям. Его вдохновитель Лидия Алексеевна Воложанина, обладая красивым, мягким голосом, часто выступала на школьных праздниках и концертах, была примером для своих учеников. А когда в школу пришла Любовь Васильевна Зыкина, закончившая дирижерско-хоровое отделение, при хоровом отделении школы появился **детский музыкальный театр**. В творческой атмосфере рождались спектакли «Кот в сапогах», «Муха-цокотуха», «Золушка» и другие. Родилась добрая традиция – ежегодные театрализованные представления «Посвящение в юные музыканты». Музыкальным театром увлеклась вся школа.

Традиционными стали и **«Встречи с музыкой».** Каждый месяц учащиеся встречались с артистами Свердловской филармонии и, затаив дыхание, слушали музыку Бетховена, Чайковского, Шопена, Скрябина, а также интересные подробности, связанные с сочинением того или иного произведения. Любили дети слушать и преподавателя музыкальной школы Антонину Новомировну Фольмер. Активно вела концертно-лекционную работу и Ирина Ивановна Пазухина, преподаватель фортепианного отделения. Она проводила «Музыкальные гостиные» для детей и музыкальные вечера для взрослых.

В 1974 году в Качканар приезжает Евтушенко Петр Васильевич (кларнет и флейта), в 1976-м – молодые специалисты Шамбурские: Владимир Анатольевич (по классу трубы) и Вера Николаевна (скрипка), а в 1978-м – Ольга Федоровна Божко, с появлением которой связано открытие класса виолончели. Грамотные профессионалы и творческие люди, они внедряли новые формы преподавания и добивались хороших результатов.

Да разве могли быть другие результаты, если упорный труд педагогов и учащихся – добрая традиция школы. И не удивительно, что и в 80-х и 90-х годах симфония труда, обогащаясь новыми красками и оттенками, продолжает звучать так же уверенно и вдохновенно.

Появляется **камерный ансамбль преподавателей** (О.Божко, Л.Шамбурская, Л.Полкова, Э.Морозова), который стал постоянным участником концертных мероприятий школы и успешно выступал

в смотрах-конкурсах. В.Н.Морозов создает **ансамбль педагогов ДМШ**. Необычный по звучанию и составу инструментов, где соседствовали скрипка и домра, баян и рояль, кларнет и бас-гитара, этот ансамбль многие годы концертировал в городе и достойно выступал в областных и кустовых конкурсах.

В школу приходит Чижикова Галина Антоновна – преподаватель по классу фортепиано и концертмейстер. Умеющая раскрыть индивидуальные особенности каждого ребенка, она успешно занимается с учащимися разных способностей, а также ведет культурно-просветительскую работу в городе, организует музыкально-познавательные мероприятия для детей и взрослых,

С 1982 года в городе гремит духовой оркестр, который уже через три года признается образцовым, а в 1998-м его руководителю Владимиру Шамбурскому присваивается звание заслуженного работника культуры Российской Федерации. Любимый и признанный в родном городе, духовой оркестр участвует в маршах-парадах и многочисленных фестивалях регионального и всероссийского уровней.

Новый, двадцать первый век школа встречает в новом здании, куда переехала с улицы Мира, где располагалась она после «Первомайки».

Школа идет в ногу со временем. Открываются **класс гитары** (педагог О.Божко), где учащиеся занимаются с большим интересом, и **вокальное отделение** под началом Тамары Васильевны Корнаковой. В школу приходит Ольга Арцер. Выпускница В.Морозова, она, подобно своему наставнику, работает творчески, увлеченно: преподает музыкальную литературу, ведет лекции-концерты, «Музыкальные гостиные» для учащихся и жителей города. По ее инициативе создается **Клуб любителей музыки**.

Идут годы, десятилетия. Достойно встретила школа свое 50-летие и бодро, словно под звуки оркестра, шагает дальше от успеха к успеху. И каждая победа – это результат огромной работы всего коллектива, который любое начинание умеет доводить до победного конца. И каждое достижение учащихся, каждая награда – это слава труду педагогов, это их апофеоз.

Апофеоз

Невозможно переоценить огромного влияния музыкальной школы на культурную и нравственную атмосферу в городе. Невозможно перечислить и все ее достижения. Давайте посмотрим лишь на последние пять лет, отделяющие школу от ее золотого юбилея.

За эти годы школа участвовала во многих творческих состязаниях. Вот лишь названия некоторых международных конкурсовфестивалей: «Волга в сердце впадает мое» (Астрахань), «У самого черного моря» (Сочи), «Урал собирает друзей» (Екатеринбург), «Радуга над Витебском» (Витебск), «Музыкальный вернисаж» (Магнитогорск), «На крыльях таланта» (Казань). Результат – 51 диплом (лауреаты, дипломанты, Гран-При)

Семнадцать дипломов принесли школе всероссийские конкурсы: «Золотой петушок» и «Зимние наигрыши» (Нижний Тагил), «Каменный цветок» (Екатеринбург), «Музыкальная шкатулка» (Верхняя Салда), «Новоуральские фанфары» (Новоуральские самоцветы» (Нижняя Тура).

Про межрегиональные, областные и региональные творческие состязания говорить не будем. Скажем лишь, что только за 2014 год учащиеся школы побывали на 18 конкурсах различных уровней и получили 73 диплома, в том числе 22 диплома высшего достоинства (Гран-При и первой степени), 40 дипломов второй и третьей степеней. За этими цифрами – огромный, вдохновенный труд. Хвала – учащимся! Слава – преподавателям!

А преподавательский состав – это 17 человек, и большинство из них – выпускники данной школы. Вот они: Ставрова Алла Михайловна, Пазухина Ирина Ивановна, Соковец Ольга Евгеньевна (фортепиано), Пименова Лидия Ивановна (баян), Мельникова Алеся Андреевна (домра), Новгородова Татьяна Николаевна (вокал), Алиев Михаил Ширинович (духовые инструменты), Арцер Ольга Валерьевна (музыкальная литература), Халиуллин Дамир Фанузович (звукооператор).

Они были учениками в то славное время, когда в Качканаре и в их музыкальной школе громко звучала симфония труда. Они впитали дух того времени, энергию преподавателей, влюбленных в свою профессию, и чувство коллективизма. И все это принесли своим ученикам.

С гордостью о коллективе говорит директор музыкальной школы **Инна Викторовна Хазова.** Тоже выпускница ДМШ, она закончила Краснотурьинское музыкальное училище по специальности дирижер академического хора и вернулась в Качканар – преподавателем сольфеджио и хора. Окончила Уральскую государственную консерваторию им. Мусоргского, была заместителем директора по учебно-воспитательной работе. Сейчас Инна Викторовна возглавляет родной коллектив, достойно продолжая добрые традиции своих предшественников: Штучко Анатолия Васильевича, Евтушенко Петра Васильевича, Шамбурской Веры Николаевны.

– Все наши преподаватели аттестованы на высшую и первую квалификационные категории, – говорит она. – И все – великие труженики. Сегодня в школе пять отделений по специальностям: фортепиано, оркестровые струнные инструменты (скрипка, виолончель), духовые инструменты (труба, кларнет, саксофон), народные инструменты (баян, домра, гитара), хоровое пение, сольное пение (эстрадный и народный вокал).

И, конечно, я спросила о хоровом отделении. Ведь когда-то Инна Викторовна (выпускница Галины Чижиковой) успешно руководила общешкольным хором средних и старших классов. Сегодня, как сказала она, с этим хором вдохновенно работает Алиева Екатерина Владимировна. Под ее руководством и общешкольный хор младших классов, а также хор и ансамбль хорового отделения.

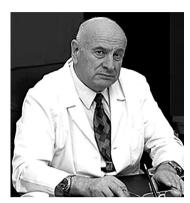
– Хор хорового отделения поет в качканарском храме, участвует в литургиях и церковных праздниках. А наш сводный хор – постоянный участник городских и школьных мероприятий. Сейчас ребята готовятся к фестивалю «Поклонимся великим тем годам», который посвящен 70-летию Победы и будет проходить 5 апреля в Нижнетагильском колледже искусств.

С тех пор, когда на качканарской земле появилась музыкальная школа, прошло более 55 лет. За это время ее окончили более 1200 человек; более 150 выпускников продолжили образование в музыкальных училищах, консерваториях, институтах и академиях искусств и культуры. Многие из них навсегда связали свою жизнь с музыкой.

Это прекрасно. Но не менее важно, что уже полвека музыка живет в Качканаре и благотворно влияет на нас. Мы уже не представляем себя без вокалистов Татьяны Новгородовой и хора Екатерины Алиевой, без баянистов Лидии Пименовой и скрипачей Оксаны Матис, без образцового духового оркестра Михаила Алиева и Клуба любителей музыки Ольги Арцер, без постоянных встреч с юными музыкантами на разных концертных площадках города. Музыка трогает и очищает наши души, поднимает нас над повседневностью.

Нет, не случайно в далеком 1959-м, «учитывая многочисленные просьбы трудящихся», в Качканаре была открыта детская музыкальная школа. И не случайно воспринимаются как завещание слова Дмитрия Шостаковича: «Любите и изучайте великое искусство музыки. Оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей. Оно сделает вас духовно богаче. Благодаря музыке вы найдете в себе новые неведомые вам прежде силы. Вы увидите жизнь в новых красках и тонах».

Семён СПЕКТОР

Заслуженный врач РСФСР.

Начальник Свердловского областного психоневрологического госпиталя для ветеранов войн (1973 – 2004).

Заместитель председателя правительства Свердловской области по социальной политике. (1997 – 2005).

Почетный гражданин Екатеринбурга (1993).

Почетный гражданин Свердловской области (2001)

С декабря 2005 года — директор института клеточных технологий.

Награжден международным орденом «Рыцарь Белого Креста». Также имеет медаль «За доблестный труд», орден «Дружбы народов» и «За заслуги перед отечеством» 4-й степени, «Почетный знак советского комитета ветеранов войн» и звание

Я СТРОИЛ ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНЫЙ КОМБИНАТ!

Вместе со студентами из других городов мы строили Качканарский ГОК. Да, я тоже строил горно-обогатительный комбинат! Мы понимали, что стране нужен ванадий...

Это было в августе, мы жили в палатках. Под палатками была вода, превращавшаяся ночью в лёд. И по утрам мне в первые секунды чудилось, что потолок палатки будет красным – как было это на учениях в армии, когда нас просто заедали местные злющие живодёрши-комарихи, а мы так уставали за день, что даже не отгоняли их: не было сил...

На еду нам давали по три талона «весом» в сорок копеек каждый. Так что одному из наших, мастеру спорта Ване Мусихину, который раза в три больше меня размерами, пришлось через городской комсомольский штаб добывать дополнительные талоны на питание...

Мы работали на пятьдесят четвёртой отметке – это пятьдесят четыре метра от земли. Однажды случилось ЧП – упал подъёмный кран. Но нельзя было останавливать стройку, слова «срывать график» представлялись ночным кошмаром, и мы работали. Привязывались цепями к балкам. Железобетонные детали поднимали на канатах.

Стране был нужен ванадий!..

Мы любили страну.

«ЭТИ ТРУДНОСТИ НЕ ПУГАЮТ!..»

ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ВПЕРЁД, К КОММУНИЗМУ»¹

Качканарские неурядицы

Сразу за Бушуевкой, где дорога сворачивает на посёлок Валериановский, уже чувствуется приближение большой стройки – Здорово взялись за дороги, – говорит шофёр, указывая на рассыпанные по сторонам кучи свежего гравия. – Вчера только за ночную смену было вывезено сюда около 150 самосвалов.

Однако в этот день почему-то ни одного самосвала не было на линии. На пути к Валериановскому наша машина обогнала только один бульдозер, который разравнивал навоженный за ночь гравий.

Может быть, ремонт дороги приостановлен из-за того, что пока в ней нет надобности? Нет, конечно. В Туру по железной дороге прибывает различное оборудование, материалы, разборные дома. Всё это будет перевозиться автотранспортом по этой дороге. Или, может быть, в этот день самосвалы брошены на другой, более важный участок?

Тоже нет. Когда мы подъехали к конторе Уралсибэкскавации, увидели, что все машины стоят в гараже, а шофёры, не зная, как скоротать время, сидят кто на завалинке, кто на полянке.

- Когда же привезут бензин? то и дело спрашивают они у завскладом.
- Не поймёшь, что у нас получается: приехали сюда работать, а сидим да покуриваем, как на курорте, недовольно говорит один.
- А чем тебе не курорт, урезонивает его другой. Тут и лес, и речка, и воздух такой, что только радуйся.
- Тебе хорошо радоваться: квартиру нашёл, а я вот в кабине сплю, так радости мало. Ночью так проберёт, что зубами начинаешь щёлкать, вмешивается в разговор третий.
- Всё это ерунда, весело отозвался молодой парень в комбинезоне. Временно и в кабине можно поспать. Вот только бы работой загружали как следует.

Да, шоферов Уралсибэкскавации сейчас больше всего беспокоят вынужденные простои: то бензина нет, как сегодня, то фронт

 $^{^{1}\ \ \,}$ Так называлась газета Нижне-Туринского ГК КПСС и исполкома горсовета

работ не подготовлен. Правда, ещё два дня назад работы хватало всем: самосвалы беспрестанно возили из отвалов гравий на трассу новой дороги, которая свяжет посёлок Валериановский с промплощадкой строящегося комбината. Около 700 метров дороги уже было засыпано. Но вот она упёрлась в болото – и всё дело встало. Экскаватор, делавший выемку грунта на трассе, пришлось поставить на переоборудование с тем, чтобы он мог вести выторфовывание болотистого участка. И теперь все ждут, когда экскаватор снова начнёт работу.

Машинисты экскаваторов братья **Леонид и Георгий Семико-робка**, как и все качканарские строители, работают здесь недавно, но и за это время они успели завоевать славу настоящих тружеников.

– Из Туры на Валериановский они перегоняли свой экскаватор в самую распутицу, – рассказывает о братьях начальник Уралсибэкскавации тов. Вольский. И, несмотря на это, перегнали его без всякой заминки и поломки. А ведь тогда и автомашины с трудом проезжали. Но своё трудовое мастерство братья Семикоробки показали, когда началась прокладка дороги на промплощадку. В первые же дни, несмотря на трудные условия, они выполнили задание не менее, чем на 125 процентов.

И в этот «безработный» день, как выразился один из шоферов, братья Семикоробки не сидели без дела. Они вместе со своими помощниками Иваном Аксёновым и Леонидом Мезенцевым заканчивали переоборудование экскаватора.

– Всё уже сделано, завтра бы выезжать можно, да вот валик не знаем где проточить, – говорит Георгий. – Надо идти договариваться с геологоразведкой, своих станков пока у нас нет.

Кругом трудности. И хотя экскаваторщики привыкли к ним ещё на целине, откуда они приехали на Качканар, но всё-таки досадно, что в такую горячую пору приходится простаивать из-за пустяков.

Основная работа, какая ведётся сейчас на строительстве Качканарского комбината, – это валка леса. Прорубаются трассы для постоянной и временной дорог, для линии электропередач, очищаются от леса участки, где будут расположены рабочий посёлок, промплощадка. Чем быстрее закончат своё дело лесорубы, тем быстрее можно будет приступить к другим работам.

Как же организовать труд лесорубов?

Мы в одной из бригад, прорубающих трассу для дороги на промплощадку. Рабочие распиливают сваленные деревья, укладывают их в штабеля, убирают сучья. Разговорились.

– Признаться, мы больше ждали от Качканара, говорит **лесоруб Тарасов**. – Хотя работа, надо сказать, подвигается быстро, но всё делается как-то не так. В первые дни все принялись за дело горячо, а сейчас уже с холодком стали относиться. Некоторые даже уходить обратно собираются. А почему? Вот мы работаем и не знаем за что. Наряд никто не выписывает, сделанное не замеряют и не принимают. А в каких условиях мы живём? Когда направляли на работу, то пообещали, что через день-два выдадут палатки, спецовку и всё, что полагается. Прошла неделя, а палаток и спецовки до сих пор нет. Вон шалашики из веток смастерили и спим в них. Да разве в таких шалашиках укроешься от дождя? С питанием тоже дело обстоит из рук вон плохо. Да что питание? За папиросами и то надо бежать в посёлок за три километра. Тут наши руководители что-то недосмотрели. Прежде чем начинать работу, надо было хоть немножко позаботиться о тех, кто будет работать...

С эти нельзя не согласиться. То, что временные трудности неминуемы на любой стройке, это каждый знает. Но всё ли сделали руководители организаций, строящих комбинат, чтобы уменьшить эти трудности?

К.Осиев, 5 июня 1957 г.

На склоне горы Долгой

Временная дорога от посёлка Валериановского до места будущего городка горняков Качканарского горно-обогатительного комбината ещё не на всём протяжении хороша, но по ней уже взад и вперёд непрерывно движутся машины. Они везут оборудование, строительные материалы, постельные принадлежности.

А на склоне горы Долгой вырос уже новый палаточный посёлок. Двадцать белоснежных палаток правильным четырёхугольником охватили красивую лесную поляну. В некоторых поставлены кровати и столики, на «стенах» приколоты фотографии и календари – здесь уже налаживается житейский уют, в других палатках только ещё настилаются полы.

Мы беседуем с начальником стройуправления «Качканаррудстрой» тов. Мальцевым.

– В этих палатках, – рассказывает он, – разместится 400 человек. На днях всё благоустройство будет закончено. Скоро проведём

сюда электричество. Передвижная электростанция почти смонтирована, осталось только сделать проводку.

Мы попросили тов. Мальцева рассказать, чем занят сейчас коллектив участка.

– Основная часть рабочих занята на лесоповале. С 27 мая, когда мы пришли сюда, сделано уже очень много. Вырублены трассы для дорог, для линии электропередач, заканчивается вырубка площади под затопление. В нашу задачу входило как можно быстрее подготовить фронт работ для других организаций: Уралсибэкскавации, Уралэнергомонтажа, Спецстроя. Эта задача в основном уже выполнена. И надо сказать, что это достигнуто только благодаря самоотверженному труду всего коллектива, который не считался ни с какими трудностями.

Сейчас мы переходим непосредственно к строительным работам. Начали с того, чтобы обеспечить всех рабочих жильём. Теперь этот вопрос уже тоже надо считать решённым, на ближайшее время, конечно. Через несколько дней вступят в строй столовая, вернее, кухня и открытый павильон на сто мест.

Очередная наша задача – приступить к строительству постоянного городка. С первых дней июля эта работа будет начата, а пока идёт подготовка к ней. Строится растворный узел, прорубаются улицы. До конца года думаем построить посёлок примерно на 1000 человек, и уже в июле будет сдано в эксплуатацию четыре сборных дома.

...Редеют лесные заросли на склонах горы Долгой. И уже не на бумаге, не на генеральном плане, а на местности вырисовываются контуры улиц. И хотя потребуется ещё много времени, придётся преодолеть немало трудностей для того, чтобы посёлок был настоящим посёлком, строителей эти трудности не пугают. Добрая трудовая слава идёт о бригадах плотников и лесорубов, которыми руководят товарищи Рябинин, Редозубов, Тополев и многие другие. В любых условиях они перевыполняют нормы выработки и с каждым днём уверенно наращивают темпы своей работы.

28 июня 1957 г.

У пионеров большой стройки

Началось.

Наверное, нижнетагильские металлурги очень обрадовались, когда прочитали в газетах, что наконец-то развернулось строи-

тельство горно-обогатительного комбината. Да разве только металлурги обрадовались! Со всех концов страны в адрес треста Качканаррудстрой идут письма. Пишут трактористы и шофёры, каменщики и плотники, экскаваторщики и разнорабочие. И в каждом письме – одна просьба: «Примите меня на строительство Качканара».

Принимают. Сейчас уже около пятисот рабочих трудятся на стройке. А стройки пока нет. Есть глухие уральские леса, миллиарды комаров, двадцать белых палаток, тракторы, бульдозеры.

А люди уже строят.

Едем на Качканар.

Вот машина выскочила из небольшого лога, начала подниматься в гору.

– Это и есть гора Долгая, – сказал шофёр, – а рядом – две горы Гусевы. Тут в скором времени будет город возведён.

Будет! А пока – лес, лес, лес. Его уже рубят.

Первое знакомство с бригадой **Леонида Ивановича Редозубо-ва**. Вот он пилит доски. Они нужны на сооружение стен кипятильника.

– Палатки построили, – говорит Редозубов, – теперь нужно сделать кипятильник и кухню. Сегодня закончили все плотницкие дела.

Бригада Редозубова уже нашла на стройке свою славу. Прораб говорит:

– Вот Редозубов – то да!

Как не похвалишь, если бригада Леонида Ивановича выполняет по полторы, а то и по две номы в день.

Но не с неё рассказ начинается.

Нина Литвиненко отрекомендовалась:

- Комендант палаточного города.

А в «городе» - двадцать палаток.

- А Вы, Нина, где раньше работали?
- Я из Севастополя.
- Интересно. Каким чудом Вас сюда занесло?
- Чудо не велико. Сама исовская, узнала, что строится Качканар, вот и приехала. А теперь, как видите, работаю комендантом. Хотелось бы, конечно, в бригаду, да не пускают. Тебе, говорят, и эта работа по плечу.

И «комендант палаточного города» предлагает нам познакомиться с **Михаилом Тополевым**, бригадиром плотников.

– Время обеденное. Зайдём к Тополеву, он сейчас как раз, наверное, дома.

Вот он сидит за столом. В палатке – полнейший порядок. Кровати заправлены, как полагается в хорошем доме.

Знакомимся.

– Сегодня, понимаете ли, провели мы в бригаде профсоюзное собрание. Надо было выбрать профгруппорга. Ну, подумали, погадали и остановились на **Николае Михайловиче Новикове**. Человека этого мы хорошо знаем. Вместе с ним работали на строительстве Соколовско-Сарбаевского горно-обогатительного комбината. Там он у нас тоже профгруппоргом был. Вместе и сюда приехали. Оправдал товарищ доверие. Вот и избрали снова.

Итак, профсоюзная группа снова организована здесь, в лесу, у горы Качканар.

– А ещё какие вопросы обсуждали на собрании?

Михаил Тополев взял со стола исписанный чётким почерком лист бумаги.

- Почитайте!

То был протокол. В нём значилась повестка дня:

О трудовой дисциплине.

2. О вступлении в социалистическое соревнование за достойную встречу сорокалетия Великого Октября.

Насчёт трудовой дисциплины было записаны очень коротко: «Ввиду того, что строительство нашего Качканарского горно-обогатительного комбината вступило в действие, поднять трудовую дисциплину на высокий уровень и не уходить со стройки домой, пока не выполнишь полторы нормы». Всё.

А что касается соревнования, то бригада решила: вызвать на соревнование Редозубова и его товарищей на таком условии: нормы выполнять на 150 процентов, а все строительные объекты сдавать с оценкой не ниже, чем «хорошо».

Тополев, помолчав, сказал:

– Думаю, что наша бригада эти условия выполнит, хотя, должен вам сказать, за бригадой Редозубова дело тоже не станет.

Бригада Тополева – запевала соревнования. Так было на каждой стройке. Так было в Комсомольске-на-Амуре, на строительстве Днепрогэса, у Жигулёвских гор и там, откуда приехала сама бригада – на стройке Соколовско-Сарбаевского комбината. Пусть пока бригаде Тополева приходится жить в парусиновой палатке, пусть нещадно кусают комары, но она верит: комбинат у Качканара будет построен в сроки, записанные в плане шестой пятилетки. Ве-

рит и не боится никаких трудностей. О том же думает и бригада Редозубова.

А разве не эта вера в силу великих планов партии привела на стройку **Илью Петровича Машкина!** Сам он по профессии горный техник. Ну что ж, ничего, что пока приходится лес рубить, руководя коллективом лесорубов.

Зато, когда построим комбинат – найдётся дело по прямой моей профессии.

Илья Машкин здесь же, в лесу, развернул большую карту будущего комбината.

– Вот здесь будет дворец культуры, здесь – поликлиника, здесь – школа, а тут – наш городок строителей. Перспектива! Но надо её брать с боем. И начинаем брать.

Илья Машкин рассказывает нам о бригаде **Сергея Макарова**. В бригаде одиннадцать человек.

– Орлы – один к одному. Молодёжь. Заняты сейчас прорубкой будущих улиц. Все из Верхнего Иса. «Вот, говорят, пока рубим ёлки да сосны, а, может быть, в скором времени здесь жить будем». «Конечно, – отвечают, – будем. А как же!» Настроение боевое!

Боевое настроение! Его можно было увидеть и на лице **Георгия Семикоробки**, который вместе с братом Леонидом решил штурмовать лес. Вот он сидит за рычагами своего драглайна.

Машина работает безотказно. То и дело подходят самосвалы. Ковш, второй, третий – кузов наполнен землёй.

– Здесь будет плотина, – говорит Георгий Семикоробка, – вовеки не забуду, как мы её строить начинали.

Да, скоро здесь будет плотина. Она перегородит маленькую речку Выю и образует большое водохранилище для Качканара.

И с кем бы вы ни поговорили здесь, все живут единым стремлением – скорее построить комбинат.

И, право же, люди, которые заняты этим строительством, его пионеры, заслуживают того, чтобы о них была проявлена самая тёплая забота.

В отделе кадров Качканаррудстроя жалуются:

– Много у нас хороших людей, но есть и погонщики за «длинным рублём». Бегут искать более высокого заработка.

Только ли за более высоким заработком гонятся эти «погонщики»? Нет, разумеется.

Тот же Михаил Тополев, к примеру, говорит:

– Неужели так трудно привезти к нам в палаточный городок хлеб? Зачем нам ходить двенадцать километров в посёлок Валериановский за продуктами, терять время?

Тополев не знает, что обеспечение строителей продовольствием лежит на совести заместителя начальника Исовского продснаба тов. Удовенко. Но сей руководитель потерял совесть. Продснаб не присылает сюда ни хлеба, ни консервов, ничего. А наобещали молочные реки. Руководители продснаба заверяли строителей, что они пригонят в лес на лагерное содержание стадо коров и будут поить рабочих молоком. Слово разошлось с делом. В продснабе есть автолавка. Но её, видите ли, никак нельзя прислать на стройку, потому что машина неисправна. Трест даёт продснабу две новых автомашины, посылает их в продснаб, но там отказываются от машин. Хлопот боятся.

...Началось. Строительство Качканарского горно-обогатительного комбината открылось. Сотни людей начали наступление на вековые леса. Они копают землю, возводят первые строения будущего посёлка, всё ближе и ближе идут к заветной цели. Надо только, чтобы об этих людях была проявлена настоящая забота.

Н.Галунин 5 июля 1957 г.

Качканарская новь

- Вас освежить? - спрашивает парикмахер Василий Илларионович Орлов своего клиента, шофёра, только что вернувшегося из очередного рейса.

И парикмахер, и клиент разместились под кудрявым кустом рябины возле палатки. Василий Илларионович работает в парикмахерской артели «Труд» на посёлке Валериановском, но по совместительству выезжает сюда, в палаточный посёлок, и бреет усы и бороды строителям Качканара.

- Да, освежите, отвечает клиент, и запах фиалки смешивается с другими лесными запахами: рябины, черёмухи, хвои... Шофёр с удовольствием заглядывает в небольшое зеркало и освобождается от белоснежной простыни.
 - Следующий!

«Говорит Москва. Передаём последние известия». Многие новосёлы привезли с собой радиоприёмники и аккуратно слушают московские передачи.

- Сегодня - кино! – эту новость с радостью передают друг другу и молодёжь, и пожилые. Как же, на посёлке кино ожидается впервые в истории. Вообще здесь всё впервые. Взять, например, летний кинотеатр. Хотя такое название звучит слишком громко для столь скромного сооружения, построенного в течение нескольких часов. Но тем не менее – кинотеатр!

А вот танцевальная площадка на посёлке – это уже не новинка. Настоящая площадка с добротным дощатым полом, с перилами. От обычной отличается только тем, что за вход на неё не требуется билетов, да, пожалуй, ещё тем, что её пола больше касаются тяжёлые рабочие сапоги, чем модельные туфли. Но танцуют и пляшут здесь так же весело и задорно, как и всюду.

28 июля 1957 г.

Качканар

Спал долго Качканар - железная гора, И тёмный лес вокруг неё дремал. Но их покой нарушил аммонал – Проснуться им пришла пора! Пришла пора раскрыться недрам, Взлетают в воздух скалы, кедры: На штурм разбуженных высот Строитель, как на бой, идёт, И шумом трудовым оглашена округа... Палатки забелели среди сосен, ив, Как будто среди лета разразилась вьюга, Сугробы островерхие нагромоздив. И не боятся крутизны нимало, Бегут, петляя по дорогам, самосвалы, Везут кирпич, столярные изделья... Строители торопятся не зря: В канун сорокалетья Октября Они решили справить новоселье.

За праздничным столом единою семьёй Они заглянут в день грядущий свой, Когда к горе вплотную подойдут И двери в кладовые распахнут. Руды запасы в них огромны. Дышите жарче, полыхайте, домны! Дары тебе готовит Качканар, Отчизна: В тайге над мирным небом скоро Огнями засияет новый город – Один из бастионов коммунизма!

Д.Лутцев, старший прораб Качканарского строительно-монтажного управления «Уралспецстрой» 18 августа 1957 г., №98

На Качканаре создана профсоюзная организация

В июле и августе на строительных участках Качканаррудстроя прошли собрания рабочих и служащих, на которых были созданы цеховые профсоюзные комитеты. В их состав выдвигались передовые труженики стройки.

Состоялись первые заседания профсоюзных комитетов. Председателем цехкома на участке экскавации избран тов. **Кормильцев**, на перевалочной базе – мастер тов. **Гаврилов**, избраны председатели и на первом строительном участке, в управлении треста и т.д.

Сейчас проходят собрания цеховых профсоюзных организаций по выдвижению делегатов на профсоюзную конференцию стройки, которая состоится в конце этого месяца.

В.Попов, 18 августа 1957 г

поэзия

Александр ВАСИЛЕВСКИЙ

Родился в 1971 году в Качканаре. Отец, Виктор Михайлович Василевский, был одним из первых строителей города, впоследствии — Заслуженный строитель России.

В 1993 году закончил исторический факультет Уральского университета. Более 15 лет проработал в УрГУ сотрудником и преподавателем. Создавал систему дистантного обучения в уральских городах, читал курсы истории и философии. С 2005 года — в журналистике, с 2008 года по настоящее время главный редактор делового журнала National Business. Автор более чем 200 журнальных статей.

С 2013 также является сотрудником Агентства стратегических инициатив. Кроме того, входит в

руководство Ассоциации выпускников УРГУ-УПИ-УРФУ, входит в число организаторов Венского фестиваля музыкальных фильмов.

Женат. Воспитывает двух сыновей.

Стихи пишет с 1998 года. Вышло два поэтических сборника: «Половина зимы» и «У стен Бодлера».

Никто не знает, что произойдет, Когда соединятся наши губы, Мое в твое дыхание войдет Неведомой флотилией Колумба. И сердце станет в легкие стучать И требовать еще чужого зелья, А наши ангелы-хранители смолчат, Усевшись рядом на краю постели. Случится взрыв как в мастерской Кюри, Что наши жизни – устоят ли, рухнут? Они и так уже минуты три Лишаются и зрения и слуха. Наш поцелуй – Кощеева игла, Конец ее сгибаем мы, сгибаем До хруста, до безумия, дотла, Друг друга сладко и отчаянно вбирая...

Ты не моя, и я немой,
Опять возникший наблюдатель,
Молюсь за нежный твой покой,
Хоть сам хочу тебя некстати.
Мы рядом как на исповеди вроде,
Где абсолютная бессмысленность играть,Нам не нужны ни повод, ни поводья,
Чтоб тела хлеб друг другу отдавать.
Мы это поняли, но все-таки не легче,
Скажи, мне убеждаться вдруг,
Что абсолютно недоступны плечи
Твоих на расстоянье рук.

Я опрокинул бред невыпитым стаканом, Чтобы слова подальше растеклись И стали: для молекул – океаном, А для кота – удобной лужей: кис-кис-кис. И крик последней каплею вдогонку: «А знаешь, сколько нежности в груди Клюется недоношенным орленком И требует тебя, чтобы расти!?» Ум как вода. Горячее с холодным Включить, протечь и сердце сполоснуть, Зачем, мой ангел, не со мной ты был сегодня И пропустил проклятую весну?

Какими же большими стали крылья, Им тесно в старом городе имен, Их для полетов к морю породили, А здесь воды – всего один флакон, И тот раскоканный... Безумие в квадрате. Поэзия! Мой бог! – похорони меня В твоем четверостишье, как в ограде, Вбив восклицательность копья!

Твое тепло пугливо и случайно, Чтоб не расходовать огня, Его ты тихо жжешь свечами, И редко балуешь меня. Твое вино еще до губ Уже готово для причастья, Упрямо ты возводишь в куб Свои претензии на счастье, Что оправдательно вполне Тебе, чей облик безупречен. И остается греться мне У долгих безнадежных свечек...

Мы зрячие люди... Для нас нет загадок, Сжатых квартирой и жизнью людей, Но истина нам не жена, не награда, А место укуса влетевших идей. Вот так и блуждаем по миру подранками, Из текста как фокусник вытащим смысл, Башкою об стенку! Где же вы, ангелы? Боитесь общаться с такими, как мы?! Небо, сошедшее в головы наши, Через глазницы не выйдет дождем, Только язык – тот, которым мы пляшем, Выдохнет слово, как облачный ком.

И не сломаться, когда чужая смерть, как птица Клюет ладонь. Запас сухой воды Не просочится сквозь ресницы У зыбкой каменной плиты. Жизнь будет длиться. На стакане Пьет воду православный хлеб, Крахмально разбухая длани, Он отправляет в небо веб. Летают нимбы над погостом И лепят памяти крыла, О, как бы снова стать подростком, Легко смотрящим в зеркала!

ПУШКИН

Вновь огни деревень... Сколько раз я процокал Россию? И опять шепотком изойдет ребятня: «Голова-то арапская, черный-иссиня, То ли черт, то ли турка...» –

и все про меня. Канет срок, и волосы и бакенбарды Окунутся в седую волну, а вот я Буду прежним: то книги,

> то мысли, то карты...

И стихи и долги, и, конечно, друзья ..
Только как обуздать ганнибалову ярость?!
Сколько пляшет юнцов, и она улыбается им.
Я – поэт, я – мужчина, Натали, я – не старый!
Докажи мне, голубка моя, что тобою любим.
Поседею ли я? Может, завтра

скучающий франтик
Развлекаясь, мне яду вольет, и, подняв пистолет, Я почувствую пулю в себе, упаду на закате И услышу Его: «Доигрался, великий поэт?» Значит, кончена жизнь? Значит, кончена бренность земная?

Эти тонкие пальцы с огромным кольцом Не напишут ни строчки?! Да что я себе представляю! Не пора ли заняться бутылкой с французским вином?

Вечер в сумрак опрокинул Геометрию дорог. Вот асфальту лижет спину Заблудившийся щенок. Все, что выдохнуто за день, Остается не у дел. Остужается в прохладе Смысл, которым так горел. В небе - воля. В небе - пустошь. Нет ни солнца, ни луны, Нескончаемо несутся Облаками табуны. И желанье потеряться В этом хаосе коней, Но я жив. Хоть, может статься, Буду там еще живей. В этом мире все ночнее, Маскируются дома. Не пугает, не довлеет Опустившаяся тьма. Сухая нехлипкая осень, Прожилки асфальта видны. В заброшенном парке накройся Воздушным платком тишины... Провинция морщит и манит, Как уличный свет – воробья. Я грею ладони в кармане И в сумрак вплываю себя... И хочется тихо пробраться К душе, за вторым позвонком. Её обнаружить пространство. И склеить в стихи языком.

Ночь нам слизывала лица, Уговаривая на Блюдце белом покрутиться Вместо вкрадчивого сна. Сложим мы свои фигурки После партии дневной, Пусть глаза играют в жмурки Сами по себе. Рукой Видеть более надежно, Не на ощупь, но на взлет Прикасаются две кожи И отыскивают вход. Или в-бег? Или в-теченье? Потеряю – обретешь Часть меня. В момент сгущенья Обоюдно дарим дождь.

Анатолий КУЧИН

О себе

В эту жизнь я вошел в стране Ярославии, за 9 месяцев до дня начала Большой войны, став предпоследним ребенком в многодетной семье колхозников. Образование отца — три класса в начале прошлого века, которые он простодушно приравнивал к вузовскому; мама училась, уже будучи взрослой, в период ликбеза — 20 дней.

В любой детской компании: деревенской, школьной — был едва ли не самым младшим, слабаком, что предопределило нетерпимость к любому насилию и несправедливости. Обстановка

детства воспитала скромность в личном потреблении, стремление к любой учебе и отношение к труду как к смыслу жизни.

Читать и писать умел еще до школы (в первый класс шел 6-летним). Как в учебе, так и в труде (любом) главным было удовлетворение интереса, процесс преодоления своего незнания и неумения.

Этапы учебы: сельская семилетка, лесохозяйственный техникум, в армии школа ВСР (воздушных стрелков-радистов), школа летчиков-наблюдателей в системе Минлесхоза СССР (авиалесоохрана), философский факультет МГУ (с успешным началом и последующим самоисключением), ВЗФЭИ (Всесоюзный заочный финансово-экономический институт), различные курсы, общение с серьезной книгой (и сказкой!), с мудрыми людьми — всю жизнь.

Трудовая деятельность: летне-осенние работы в колхозе, лесоустройство и лесное хозяйство, авиалесоохрана, финансовая система: от старшего инспектора до экономического советника и начальника отдела в региональных Минфине и Управлении юстиции, контрольно-экономическая работа в промышленности и в КРУ при Минфине России, прямые работы в различных отраслях: кочегар, грузчик, скотник, машинист локомотива, строитель, истопник, учитель.... И все это без какой-либо системы, вперемежку по времени и месту, как синусоида на кардиограмме при хорошей аритмии.

Хобби: плетение из лозы и «тихая охота» — всю жизнь; огородничество — последние 12 лет.

Вера – христианская.

Мне довелось жить и трудиться в разных регионах страны и коллективах. И все это для меня единый, целостный путь. Сравнивать части между собой, противопоставлять их – зачем?

В Качканар мы приехали семьей в 1969 году, а в 1991-м я был переведен в Свердловск, в областной аппарат. Вместе с Качканаром прожито 22 года продуктивного возраста. Трудился в горфинотделе, ГОКе, КЗРГО («Металлист»), радиозаводе. В период становления ГОКа, в первой половине 70-х, входил в состав управленцев предприятия в должности заместителя главного бухгалтера по контрольно-ревизионной работе и методологии учета. Там я воочию видел людей, которые жили полной жизнью (трудились «на всю железку»), старался содержанием своей жизни слиться с ними.

Я шел по жизни с интересом, Как туристической тропой, Был награжден «бараньим» весом И уникальною судьбой. Хранило Небо меня с детства -На грани был несчетно раз – И негативного соседства Знал близость, но душой не гас. Все было: и шипы, и розы, И покровительство Небес, Вполне реальные угрозы, Рукою выращенный лес. Знал униженье и признанье, Был над землей и под землей. Моя цель жизни – рост сознания, Да быть всегда самим собой. Мне улыбается ребенок. Со мною говорит старик. Я коллективен, как опенок, И частен¹, как предсмертный крик.

 $^{^{1}}$ частен – от частный, т.е. не общий, не типичный, присущий конкретной личности.

Бреду по жизни; время – осень; Есть кой-какой остаток сил: Ведь стал по-стариковски постен – Чтоб бес на грех не совратил. Устал, промок. Тепла, участья Желают тело и душа. Иного и не надо счастья, И жизнь была б сверххороша. Предвосхищаю: близ дороги Увижу вдруг костра огонь; К нему приблизят меня ноги -Как будто для меня там бронь! А подойду - и мне без слова Уступят место у огня... Я так хочу тепла и крова, Что не понять нельзя меня! Я расскажу, где был, что видел, В каких участвовал делах, Кого любил, кого обидел И перед кем имею страх.... Послушают меня немного И о своем заговорят... Я ж мысленно восславлю Бога: Как хорошо дрова горят! И мир какой близ этих сосен! Нет ни угроз, ни самих бед. ...Бреду, промок - на то и осень. Но верю: ждут тепло и свет.

Рабочие городов – шефы села. 70-е годы.

Совхоз. Июнь. Жара. Прополка. Работа, ох как нелегка! Крестец словно в зубах у волка. Не к месту кожа рук мягка. Прошел рядок с полкилометра. Пот меж лопаток. «Дай мне сил!» - Молю я Бога. Нету ветра.... Лег и все мысли погасил.

Лежу, с землей соединяясь Усталым телом. И оно Как-то естественно и смело Уж с нею снова заодно. Моя усталость как бы тает... Вот бестелесность дана мне... Сознание бабочкой порхает В ветвях березы, в вышине... Я ничего не ощущаю. Есть только мысли... ни о чем ... Я – мирозданья часть, я таю... А жизнь вокруг меня - ключом: Растут и набирают силу Трава, деревья и кусты. Живое тянется к Светилу... А что же ты? А что же ты? И вот, очнувшийся от грезы, Я вновь телесен, полон сил Для совершения жизни прозы, Той, что у Господа просил. P.S: Я понял: груз житейской ноши Надо менять, чередовать. Чтоб отдых был вполне хороший, Надо сперва вполне устать.

Мы в этой жизни движемся по кругу: С утра – из дому, вечером – домой. Добро и зло идут друг возле друга, Следя ревниво за тобой и мной. А мы идем, куда нам надо, Куда тьма тем до нас уже прошла. Добро и зло следят за каждым шагом, Записывая мысли и дела. В конце пути кто может оправдаться, Если когда-то не туда шагал, Кто не сумел до истины добраться, Со злом братаясь, лез на пьедестал? Идешь? – Иди! Куда – мое ли дело? Дашь руку мне – вот и моя рука.

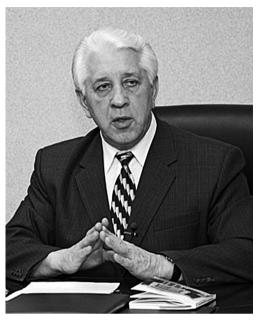
Есть у тебя свои душа и тело,
И в книге жизни есть своя строка.
На радость мне даны мои дороги.
Иду неторопно, свободно, налегке.
Глаза у зла «добры», а у добра – сверхстроги.
И мера истинная у Судьи в руке.

Август, первые-первые числа. Возвращаюсь с работы пешком. Строчка песни в сознанье зависла И звучит молодым петушком. Не спешу. Вечер мой. Я свободный. У забора невестами в ряд, Где над речкой мосток пешеходный, Молодые рябины стоят. Листья их от жары потемнели. Кисти ягод весомы, буры -Попируют дрозды, свиристели! Зрейте, ждите осенней поры. Прохожу, до рябин нет мне дела; Все ж коснулся ладонью листов. Вдруг увидел... и встал онемело: Под рукою кисть белых цветов! Отвожу потихонечку руку, Ветка с кистью легла на плечо -Сердце вмиг окунулося в муку -Вот еще цвет; еще и еще. Да, природа себя обманула, Жаркий август за май приняла. Истомясь, в яркий полдень вздремнула, А потом невпопад зацвела. Поздний цвет... Он, конечно, бесплодный: Впереди не тепло — холода... Неужели наш «выбор свободный» Снова нас заведет в никуда?

Хвалите Господа, друзья, В своем сознании всечасно. И вы не будете несчастны, Невесты, жены и мужья. Любите Господа, друзья! Хвалите Господа, друзья, Своими жизнями, не словом -Господь едой вам будет, кровом, Наградой трудового дня. Любите Господа, друзья! Хвалите Господа, друзья, А похвалив, хвалите снова: Он - все для нас, всему основа: Он - наш Отец и наш Судья. Любите Господа, друзья! Не убивайте же, друзья, Себе подобные зачатья: Такими ж были вы и я, Они потом нам станут братья. Любите Господа, друзья! Не обижайте никого. Кто вас беспомощней, слабее: Не разрушайте ничего. Что сами делать не умели -Не унижай Любовь Его! Хвалите Господа, друзья, За свет Его, который – Слово. Ни на себя, ни на другого Не разворачивай ружья -Любите Господа, друзья!

Иван ОВЧАРУК

Выдающийся юрист. Родился в 1943 году в селе Топорчики Изяславского района Хмельницкой области. Судья высшего квалификационного класса. Заслуженный юрист РФ. Председатель Свердловского областного суда (1987-2013 гг.). Почётный гражданин Свердловской области. Своё восхождение к вершинам юриспруденции начал из Качканара: 1969 — март 1976 г. — народный судья Качканарского городского суда. Очень тепло и трепетно вспоминает наш город.

Первостроителям

Где Выя, играя, на солнце искрится, Где листья рябины горят, как пожар, Тебе суждено было здесь вот родиться, Мой город любимый, родной Качканар! На склонах гористых раскинуть кварталы, Нарушив чащобы таёжный покой, Зажечься огнями, политься металлом, Взлететь в поднебесье звенящей строкой. И надо же счастью такому случиться: Мне выпало строить, идти впереди, Теперь моё сердце надёжно стучится В твоей, Качканар, богатырской груди. Вы только взгляните, ведь сердцу отрада: Мой город заполнил неоновый свет, Я счастлив безмерно, ведь это награда, Награда, которой прекраснее нет!

Посвящается участникам Великой Отечественной войны – защитникам Ленинграда

Хочу, чтоб знала Родина моя: Я предан ей кровинкой каждой. К словам высоким не приучен я-На деле доказал однажды. Когда горнист сыграл тревогу На яростно сверкающей трубе, Не медля вышел я в дорогу Поклявшись в верности тебе. Стрелковый взвод, окопы, стычки И знамя реет на ветру... А в памяти Нева и Перемычки, Адмиралтейство, памятник Петру. За них я дрался исполином, Был крепче стали и огня. Россия! В трудную годину Ты можешь положиться на меня!

Триптих отцу

В руках письмо. Держу, как похоронку, Что страшным криком вспорет тишину. В небесной сини жаворонок звонкий. О нём бы петь. А я всё про войну. Пришло письмо из Дома обороны, Майор Петров ответил, наконец. Читаю текст печально-похоронный, Читаю первое, что «Ваш отец...» Нет, нет, он жив, надежды не теряю, Я столько лет надеждою живу. Он жив! Он жив! Я это точно знаю: Во сне встречались, словно наяву. Он жив! Он жив! Хотя ни разу Его увидеть не пришлось. Взглянуть хочу одним хоть глазом И рассказать бы что нашлось. Ему о всём бы я поведал, Ему о всём бы рассказал...

О том, что к нам пришла Победа, Что он уже и дедом стал. Что в нашей жизни всё иначе, По визе езжу в гости я... Душа болит, и сердце плачет: Славян расстроилась семья. В руках письмо. Держу, как похоронку, Что страшным криком вспорет тишину. В небесной сини жаворонок звонкий. О нём бы петь. А я всё про войну...

По дороге одной Из сторонки родной Провожали ребят Их родные когда-то. Чтобы ночи не спать. Чтобы ждать и встречать: Не идут ли домой Их сыночки-солдаты? Искры юных сердец Не осилил свинец. Что так долго встречал Их в пути бесконечном, Эти искры слились, Ярче солнца зажглись, Полыхают огнём, Но теперь уже Вечным.

Идут года. Я сверстник дней, В огне горящих, грозных, трудных. Когда отец, надев шинель, В военных растворился буднях. Услышав первый детский писк, Он уходил, глотая слёзы, Ушёл в меня, ушёл в берёзы, Ушёл в гранитный обелиск. Присяду рядом, помолчу... Какие сны ему там снятся? И так захочется прижаться Щекой к отцовскому плечу...

Другу

На свете есть пословица такая: «Скажи, кто друг, и я скажу, кто ты». Тебя, родной, я другом называю, С тобой все мысли, планы и мечты. Я знаю: радость пополам разделишь, А ношу горя взвалишь на себя. В любом большом и малом деле Я смело полагаюсь на тебя. Сегодня слов прекраснее не знаю, Точнее слов, уверен, не найти. Я по тебе шаги свои сверяю, С тобой в разведку я могу пойти!

У обелиска

Тише, берёзонька, тише, Ветками ты не шуми. Разве, родная, не слышишь: Люди хотят тишины. Разве тебе не шептали Ветры любимой страны -Люди смертельно устали, Люди вернулись с войны. Сложив у пригорка каски, Закончив далёкий путь, Без всякой теперь опаски Легли они отдохнуть. И только дожди косые Шлифуют на плитах слова: «Мы сделали всё, чтоб Россия Сегодня была жива». Приходят сюда мальчишки, Приносят они цветы. Строго глядят обелиски, Словно сверяя — кто ты? Мне слышать пришлось, как босые Мальчишки шептали слова: - Мы сделаем всё, чтоб Россия И завтра была жива.

Тише, берёзонька, тише, Ветками ты не шуми. Разве, родная, не слышишь? Люди хотят тишины...

Я на мысли себя ловлю:
Как желаю всем вам, о Боже,
Чтобы каждый сказал «люблю»
И услышал в ответ: я тоже.
Чтобы счастьем искрились глаза,
Было так и никак иначе.
Согласитесь, что жить нельзя,
Когда сердце болит и плачет.
Я желаю всем вам, по кругу,
И на этом закончить хочу:
Берегите, цените друг друга,
Тогда всё нам, друзья, по плечу.

Я жизнь свою, как песнь, прожил, Горя в труде и всех любя... Лишь внешне я других судил -По сути же судил себя.

Татьяна ПУШКАРЁВА

Пушкарёва Татьяна Тимофеевна родилась 22 января 1929 года в Кировской области. Училась в школе, летом всегда работала в колхозе. Особенно помнятся трудные годы. Повоенные сле школы закончила Молотовское педагогическое училище. Профессия – учитель. Работала в школах Ки-

ровской и Пермской областей. Вышла замуж. В 1958 году уехали в Свердловскую область, на молодежную стройку. Строили город Качканар и Качканарский ГОК. Работала в тресте «Уралсантехмонтаж» в снабжении на Качканарском участке. Работала в детских садах. В 1968 году уехали на Белгородчину, на стройку. Работала в детском саду. Вырастили двоих детей. Есть внуки, правнуки.

Урал

Встает над сопками заря, Первый луч в тайгу заглянет, Дружная лосей семья Идет спокойно по поляне. Идут они тропой знакомой Их за кустами ждёт родник, Водой холодной, родниковой Гостей всегда он напоит. Ведут с ним кедры разговор, А ели колыбельную поют, Над ними небо – сказочный шатёр, Облака, как корабли, плывут. И можно отдохнуть в кустах, Послушать, как родник поёт. И как среди высоких трав Гвоздики водят хоровод.

Кто видел красоту Урала, Кто полюбил его душой, Ему других красот не надо, Ему не нужен край иной. Пускай подснежники цветут, Горит над сопками заря, Двугорбый каменный верблюд Пускай хранит, Урал, тебя!

Качканар

Исполины: кедры, сосны, ели -С восхищением на горы смотрели, Молча, тайга вековая стояла, Хранила гордо тайны Урала. На горных склонах раннею весной Белые подснежники цвели, Тропинкой дальней утренней порой К водопою лоси шли. Часто волки по тайге бродили, На зверюшек наводили страх, Они свою добычу сторожили И надежно прятались в кустах. Медвежий рёв и веток треск В лесной округе раздавался. Медведь по бурелому лез, Он на малинник пробирался. У птиц в кедровниках занятия свои; А белки шишки запасали. Тайгу нередко навещали Охотники и шишкари. Грозовые тучи собирались, Часто громы над горой гремели, Стрелы молний в небе разрывались, Что-то людям подсказать хотели. Сюда стремились люди с давних пор, Ума и сил потратили немало, Но открыли кладовые гор, Их имена вошли в историю Урала. Двадцатый век, пятидесятые года -Вставала из руин войны страна.

Чтобы поднять деревни, города, Нужен металл, нужна руда. Стройка молодёжная объявлена в стране С загадочным названием Качканар. Никто не мог остаться в стороне -И снова комсомол на вахту встал. Энтузиазма им не занимать, Смелости, упорства, воли не отнять. Не испугали их дремучая тайга, Уральские морозы, ветры и снега. И вырос город Качканар, И уникальный комбинат уральский. Ему и пальму первенства отдал Известный Сильвер-Бей американский. Пошла наша руда на комбинат -Какая мощь его и сила! Составами везут агломерат На металлургический завод Тагила. Да, будет дан стране металл, И будет сталь самой высокой пробы. Не подведет седой Урал: Поля заколосятся, загудят заводы. У танков будет крепкая броня, Корабли будут гудеть на рейде, Услышат звезды, люди и земля Гул самолётов в мирном небе. Пусть потомки пронесут через года Память о тех людях: они были Люди Чести, Гордости, Труда, Родину свою они любили. Благодарны будем им всегда: Качканар они нам подарили!

Память детства

Далёкое детство, край мой родной -- В моих воспоминаниях и снах: И крик журавлиный ранней весной, И травы густые в зелёных лугах. Милый родительский дом на окраине, Ты наше детство хранил.

Деревня родная, поле бескрайнее, Цветенье и запах черёмух, рябин. В полях колосятся, желтеют хлеба, Как небо синеет цветущий лён. А лес улыбается издалека. Словно в поля он родные влюблён. Чуть свет прошли на пастбище стада, В деревне тихо, тишина в домах, В колхозе наступила страдная пора, Работают все люди на полях. Стояла золотая рожь стеной -И вот парадом скирды стали в ряд. А завтра утром, раннею порой К ним журавли на завтрак прилетят. Прошла жара, и солнце – на закат, В ночное отвели пастись коней А над простором льётся как река Идущих с поля песня косарей. И за рекой гармонь уже поёт, Басы её зальются, замолчат, Гармошка на свидание зовёт К своим любимым ласковых девчат. А утром жаворонок звонко Трель заведёт, взлетит за облака. Живи, моя родимая сторонка, И радуй нас во все века!

Воспоминание

Я вспоминаю наш просторный дом, На окнах яркие цветы: герани, цинний. В углу переднем целый ряд икон И стол большой обеденный под ними. По вечерам из самовара пили чай, Горячий чай нам мама наливала. Чтоб мы не обжигались невзначай, Молоко нам в чашки добавляла. Горели в печке весело дрова, Мы керосиновую лампу зажигали. Садились все вокруг стола, Сказки, книги разные читали.

А за окном кружился снегопад,
Летели, словно звёздочки, снежинки,
Запомнила я мамы добрый взгляд,
У милых глаз её глубокие морщинки.
По воскресеньям все на кухне собирались
И помогали маме, кто как мог,
Все суетились, очень все старались,
Пекли большой с начинкою пирог.
Прошло немало зим... Но в снегопад,
Когда летят как звёздочки снежинки,
Я вижу мамы добрый взгляд,
У милых глаз её глубокие морщинки.

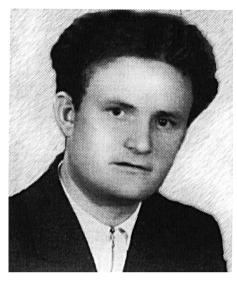
Храните красоту

Природа подарила людям красоту: Простор полей, величие лесов, Морской прибой и неба высоту, И тайны неизведанных миров. Нежность луговых цветов весной, Разговор ручьёв, шум водопадов с гор, Кусты ольхи над светлою водой, Что загляделись в зеркало озёр. Зари весенней светлость и красу, И над полями песни ветра, трели птиц, И звон веселых ландышей в лесу, В вечернем небе сполохи зарниц, И тихих летних вечеров тепло, И в небе грома дальние раскаты, Росу на травах, словно серебро, Восходы солнца и закаты. Все краски осени и золото берёз, И в небе радугу, и музыку дождей, Весной капель, зимой мороз, И смелых красногрудых снегирей. Чтоб на планете мир спасти, Спасти любовь, людскую доброту, Чтобы спокойно наши правнуки росли -Храните, люди, красоту!

Святая Русь, ты – Родина моя. Как сердце русское широкие поля, И озеро Байкал, сибирская тайга, Амур и Волга-матушка река. Над Волгой песни звонкие летят. И удаль русскую они хранят. Разносят ветры их за Днепр, за Дон, То память всех веков и всех времён. Раздолье русское, красота садов, В церквях вечерний звон колоколов. И памятники на земле стоят, Там вечным сном герои спят. Им всем хотелось очень жить, Смеяться, петь, детей растить, Но шли они в смертельный бой За землю-мать, за край родной. Им птицы песни на заре поют, В дальние края с собою их зовут. Но ни на шаг не отпускает от себя Ими спасённая мать-земля. Над ними маки пламенем своим Напоминают всем живым О той войне, о тех боях, О жертвах всех, сожжённых лагерях. О Ленинграде, где косила смерть Людей, что не хотели умереть... Горело небо, города, земля... Простить, забыть и повторить нельзя. Святая Русь, такая ты одна. Живи всегда и будь всегда сильна. У нас своя особенная стать, Врагам такое не дано понять.

Вадим САЛЬНИК

Есть в Краснодарском крае станица Ольгинская. Там он родился. Первый класс, школьные друзья-товарищи, первые радости и огорчения, юношеские мечты и первые раздумья над жизнью, первое чувство — всё связано с Северным Кавказом. И первые стихи — тоже. Выпускной бал — и позади школа.

А впереди армейские годы. Служить пришлось за границей. Находясь в рядах Советской Армии, Вадим продолжает писать. Стихи и корреспонденции младшего сержанта В.Сальника нередко появляются в стенных и многотиражных газетах. Успешно занимается он в школе военкоров.

В 1960 году Вадим Сальник по комсо-

мольской путевке приезжает на строительство Качканарского горно-обогатительного комбината. Был плотником и землекопом, бетонщиком и арматурщиком, мастером, прорабом, старшим прорабом. Работал в отделе технического снабжения, учился в строительном техникуме, вел комсомольскую работу, писал в местную газету, воспевал в стихах романтику трудовых будней.

Поэтические строки последних лет — это воспоминания, размышления о жизни и вместе с тем возвращение в юность. 30 лет Вадим Владимирович хранил верность литературному объединению «Лукоморье».

Я – солдат

Закрепили за мной боевой автомат, Для меня стал он другом любимым. Я не токарь, не слесарь – теперь я солдат Нашей Армии непобедимой. И горжусь, что мне выпала честь Называться советским гвардейцем... Нет, словами всего не сказать, Да и в книге того не прочесть, Что отныне ношу в своем сердце.

Начало

Помним мы начало. Помним месяц май. Первыми шагнули в необжитый край. Верили и знали: нет пути назад, В дикой глухомани будет комбинат! Помнятся палатки, хвойные шатры И как согревали нас в ночи костры. Всё мы пережили, всё узнать пришлось. То, о чем мечтали, наяву сбылось. Над тайгой суровой зарево огней -Вырос город новый юности моей. И раздолье-море плещется волной, И бегут составы, полные рудой. В этот день рожденья, в этот светлый май Наши поздравленья, город, принимай! Пусть за годом годы мчатся чередой -Расцветай и здравствуй, город мой родной!

Идет бетон

Заволокло от края и до края Дождливой тучей синий небосклон. Мы ни одной минуты не теряем – В опалубках вибрирует бетон. Шоферам непослушны стали «ЗИЛы», Заносит их в обочины дорог, А дождь идет такой осенней силы, Что мы промокли с головы до ног. Никто сдаваться среди нас не смеет – Кладем бетон, на ливни несмотря. Мы дали слово: будет галерея! Построим в срок, короче говоря!

Строители

Когда-то здесь тайга шумела дико, Но час пробил – в тот самый светлый май Пришли строители с одной мечтой великой: Обжить суровый, глухоманный край. Мы жизнь в тайге в палатках начинали, Нас примитивный не пугал уют. Мы город строили, по вечерам мечтали, Что дни для нас счастливые придут. Труд закипел, воспрянул край таежный, Был Качканар весь заревом объят. Так начинался город молодежный, Взметнулся ввысь громада-комбинат. Из недоступных недр руду добыли, И море разлилось у грозных скал. Гордимся тем, что первыми мы были, Стояли у истоков, у начал!

Рабочее утро

Разбужен край рассветными лучами, Со всех сторон течет людской поток, День трудовой встает над корпусами, Проснулся наш таежный городок. Ночь прочь ушла очередным порядком. Я, от вчерашних отдохнув забот, Иду опять к строительным площадкам, Где ждет меня размах больших работ.

Мой город

Огоньки золотятся повсюду, В небе звездочки ярко горят. Милый город, любимый мой город, Как хорош твой вечерний наряд! Не могу на тебя наглядеться, С каждым днем для меня ты родней. Милый город, любимый мой город, Город смелых, отважных людей! Не тебя ли своими руками Воздвигали в таежном краю... Милый город, любимый мой город, Вспоминаем мы юность свою. Нас хлестали холодные ветры, Нас метель заметала в ночи. Милый город, любимый мой город, Были наши сердца горячи.

Не сломили нас эти невзгоды, Не заставили нас повернуть. Милый город, любимый мой город, Был нелегким тот пройденный путь. Здесь впервые любовь свою встретил, Отыскал среди девичьих глаз. Милый город, любимый мой город, Навсегда стал родным ты для нас!

Качканарская лежневка

В небе звездочек сиянье. Ночь – такая благодать! По лежневке на свиданье Я спешу к тебе опять. По лежневке ходят парочки, Песни льются от души. Ох. девчата-качканарочки, До чего ж вы хороши! Каблучки стучат ритмично, Слышу: ты ко мне идешь. И такой, мне симпатичной, И в округе не найдешь. Мы укроемся под кленом, Под черемухой густой -Позавидует влюбленным Даже месяц золотой. Здесь ольховые сережки Что-то шепчут в унисон, До утра поют гармошки И гитарный перезвон. Вечерком, сменив спецовку, Мы встречаемся с тобой. Качканарская лежневка, Стала ты для нас родной. По лежневке ходят парочки, Песни льются от души. Ох, девчата-качканарочки, До чего ж вы хороши!

Осеннее

Мне осенью грустится и мечтается, Я в одиночку провожу досуг. Смотрю я, как березки осыпаются, Роняя листья желтые на луг. Над озером туманы низко стелются, Студеная вода рябит у ног. Приходит осень, ну, а мне не верится, Что к нам она шагнула на порог. Хочу тепла и солнечного света, Не тороплюсь расстаться с летним днем. Надеюсь я, что скоро бабье лето Опять придет в величии своем. А там зима уже не за горами, Ее дыханье чувствую я вновь. Гусиный клин проносится над нами, Спешит на юг успеть до холодов.

Евгения ТУМАНОВА

В детстве она перенесла тяжелую форму полиомиелита. Страшная болезнь лишила ее возможности свободно общаться с миром. Только к 23 годам девушка получила возможность передвигаться при помощи костылей и потом всю жизнь преодолевать трудности, которые для других людей не существуют. Она окончила юридический институт, а затем поступила в педагогический. Нужна была большая сила воли, чтобы поставить себя в равные условия с другими, и она этого добилась. Много лет отдала Евгения Федоровна работе с детьми.

Оказавшись беспомощной, она не сдалась. Ей было за пятьдесят,

когда она обратилась к творчеству: сказки и притчи, рассказы и сценарии и, конечно, стихи. Евгения Туманова — автор двух литературных сборников.

Уже много лет живет она в Качканаре, окруженная вниманием родных людей. Ей 85 лет, она прикована к постели. А голос молодой, взгляд добрый, настроение бодрое, мысли ясные и оптимистичные.

Mope

Мы с тобой не встретились ни разу, И погасла огонек-мечта, Что однажды так вот, на глаз с глазу – Встреча нам с тобою суждена. Я с тобой знакома по картинкам, По стихам, рассказам и мечтам. Но повисла где-то паутинка Притяженья к дальним берегам. Детская мечта не станет былью. Если б только, если б я могла!.. Я бы шла, мешая травы с пылью, И к тебе когда-нибудь пришла.

И стояла бы на камне голом, И смотрела б в голубую даль... Говорят, мы все оттуда родом, Знали все девятый грозный вал. Мне бы окунуться в твои воды Раз один... Всего лишь только раз – И хватило б памяти на годы, Много-много счастья про запас.

Галки

Ой, сколько шума, сколько гама Сегодня с самого утра! Галчат-подростков рано-рано В мир выпускают из гнезда. Гляжу на птиц я из окошка - Восторгом полнится душа. Как повезло вам, чудо-крошки, Жить, поднимаясь в небеса.

Солдаты

Фотография в газете: спят солдаты... Выполнил задание отряд. Как устали! Как покою рады! Спать... спать... спать... Тесно в ряд лежат они, прижавшись, Руки спрятав и уткнув носы. Спят, как мертвые, безволию отдавшись, Мамины и папины сыны. Все забыть, упав, как есть, в одежде. Страшное осталось в двух шагах... Спят ребята, как не спали прежде — В грязных и тяжелых сапогах. Все потом... Обречены по жизни Вы на сны-мученья на года. Будет боль. Прозренье тайной мысли. Вечно рядом — страшная война.

У телевизора

Ах, подождите! Не кричите! Не выставляйте напоказ! У мира прошлого займите Стыдливости и света глаз! Ах, не посмейте! Ох, не смейте Мир развлекать свободой зла! Всевластье подлое умерьте В преддверье следующего дня! Душа слаба, незащищённа -От вида ужасов замрет И, злобой вашей покорённа, Добро забудет и... умрет. Умрет святая, человечья, Оставив миру часть одну -Проклятью преданную вечно От тайны духа пус-то-ту... С ней мир погибнет. Мир погибнет! Остановитесь на краю! Пусть на спасенье вас подвигнет Страх за проклятую судьбу. Остановитесь! Жизнь сурова. Не смейте в души наплевать! Разврата тени, злобу слова Здесь детям нашим пожинать.

Мысли мои

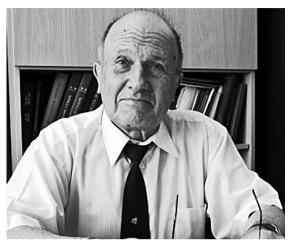
Оставляю вам мысли свои, Что однажды меня посетили, Светом разума миг осенили... Оставляю вам мысли свои Может статься, другая душа, Что по духу мне будто родная. Эти мысли мои прочитает... Может статься, родная душа. Над тетрадкою тихо замрет, С суетою на миг распростится, За обиженных будет молиться... Над тетрадкою тихо замрет. Будет жизнь и себя в ней любить, Пострадать за любовь вновь захочет, Новый день испытанья пророчит... Будет жизнь и себя в ней любить. Пусть утешат вас мысли мои При нужде, при обиде бесправной. Пусть другое для вас будет главным. И утешат вас мысли мои.

Спасибо, жизнь!

Спасибо жизни за слова...
Я много радости узнала,
Когда мир этот величала...
Спасибо жизни за слова...
Спасибо, жизнь, что ты была,
Что этот мир мне подарила,
За то, что я его любила Спасибо, жизнь, что ты была!

Альфред ФАДЕИЧЕВ

Родился 7 декабря 1935 года в Ташкенте. С 1937 года живет на Урале. В 1958 году окончил Свердловский горный институт им. В.В. Вахрушева по специальности «Геология и разведка месторождений полезных ископаемых», получив профессию горного инженера-геолога.

Прошел большой профессиональный путь от младшего геолога до начальника группы лицензирования недропользования Уралгеолкома. С 1993 года — до-

цент кафедры инженерной экологии. Читает курсы лекций по учебным дисциплинам: «Науки о Земле», «Основы производства», «Горнопромышленная экология», «Горное дело и окружающая среда». Кандидат геолого-минералогических наук.

С 1959 по 1966 год работал в Качканарской геологоразведочной партии Тагильской экспедиции Уралгеолуправления министерства геологии СССР. За исследование западной залежи Гусевогорского месторождения ему присвоено почетное звание «Первооткрыватель месторождения СССР». В альманахе №1 (2012 г.) публиковались его мемуары «Качканар. Воспоминания геолога».

Стихосложение

Пишу стихи, как будто строю дом:
Ударю по бревну – и слышу чистый звон!
Не старый сруб был куплен мной на слом,
Но сам в тайге дремучей на корню
Заготовлял я свежую сосну.
У дерева проверил каждый бок,
Чтоб не затронули ни плесень, ни грибок.
Старался я всегда, как только мог.
По грудь в воде в болоте драл я мох.
Рублю я дом, и радует меня
Смолистым запахам душистая сосна.
Как строю дом, так и стихи пишу:
Пишу о том, что на сердце ношу,

Пишу о том, что лично пережил, Что знаю и чего не позабыл: И не беру я у поэтов знаменитых Метафор и эпитетов избитых, И слово в строку ставлю я не вдруг. На слух проверю рифмы каждый звук. И фразы проверяю на излом. Пишу стихи, как будто строю дом. Строгаю чистую и ровную доску. Стихов шлифую каждую строку. Порою даже месяц или два Я подбираю нужные слова. Хочу писать, чтоб, несмотря на много дел. Людей вниманьем стих мой овладел, Чтоб кто его случайно прочитал, Добрее и сильнее духом стал; Чтоб выглянуло солнце, ветер стих — Таким быть должен настоящий стих! Пишу стихи, как будто строю дом: Чтобы светло и чисто было в нем, Уютно было, сухо и тепло. Сияло 6 солнце сквозь оконное стекло; Чтоб ночью путник, устал и одинок, Мог заглянуть ко мне на огонек. Пишу стихи и чище становлюсь, И плесени душевной не боюсь. И интересней жить, и легче я дышу. Как будто строю дом, когда стихи пишу.

** ** **

Говорят, не пиши о любви,
Говорят, не пиши о природе:
Тишина, ручейки, соловьи ...
Эти темы сегодня не в моде.
Только можно ли нам не дышать
Потому лишь, что раньше дышали,
И стихов о любви не писать,
Потому что об этом писали?

Геолог

Есть такая профессия странная (так считают, кто с ней не знаком) — Вдаль, за сизую дымку туманную По весне уходить с рюкзаком ... По горам, по долам и равнинам За кочующим ветром блуждать, Чтоб на благо России любимой Кладовые земли открывать. Возвращаться усталым к палаткам, Когда поздней вечерней порой Синий плащ с золотыми заплатками Ночь раскинет над темной тайгой. И в задумчивом сумраке лунном, Когда спать бы давно уж пора, Не смолкают гитарные струны, Пляшет пламя ночного костра ... Тот душой беспокойною молод, Кто в походах встречает рассвет, Будь удачлив, товарищ геолог, Открыватель, романтик, поэт!

Золотая свадьба

Мне кажется, недавно мы венчались, И ты стояла робко под фатой, Но пять десятилетий вмиг промчались — И мы уже на свадьбе золотой! Мы жили честно, дом был полной чашей; Пришел к нам возраст славный и седой, Уж выросли большими внуки наши, А все не надоело жить с тобой, И, с радостью друзей своих встречая, Сегодня в этот день, нам дорогой, Мы свадьбу золотую отмечаем. Сияй, сияй, наш вечер золотой!

Лето

Травами сочными, буйными Лето восходит в зенит. Дремлет река тихоструйная В жаркие летние дни. Луг, огоньками расцвеченный, - Благоухают цветы. Лето – ты, милая женщина, Дивный венец красоты! Ягод раздолье. В лесах Щебет веселый и свист, И сединой в волосах — Первый желтеющий лист...

** ** **

В темноте ночной в разгаре лета
Тихо спят деревья и кусты,
И сияют точечками света
На малине белые цветы.
Ярким днем в сверканье разноцветном,
В буйстве пестрых красок и тепла
Их в листве почти что не заметно,
Но найдет рабочая пчела.
И нередко в жизни так бывает:
В шуме повседневной суеты
Рядом с нами скромно расцветают
Щедро медоносные цветы!

Лето мелькнуло как сон. Грустны осенние дни. С каждым опавшим листом Гаснут цветные огни, Тихо и пусто везде: В рощах, лугах, на пруду. В черной хрустальной воде Вечер качает звезду ... В мокрых далеких полях Ветер холодный ловлю ... Там отдыхает земля, Та, что я сердцем люблю.

О, как в октябре серебрится
Трава поутру на заре!
Роняют цветное монисто
Осины на дальней горе.
Задумчиво светят березы
В прозрачных окрестных лесах.
Замёрзли алмазные слёзы
На чёрных ресницах-ветвях,
Ажурный узор паутинки,
Как ртутью, усыпан росой,
И в каждой мельчайшей росинке
Луч солнца горит золотой!

Анатолий ШАРЕНКО

Родился я в Невьянске. Наш дом находился в двух шагах от знаменитой наклонной башни, которую построил Акинфий Демидов. Тайны этой башни возбудили во мне следопыта: я буквально заболел её историей, что привело меня в библиотеки и музеи, свело с интересными и даже очень известными людьми. Позднее эта страсть перекинулась на историю всего Урала, страны. В школе любимыми предметами были история, география, математика. Школу окончил отлично, затем техникум. Служил в Группе Советских войск в Герма-

нии (ГСВГ). Сапёр. Несколько раз участвовал в учениях Варшавского Договора. В Армию я ушёл с нашего механического (оборонного) завода. Туда же потом и вернулся. Работал сменным мастером в отделе механика. Заводская газета «Трудовая вахта» печатала много моих рассказов о людях рабочих профессий, юморесок, стихов... В издательстве «Трудовая вахта» вышел первый сборник моих стихов.

Потом работал в техникуме заместителем директора по военно-патриотическому воспитанию. Педагогический коллектив техникума «увидел во мне педагога» и дал направление в пединститут Нижнего Тагила. Пять лет был студентом.

В августе 1978 года я приехал в Качканар. Работал в СГПТУ №87, на радиозаводе, в УПК. На пенсию ушел из школы. Жена, Ирина Борисовна, тоже окончила (с отличием) Нижнетагильский пединститут. И до самой пенсии работала в школе №7. Сын окончил школу (с золотой медалью), горный институт, получил ещё два образования. Работает в Екатеринбурге. Когда свободного времени стало больше, я вновь увлёкся, шахматами, шашками, а также стихами, которые и предлагаю вниманию читателей.

Своим читателям и ученикам я всегда говорю: не стесняйтесь красивых слов, учитесь думать, мыслить и говорить красиво! И это не только с точки зрения эстетики или дизайна. Прежде всего я говорю о духовности. Красивые мысли побуждают на красивые поступки, будят любовь к Отечеству, к родному краю, к людям, к женщине... Помните: красота спасёт мир!

Однажды, потеряв жизнь, я по воле Божьей вернулся в неё снова. И поэтому знаю ей цену и хочу, чтобы люди ценили жизнь окружающего мира, как свою собственную!

Встреча

В вечернем баре полумрак. В вечернем баре «Вальс Бостон». Невольно тишину украв, Скрипит и плачет саксофон. Саксофонист, закрыв глаза, Уже парит над облаками! А на твоей щеке слеза Играет радуги цветами. С улыбкой смотришь на меня, Счастливым взглядом озаряешь, Букет подаренный из роз К груди руками прижимаешь. Ты столько дней ждала меня, И наша встреча состоялась! И всё, что было до тебя, Исчезло в миг и потерялось. Скрипит и плачет саксофон, Твоя рука к моей прижалась. И жизнь нелепая ушла, Ведь наша встреча состоялась!

Алмаз

Я не смогу сказать тебе «Люблю!» Я это слово говорил другой. И никогда его не повторю, И не предам «алмаз» мой дорогой! Пусть он сияет светом золотым, Огнём бенгальским весело искрится, Останется навечно молодым, И блеск его ничем не замутится! Я не смогу сказать тебе «Люблю!» Я это слово подарил другой. Её одну всю жизнь боготворю, Она – источник вдохновенья мой!

Ностальгия

Весна мне разрывает грудь, А осень ностальгией давит. Но всё, что было, – не вернуть, И всё, как прежде, не оставить. Пригрело солнце, и капель Гремит весёлым перестуком: Ещё неделя, и апрель Откроет почки смачным звуком. И снова детством напахнёт, Далёкой родиной поманит, Вновь юность «вечная» придёт. И улыбаться вновь заставит. А детский из травы дурман Кузнечик в три прыжка доставит, И, если это не обман, Счастливый след в душе оставит. Но лето быстро промелькнёт, Своим теплом меня погладит. А осень сердце вновь сожмёт, И грустной болью снова сдавит... Весна мне разрывает грудь, А осень ностальгией давит. Но всё, что было, – не вернуть, И всех ошибок не исправить...

Победитель

Сорок лет я с Днём Победы поздравлял отца. И, казалось, этот праздник будет без конца. Но уже судьба-злодейка шла наперерез: Праздник навсегда остался, но ушёл отец. Вот медали «За отвагу!», рядом ордена. Юность, чиркнув рикошетом, унесла война.

А когда вернулся с фронта – старшим в доме стал: Всех сестёр и младших братьев на ноги поднял. А свою мечту благую не осуществил: Две контузии и раны врач определил... Так, недоучась, работал, не стонал, не ныл. Ничего на этом свете он не попросил. При последней нашей встрече я ему сказал: - Что же ты не пьёшь лекарства? Врач же прописал! - Не вернут таблетки эти молодость мою, Лучше я пойду в беседке молча покурю... И ушёл не попрощавшись, и унёс мечту. Годы, молнией промчавшись, канули в Лету. Повторит всё муза Клио, как с Бородино: Для Истории лишь даты, им же - ничего... Сорок лет я с Днём Победы поздравлял отца. И, казалось, праздник этот будет без конца... Так хочу вернуться снова в дворик детства свой, Где бы мать была здорова, и отец – живой.

Новый путь

Всю жизнь на стыке революций, На грани войн иль нищеты, В долгах иль кабале гнетущей, Живёшь, Россия... Что же ты?! Такая мощная держава, Тебе ль о помощи кричать?! Такая жизнь уже достала -Пора же новую начать! Нас внешний враг не запугает И ничего не отберёт. Нас жизнь внутри страны смущает И к революциям зовёт. Ну, сколько можно? Над народом Чинушам в «парниках» цвести?! Мы сами их наверх сажаем: Кругом ворюги и рвачи. Они же пишут нам законы И делят наш с тобой «общак». Тебе ж из парника с навозом Наверх не выбраться никак. А если выберешься, сможешь, То сразу сам в «парник» попал: Забыл о трудностях народа И тоже крупным вором стал. Какой же толк от революций? Они – лишь битва за «общак»! А жизнь народная, как прежде: Не улучшается никак. Пора от войн и революций К порядку новому идти Шагами мудрых эволюций, Не отступать на полпути!

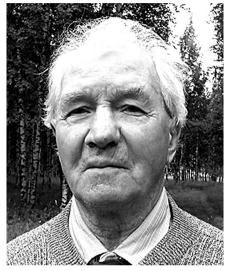
Сентябрь

«Очей очарованье» началось! На листьях желтизна, как седина. И зелень отступает быстро прочь. А осень снова золотом полна. А вон маячит шляпкой золотой Пахучий гриб, забытый сентябрём. Но осень запах унесёт с собой, А лес засыплет жёлтым янтарём. Охотнику сейчас не до грибов: Ведь лайка гонит боровую дичь! И он за нею, не жалея ног: За выстрелом звучит победный клич. Чернеет изумрудная трава: Ей иней перекрасил цвет волос. Качает осень всем свои права: В природе увяданье началось... «Унылая пора» уже в пути. Она, как журавлиный клин, плывёт. Подарков от неё уже не жди: «Очей очарованье» унесёт... Осенний лист. Последний миг...

Сорвался в штопор лист осенний. Кружит над клумбой вертолётом. И, продлевая миг последний, Он наслаждается полётом. Кружится в вальсе беззаботно, Отчасти ветру доверяясь, Он вниз стремится неохотно, Играет с ветром забавляясь. Ко всем приходит миг последний, (Его не надо торопить), И нам напомнил лист осенний: Коль жив ещё, так надо жить!

ПРОЗА

Иван СОБОЛЕВ

Соболев Иван Михайлович родился 1 июня 1932 года. Место рождения — Посад Парфеньев Костромской области. В годы войны семья жила в Рязани, а в 1944-м переехала в Свердловск, где прошла юность Ивана. Окончил среднюю школу, с увлечением занимался в аэроклубе.

С 1951 по 1955 год служил в Армии, в Группе советских войск в Германии.

Окончил Свердловский горно-металлургический техникум и горный институт им. Вахрушева. С 1960 года живет в Качканаре. 43 года отработал в тресте «Качканаррудстрой» и в Качканарском ГОКе.

Увлекается астрономией, горными лыжами, хоккеем с мячом. В прошлом – дельта-

планерист. Хорошо знает и любит родной Урал. Дружит с городскими газетами, пишет на волнующие его темы. У Ивана Михайловича три дочери и сын, внуки и правнуки.

ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ, ИЛИ ПУТЕЩЕСТВИЕ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА В ЕКАТЕРИНБУРГ

История одной семьи

Предисловие

Побудительной причиной моих воспоминаний-мемуаров послужила, как ни странно, моя беседа с дочерями, сыном и внуками. После разговора с сыном Александром стало очевидным полное

отсутствие интереса к истории семьи, знакомству со своей родословной. А мой жизненный опыт показал: как же я был не прав, не записав, не запомнив многие моменты из жизни моих родителей, моих дедов и прадедов! Теперь, после ухода их из земной жизни, я это глубоко осознал! У меня есть только одно оправдание: я мало общался со своим отцом! И тому были объективные причины: наши частые переезды с места на место, его частые командировки и – война. Почти всю войну и после мы жили раздельно.

Но все же наши короткие встречи и беседы я хорошо помню! Много-много о нашей жизни я узнал от тети моего отца – Агриппины Ивановны Соболевой-Кононовой, уроженки Петербурга – район Охта. В своих мемуарах я хочу устранить пробелы в невоспитанности и донести до своих детей и внуков желание знать прошлое и передать это чувство своим детям. Итак, начнем?

Из рассказов моего отца я узнал, что мой дед Соболев Иван Михайлович родился в Петербурге в 1898 году, что звали моего прадеда Михаилом Антоновичем Соболевым. И жили, оказывается, в Петербурге в большой семье священника три брата: Иван Антонович, Николай Антонович и Михаил Антонович. Михаил и Николай были мелкими чиновниками и входили в состав простых петербургских мещан. А Иван Антонович, закончив церковную семинарию, а затем Костромскую Духовную Академию, пошел по линии церковной и дослужился до звания настоятеля Исаакиевского собора, в котором он служил Русской Церкви до самой своей кончины в 1909 году. В стенах Исаакия он провел 12 лет, а до того служил в одном из богатых приходов Петербурга.

А переход его в Исаакиевский собор сулил ему только потерю в жалованье. Но приказ высоких церковных властей он принял с покорностью и беспрекословно выполнял свой гражданский и церковный долг. Надо отметить, что в многосерийном фильме «Государственная граница» показана сцена венчания. А венчает молодых настоятель Исаакиевского собора Соболев Иван Антонович. Но это только собирательный образ режиссера фильма. Напомню, что Иван Антонович скончался в 1909 году и похоронен в Александро-Невской Лавре. Но Иван Антонович, очевидно, оставил о себе добрую и долгую память. Поэтому, наверно, и кинорежиссер выбрал в своем фильме показ тщедушного старичка, послушного и совершенно типичного священника тех лет.

Теперь пойдет речь о моих прапрадедах. Это отец Антоний. Сведений о нем мало, но я нашел в одном музее России (станция

Мантурово Северной железной дороги) сведения, что отец Антоний был мелким деревенским священником в Кологривском уезде на реке Унже Костромской области. А затем его следы теряются в селе Красном под Петербургом.

Из моих отрывочных сведений, что представил мне отец, я уяснил, что родственные связи в прошлом и позапрошлом веках были очень сильны. Доказательством служит подарок моего прадеда моему деду Ивану Михайловичу Соболеву в виде дачи в Финляндии, на берегу Финского залива, в поселке Териоки (ныне Зеленогорск). На этой даче до 1917 года и жили летом моя бабушка по отцу – Елена Ивановна Соболева, мой дед и их дети: старший Иван, средний Михаил (отец) и Елена. Во время революции 1917 года со страху перед новой властью они бросили эту дачу в Териоках и никогда не вспоминали о том, что она была! В нашем семейном альбоме есть пожелтевший любительский снимок, где моя бабушка держит на руках моего отца, а рядом стоит старший брат Иван Иванович Соболев. Оба они в матросских формочках. А бабушка с буклями на голове позирует у огромного раскрытого окна. Такая идиллия в жизни семьи госчиновника длилась до великого перелома – двух революций 17-го.

Перекати-поле-1, или Путешествие из Петербурга в Екатеринбург

Это невольное долгое путешествие началось в 1917 году. Мой отец, Соболев Михаил Иванович, принес домой свежую газету и узнал, что в России произошла революция! Невероятно, но, живя в Питере, почти в центре (квартира его родителей находилась на углу Синопской Набережной и проспекта Бакунина), студент биологического факультета государственного университета узнает о величайшем событии в истории Российской империи таким способом! Оказывается, что и в те бурные годы и месяцы не все российское общество было втянуто в политику.

Мой отец – Соболев Михаил Иванович

Итак, свершилось! Сначала февральская, а затем Октябрьская революции. Но, как всегда бывает, беда не приходит одна! В эти страшные дни умирает от холеры мой дед Иван Михайлович Соболев. А он был единственным кормильцем в семье!

Теперь о составе семьи моих предков по отцовской линии. Иждивенцами являлись жена Соболева Елена Ивановна, Соболев Иван Иванович, Соболев Михаил Иванович и младшая Елена Ивановна – дети. Иван к тому времени вышел на дипломирование в Петербургском институте железнодорожного транспорта, Михаил на биофаке изучал бабочек и червячков, Елена заканчивала гимназию человеколюбивого общества. Да-да, именно так она называлась. В Петербурге наступает голод, а за съемную квартиру нечем платить, за учебу детей – тоже. Что делать? Старшему брату необходимо закончить учебу – конец близок, сестре также. Моему отцу пришлось добровольно бросить университет и искать заработок на стороне. А где, когда рушились все устои великой России?

И вот, как растение перекати-поле, понесло моего отца из столицы России на восток страны.

«Перекати-поле» на один год задержалось в костромских лесах, на станциях Северной железной дороги – Брандтовке и Нее. Студент-неудачник с золотыми пуговицами на форменном пиджаке был принят на завод «Барышев и «К» по производству лесоматериалов. Лесопильное производство в Костромской области в те годы процветало.

Работал мой отец у Барышева счетоводом. Советская власть между тем набирала силу. По декрету В.И Ленина все заводы были национализированы. Из Питера в Костромскую область приехал с мандатом Советской власти Иван Ражев и был назначен председателем профсоюза лесной промышленности всей области. Ходил он всегда с маузером в кармане и своим мандатом.

Отец каким-то образом сдружился с ним. А коль скоро они были молоды, искали в костромских лесах по окрестным деревням подходящих невест. И нашли! Ваня женился удачно на купеческой дочке, а отец влюбился в поповну – Ювенскую Марию Владимировну, только что закончившую Варнавскую гимназию. После венчания и свадьбы она стала Соболевой. Жизнь продолжалась, уже в условиях гражданской войны, катившейся по России. Как они выжили – непонятно!

После гимназии маму назначили учительницей младших классов в деревню Дюково, где она стала ходить в лаптях и обмотках из-за вопиющей бедности! По рассказам мамы, дети над своей учи-

тельницей смеялись и за глаза обзывали «мокрой курицей». Но надвигалась новая беда. В стране началась непримиримая борьба с религией. Всех священников ссылали в Сибирь, на Урал, на Соловки и т. д. Мой дед, Ювенский Владимир Михайлович, был отправлен в город Минусинск. До этого он служил в деревенской церкви София-Бушнево Костромской области. А имел он на иждивении пятерых детей: четырех дочерей и сына, и матушку. В городе Минусинске он «отдыхал» до 1939 года, а моего батю за связь с поповской дочкой посадили в тюрьму города Посад Парфеньев. Правда, просидел он там недолго. «Вытащил» его оттуда своей властью и властью революционного мандата (о котором писал Маяковский: «к мандатам почтения нету») ... Иван Ражев. Нет, к мандатам почтение было! А если мандат не помогал – в ход шел «товарищ маузер»!

От дальнейших неприятностей моим родителям пришлось уехать в город Юрьевец, который расположен в верховьях великой Волги.

Перекати-поле-2 Город Юрьевец на Волге

На Волге широкой в то время кипела работа. Лесоматериалы молевым сплавом и плотами шли вниз по реке. А я, босоногий, плавал или катался на длинных досках, хотя это было опасно. Доски до заводской запани транспортировали водным путем. Рабочие баграми умело направляли доски, плывущие по воде. Устав от катания, я засыпал на песке. В один прекрасный день меня потеряли, и моя тетя принесла меня на руках домой, крепко спящего. Притом, на мне не было новых сандалий, которые мне подарила тетя Леля, приехавшая из Ленинграда.

г. Юрьевец

Накопив опыта, мой отец стал преподавать на курсах бухгалтерского учета под лозунгом «Кадры решают все!» Хорошо помню висящий на стене в нашей квартире снимок группы бухгалтеров и преподавателей. Мой отец был среди преподавателей. А в верхнем углу снимка красовались портреты Ленина и Сталина!

В Юрьевце мы жили недолго, так как отца перевели в трест «Мослесмпром» в городке Верея Московской области. Городок этот мало известен. Он находится недалеко от Можайска и знаменито-го Бородинского поля. Но пять его церквей на берегу реки Протвы создают неповторимый уют. А памятник герою войны 1812 года, знаменитому генералу Дорохову, тоже украшает город. На крутом берегу Протвы, около белой церкви, Дорохов в бронзе стоит на одной ноге, а правой его руке сверкает кривая сабля. В 1938 году сабля была еще цела, но в 1975-м, когда я с сыном посетил родной городок, она была сломана пополам (смотри историю).

Мой отец снимал квартиру у одной одинокой старушки, очень строгой. В ее саду было много-много яблонь и вишен, но я был лишен свободы действий. Мне не давали лазать по деревьям, собирать яблоки можно только упавшие. В этом саду водилось много ежей! Такого количества я не видал больше нигде! Хорошо помню строительство дороги на Можайск, это знаменитое Можайское шоссе, и огромный каток на дороге, внутрь которого я залезал, когда не было рабочих. Врезалась в память речка Раточка. Она маленькая, с отдельными ямами-бочагами и мелким белым песком. Вода как слеза, и маленькие рыбешки!

Теперь бы взять топонимический словарь и расшифровать ее название. Я уверен, что оно произошло от слова «рать». Уж больно по пути к Москве – Можайск, Смоленск, Бородино, Верея, по которым наступали французы. И, конечно, на берегах Протвы и Раточки собирались дружины и полки в далекую историю Руси. Хорошо помню, как бабушка, Агриппина Ивановна Соболева, водила меня за ручку в церковь, приобщала к православной вере. Конечно, верила она как-то догматически, не анализируя строки библии и священных писаний. Но эта тема еще не закрыта! А истину, похоже, народы всего земного шара нигде и никогда не найдут!

Перекати-поле-3

Хорош городок Верея! Маленький, уютный, расположенный на реке Протве, но все когда-то кончается! И папин леспромхоз перемещается на станцию Шаховскую в той же Московской области, немного севернее Вереи.

Собор в Рязани и река Трубеж

Наша семья прибыла на Шаховскую примерно в 1939 году. Ну, вот теперь заживем! Леса много, леспромхоз расширяется. Вблизи станции строится поселок лесников. Родители даже купили корову. Рядом гараж огромный, склад ГСМ. Помню, как рыли питьевой колодец, который с каждым днем углублялся. После ухода рабочих мы, мальчишки, забирались в большую бадью и поочередно опускались в эту шахту. Бадья поднималась и опускалась с помощью ворота интересной конструкции с вертикальным столбом и четырьмя крыльями. Запомнились прыгающие лягушки на дне колодца. Лес на Шаховской показался мне каким-то необыкновенным. Весной на еловых ветках красовались розовые побеги, которые мы с удовольствием ели. А потом пошли грибы!

В двух километрах от Шаховской находилась деревня с интересным названием Ховань, в которой у моего старшего брата Владимира появились друзья. Запомнилась мне демонстрация 1 Мая у нас на Шаховской. Я шел с красным флажком в руке и слушал странную для меня песню-гимн:

Если завтра война, Если завтра в поход, Если темные силы нагрянут... Как один человек, Весь советский народ За любимую Родину встанет! На земле, в небесах и на море Наш напев и могуч, и суров!

Если завтра война, Если завтра в поход Будь СЕГОДНЯ к походу готов!

Лица людей в колонне были почему-то неулыбчивыми. Чувствовалось какое-то напряжение. Сейчас-то мне понятно, что взрослые знали о войне в Европе, а я нет. Но их тревожные лица выдавали их внутреннее состояние. Красные флаги плыли по улице станции Шаховская Московской области, но все виделось мне почему-то в темно-синем цвете.

Демонстрация закончилась. Мы возвращались домой и тут услышали, как в толпе зазвучали частушки под деревенскую гармонь. Это в деревню Ховань возвращались демонстранты. Пели они примерно так:

Самолет летит, мотор работает, Чемберлен сидит – картошку лопает.

Про Чемберлена писать не буду, но молодёжи напомню: это английский лорд.

Но недолго мне пришлось пить молочко от своей коровушки! Порывом ветра местного значения, но опять западным, понесло нас со станции Шаховской в областной город Рязань.

От родителей я слышу: переезжаем жить в Рязань. Что, почему – я до конца тогда не понимал. Мы только-только обжились на станции Шаховская: в новом доме, родители даже корову купили, курицы бегали во дворе. Я был сыт, ухожен и свободно носился по посёлку. У старшего брата появились друзья из Ховани. Станция Шаховская находится на Западе от Москвы по дороге на Волоколамск. Вам ничего не напоминает Волоколамское шоссе? Уже в Рязани я целых два года вспоминал свою свободную жизнь на Шаховской, однако уже в 1941 году до меня дошли слухи: нашего посёлка и станции больше нет. Наступающие и отступающие немецкие войска всё там сожгли до самых фундаментов. Расскажу о причинах нашего переезда в Рязань. Мой отец часто бывал по делам в Министерстве лесной промышленности в Москве, что находится на улице Кирова. Вот там ему, как опытному бухгалтеру, и предложили работу в Рязани с повышением в должности, в качестве главного бухгалтера треста «Рязлеспром».

Прибыли мы в Рязань в 1940 году, продав корову и оставив дом на Шаховской. Началась новая жизнь в областном центре. Мне 8 лет, и я иду в 1 класс школы №17. Моя первая учительница – Анастасия Кузьминична Соболева.

Женщины стихийно вышли на работу. 17-я школа была только что построена. Это было 4-этажное здание из красного кирпича. Располагалась она в Ленинском посёлке, за железной дорогой «Рязань – Шилово - Сасово». Рядом – ипподром, учебный аэродром и любимые мои Рюминская роща и Рюминский пруд. В рощу органично вписывалась областная больница им. Семашко, куда и поступила на работу моя мама в качестве кассира-инкассатора. Поступление на работу моей мамы при наличии четверых детей было характерным признаком предвоенной обстановки. Это я понял намного позже. В 1939-1940 годах все домохозяйки Советского Союза почему-то устроились на работу. Оказывается, зарплаты мужей уже не хватало даже на питание. И всё же пока я чувствовал какоето затишье перед большой бурей.

Нас, ребят Ленинского посёлка, воспитывали высоко патриотичные и добрые люди. Между собой восьмилетние дети спорили о том, какая клятва лучше: «За Ленина! За Сталина!» или «Честное всех вождей!». Я любовался пионерами в красных галстуках с металлической закрепкой, а первым увиденным спектаклем в ТЮЗе была постановка «Павлик Морозов». На всю жизнь я впитал красоту и трагичность этой сцены. В мае 1941 года я заканчиваю первый класс, мне 9 лет. 20 июня мой отец со старшим братом уехали в отпуск в Москву: посетить ВДНХ (выставку достижений народного хозяйства) и покататься на метро. Покатались!

И только мы обжились в новом доме Ленинского поселка города Рязани, как она грянула. Подул ее холодный ветер!

Моя война

22 июня 1941 года мы узнали о начале войны! Я с бабушкой слушал радио – чёрную тарелку - и тоже узнал о начале войны. Помню, как сжалось сердце от чего-то нехорошего. Бабушка дала мне 1 рубль 70 копеек и послала за хлебом. Я прибежал в магазин, а там – пустые полки: хлеба нет, ничего нет. «Переучёт» - написано в объявлении. Так началась новая, голодная и холодная жизнь.

Прошло с тех пор много лет, но как сейчас я вижу озабоченные лица почтальонов. У них, помню, даже походка изменилась. Она стала торопливой, быстрой. Каждый день соседи получают повестки в военкоматы – и молодые парни уходят на войну. Мой старший брат Владимир подаёт документы в строительный техникум, но техникум эвакуируют в Сызрань. Для призыва в армию он был пока не годен, поэтому он поступает на завод «Рязсельмаш». Этот

завод теперь не производит веялки и косилки, а выпускает снаряды и мины.

Владимир работает на револьверном станке и обтачивает мину после отливки. Итак, он их точит и день, и ночь – целых два года. В августе 1941 года я собираюсь во второй класс, однако, придя во двор школы для знакомства с обстановкой, вижу страшную картину: среди огромной кучи тетрадей и дневников валяются окровавленные бинты и гипсовые повязки, облепленные мухами. Оказалось, с первых дней войны в школе №17 развернули военный госпиталь. Пришлось мне идти в другую школу: сначала в №5, которую быстро разбомбили; затем во Дворец пионеров, а потом было еще несколько зданий барачного типа. Помню картофельные поля, которые мы копали с учителями. Когда случался авианалёт, учительница прятала нас в трубу под железной дорогой.

В октябре 1941 года настала очередь моего отца идти в армию. По приказу Сталина все мужское население, достигшее 43 лет, построили в колонну и отправили пешком в Казань.

Рязань опустела. В городе остались только женщины, дети и калеки. Мама днём работала кассиром в больнице, а ночью – сторожем на картофельном поле вблизи рязанского аэродрома. Посреди поля она выкопала окопчик и с палкой в руке, одна, ночью караулила огромную территорию.

Наступает страшная зима 1941-1942 годов. Немецкие войска подошли к городу Тула, но получили от туляков хороший отпор. Тогда они двинулись в обход Тулы на Рязань. Захватили город Михайлов, расположенный в 60 километрах юго-западнее Рязани. Я хорошо помню постоянный гул; это были звуки фронта. А немецкие бомбардировщики старались разбомбить железнодорожный узел между станциями «Рязань-1» и «Рязань-2». Взрывы раздавались совсем близко к Ленинскому посёлку, где мы жили. От взрывов крупных бомб в нашем доме часто распахивались двери. Я выбегал на улицу и с каким-то восторгом любовался на разрывы зенитных снарядов. Все рязанские сады были заняты зенитными батареями ПВО. Я по звуку определял, из чего стреляют. Вот удары трехдюймовой батареи, это зенитные установки со снарядом 76 мм. Рассредоточены они были по четыре пушки. Затем слышу очередь 37-миллиметровых скорострельных пушек. Звук их тонкий, пронзительный. Восемь снарядов стремительно летят к цели - немецким самолётам. А я тем временем собираю осколки снарядов. Ориентируюсь по испарению на снегу: осколок-то горячий! Для поддержания духа населения на площадь Ленина наконец-то привезли сбитый немецкий бомбардировщик с черным крестом и жёлтой окантовкой. Я с большим интересом забирался в фюзеляж.

В школу ходить я, конечно, перестал. У меня была обязанность водить в садик сестру и брата. Только там они спасались от голода.

Весной 1942 года в очередной раз бомбили Рязань-1, но по ошибке или намеренно бомбы упали на стеклянные крыши центрального колхозного рынка. Поскольку дело происходило днём, народу на рынке было огромное количество – в основном, женщины из окрестных деревень. Городская больница начала принимать раненых не с фронта, а с городского рынка. Их было очень много. Мама рассказывала мне, что врачи просто сбивались с ног. А потом мама сама заболела сыпным тифом. Управляющий нашим районом – женщина по фамилии Лотчмиль – стала готовить нас, малолеток, к отправке в детский дом в город Кадома.

Я тем временем наблюдаю в Рязани, в Рюминской роще, появление солдат в неизвестной мне форме. Это формировалась польская армия. Военные были в шинелях и четырехуголках на голове. Базировалась армия в роще до 1943 года, где выкопаны были окопы и другие укрепления. После ухода солдат я собирал оставшиеся патроны.

В 1942 году я сам начал вооружаться. На три полтинника 1924 года выпуска выменял итальянский карабин без приклада да еще с очень сложным затвором. Видя мое увлечение, сверстники предложили мне ружье-берданку взамен на отцовский микроскоп. Мена состоялась, и я вооружился и карабином, и ружьём. Первый я, кстати, испортил, затолкав в патронник патрон от польской винтовки, но, очевидно, калибр не подошёл – и карабин заклинило. Его пришлось выкинуть. Но оставалось еще ружьё! Это была бердана 20-го калибра с надписью на стволе: АверинЪ, Тула. Ружьё это я освоил с трудом, хотя затвор был намного проще румынского карабина. Старшие товарищи прочли в задачнике по арифметике примерный способ изобретения пороха. Нужные ингредиенты мы нашли в печи и на железнодорожных платформах.

Первый выстрел Он был громкий, хороший, но очень-очень дымный, так как порох я делал не гранулами, а простой пылью.

Наступила зима 1942 года. На Рязань-1 упали несколько бомб, в городе что-то загорелось. Прозвучал отбой воздушной тревоги.

Наступило утро. В доме затопили печь: бабушка совсем замёрзла. В 10 часов утра снова налёт – отчаянно стреляют зенитки. Вот слышу: бьёт батарея 76 мм, а вторит ей скорострельная пушка – очередью из восьми снарядов. Выбегаю на улицу, смотрю на небо.

С надрывным звуком высоко-высоко летит самолёт, а вокруг него разрывы снарядов в виде барашков. Прижавшись к дому, я с нетерпением жду попаданий в самолёт и падения его осколков.

И так каждый день в течение зимы 1942 года.

Однажды я побывал в бомбоубежище. По распоряжению управляющей Лотчмиль всех женщин и детей загнали в этот пункт. Я оказался в середине толпы, а кругом – чемоданы, узлы, люди.

Бомбоубежище из пяти выкопанных зигзагом траншей построили заранее. Сверху – брёвна, доски и 0,5 м земли. Летом 1942 года земля над бомбоубежищем стала прорастать травой. В школу я, конечно, не ходил и постоянно бегал на Борковской затон, куда свозили сбитую технику.

Мы с ребятами упорно искали пистолеты, но находили только автоматы, карабины. Все они были без затворов, а нам так хотелось «вооружаться». Все карманы набивали патронами и пулями, но пули мы сортировали, выбирая только трассирующие и зажигательные. Бронебойные выкидывали. С трофеями возвращались во двор, складировали их в тайниках на чердаке нашего дома.

Очистки от картофеля – на завтрак, обед и ужин

В один из облачных дней на свободный клочок неба вынырнул немецкий самолёт. Я разглядел огромный чёрный крест с жёлтой окантовкой и, как мне кажется, заклепки на кузове: так низко он летел. Он не бомбил и не стрелял, но, наверное, фотографировал станцию Рязань-1 и наш посёлок. У меня созрела мысль – организовать на чердаке позицию. Ножом и долотом я пробил отверстие в кровле для стрельбы, но больше так низко самолёты не пролетали. А ведь я так хотел сбить самолёт из охотничьего ружья, заряженного большим гвоздём.

В моем поселке весь 1942-й и 1943 годы электричества не было, дров не было, не было даже соли. Мы ели картошку, а весной сушеные и жареные очистки.

До сих пор помню тошнотворный вкус несолёной картошки. Больше ничего не было. И всё же о детях власти заботились. Лето 1942-го и 1943-го я провёл в пионерских лагерях: «Солотча» за Окой и в Воронцовском в районе станции Тума. Там я наелся, наконец, жареной и вареной рыбы, грибов, клубники и лесных орехов. Пионервожатая водила нас на сбор лесных даров.

Отъелись в лагере, и я вернулся в Ленинский посёлок домой – в голод и холод.

По мере продвижения фронта на запад налётов на Рязань стало меньше, но напряжённость не спадала до 1944 года. Мой брат

Владимир, надышавшись пылью при обработке мин, попросился добровольцем на фронт. После учебы на механика по вооружению самолётов он стал солдатом.

В 1943 году от голода умерла моя бабушка – Агриппина Ивановна Соболева.

Отца дома нет. Мама в больнице. Старший брат на учёбе. Младшей сестре восемь лет, братишке – пять. Я – самый старший в семье: мне десять. И я один хороню бабушку. Домоуправ Лотчмиль организовала лошадь с телегой. Кто-то провёл мне инструктаж, как держать вожжи. Со словами: «Лошадь сама знает дорогу к церкви» – меня отправили в путь. Я почти благополучно довёз гроб до кладбища. Как закапывали могилу, как я возвращался домой – не помню.

Мне навсегда запомнилась Церковь всех скорбящих: белого цвета, она стояла на возвышении, в непосредственной близости от железной дороги. Могилу бабушки я, пожалуй, теперь не найду. Из Рязани пути всей нашей семьи разошлись. Отец – на востоке, в городе Ижевске, военнообязанный. Брат в Переяславле-Залесском, бабушка – в могиле, мама после тифа – чуть живая, обрита наголо, а я – что хочу, то и делаю.

А впереди – большое путешествие: Рязань – Казань – Свердловск. Западный ветер погнал нашу семью на восток.

Шёл третий год войны, мне уже 12 лет. Я давно привык к вою сирены и воздушной тревоге. Надо отметить, после Сталинграда и Курской битвы народ СССР окончательно поверил в нашу Победу. Хотя я сжёг все заборы нашего Ленинского посёлка и отъедался шиповником и терновником только летом, сводки Совинформбюро веселили душу. Реже были налёты немецких самолётов на город Рязань. Куда-то девались зенитки, стоявшие вблизи посёлка. Потихоньку стали ломать бомбоубежища.

В одном из них я побывал всего единожды, и взрослые со временем стали воспринимать риск смерти философски.

Из Рюминской рощи за одну ночь куда-то делась целая дивизия польских солдат. Их окопы и блиндажи опустели, а мы, мальчишки, собирали там патроны.

Эвакуация нашей семьи в город Кадом не состоялась по многим причинам.

Мама чудом оправилась от сыпного тифа. Её лечил знаменитый врач Виноградов. Большое ему спасибо! Она вышла на работу в больницу имени Семашко. К 1944 году железную дорогу Ки-

ров-Котельнич-Горький построили, и мой папа Михаил Иванович Соболев вместе с конторой Желдорвзрывпром переместились на строительство полотна Сосьва – Алапаевск. В войну дороги были очень нужны.

Когда наши войска вышли на границу с Польшей, я все чаще стал слышать из динамика оптимистичное: «Наши войска освободили очередной город и разбили аэродром противника».

В Рязань пришёл вызов от отца: нашей семье разрешили выехать на Урал, в город Свердловск. С двумя узлами вещей мы с мамой, братом и сестрёнкой отправились в путь. Сначала приехали в Казань, а после в Свердловск, подальше от войны. Свердловск 1944 года показался мне каким-то темным и неприветливым. Перед вокзалом – единственное кирпичное здание мельницы, а вся улица Свердлова состоит из одноэтажных домов.

Наша семья поселилась у младшей маминой сестры Юверской Анны Владимировны, по улице Лермонтова,14.

Делим первый этаж старинного флигеля с двумя семьями: нас – семь человек, соседей – двое, и семья участкового милиционера. В тесноте, но как-то живём.

Отец пока в Алапаевске, он военнообязанный.

Изучаю Свердловск 1944 года. На западе – завод ВИЗ и красивый пруд. На юге – заводы Химмаш и РТИ (Резинотехнических изделий). На востоке – тьма заводов: Турбомоторный, Эльмаш, Трансмаш, Завод имени Калинина. На севере – снова завод Уралмаш. Всё дымит! Всё гудит!

Очень скоро Победа!

Бегаю на Макаровскую мельницу. Собираю мякину от помола ржи и пшеницы, и этим питаемся. Скоро весна 1945 года – вот уже февраль, март, апрель.

Я хожу в школу №2 около Управления железной дороги на улице Быкова. Учусь плохо! В Рязани не учился, отстал от программы, и сейчас спасает только чтение сказов Бажова да журнал «Урал – земля золотая».

Наши войска окружили Берлин и вышли на реку Эльбу. Старший брат подвешивает бомбы, которые полетят на Кёнигсберг. Чувствуется весеннее тепло и приближение конца войны.

Й вот 9 мая – конец войне, День Победы!

В Свердловске, как и во всем СССР, большой праздник!

Но я его уже не чувствую. Я тяжело заболел – мой букет диагнозов: желтуха, туберкулёз и малярия одновременно. Именно 9 мая 1945 года меня увозят в больницу на углу Ленина-Хохрякова. Там лечит меня знаменитый свердловский детский врач Фёдор Ильич Ратников. Салют я не видел, Победу всю проболел, и всё лето 1945 года провёл в больнице.

Моя сестра Таня с туберкулёзом целый год лежала в санатории на станции Вьюхино Свердловской железной дороги. Сказалась четырехлетняя голодовка в Рязани.

Перекати-поле-4

В настоящей главе я рассказываю о жизни нашей семьи в Свердловске.

Итак, мне 12 лет. Резко изменилась вокруг обстановка: мы в большом, незнакомом городе, война идет к закату... Опишу первые впечатления.

Хорошо помню воинский вокзал, башню водокачки, которая и сейчас стоит, как памятник. От этой водокачки заправлялись все паровозы. Помню перекидной мост, привокзальную площадь. На том месте, где стоит памятник танкистам Уральского добровольческого танкового корпуса, в 1944 году был садик с трамвайным кольцом перед вокзалом. Напротив вокзала одно единственное кирпичное здание – Макаровская мельница. Рядом с ней огромное болото. Это русло реки Мельковки. Теперь оно под асфальтом, и по этому маршруту весело летят троллейбусы в сторону Уралмаша.

Свердловск в 1943 году

В то время основным городским транспортом был трамвай, пять маршрутов которого связывали вокзал с Уралмашем, ВИЗом, с улицей Щорса, ВТУЗ-городком и парком культуры Маяковского. По улицам Свердловска весело звенели трамвайчики, где я за три копейки катался по улице Толмачева, улице Ленина и далее в трех направлениях: ВИЗ, ЦПКО, ВТУЗ-городок. Шоссе УЗТМ связывало вокзал с Уралмашем. На востоке от него громоздились и шумели корпуса заводов Калинина, Турбомоторного, Эльмаша. Шум от прокрутки турбин и двигателей раздавался по всему городу, а канонада от испытания орудий до сих пор у меня в ушах. Все гудело и стреляло! Под такую какофонию я и засыпал.

Первое жилье было у нас на улице Лермонтова, теперь это улица Николая Никонова, названная в честь уральского писателя. В то время это был тихий, деревянный уголок Свердловска. Рядом улицы Физкультурников, Ключевская и даже улица Андрэ Марти. Последняя переименована в Мельковскую. А какое-то время улица Мельковская носила имя Жданова. Была такая мода: переименование городов, сел, улиц. Помните Пермь-Молотов?

С улицы Лермонтова я ездил на улицу Ключевскую за мягкой водой. В колонках была жесткая вода, а для стирки моя тетя просила привезти мягкой. По рассказам моей тети Анны Владимировны Ювенской, ключик, где я брал воду, был не простой, а золотой. Там иногда находили мелкие самородки. Надо сказать, что золото под Свердловском-Екатеринбургом есть и сейчас в районе Генеральской дачи на речке Ольховке. Генеральской дачей называется уютный природный уголок. Это зеленый мыс при слиянии Ольховки с рекой Исеть. На старинной плотинке и красивом водосбросе я каждый день купался в летнее время и с интересом наблюдал, как семья из трех человек с помощью вашгердта добывала в городской черте золото – хлеб для пропитания. Старание продолжалось примерно до 1955 года.

Я быстро освоился в городе и его окрестностях. На трудовом поезде доезжал до станции Исеть. Конечно, без билета. По Пермской линии ездил до станции Северка. В южном направлении – до Уфалея, в восточном – до Синарской. Часто на крыше вагона.

На западе я видел невысокие горы, которые манили меня. Впоследствии я добрался до этих гор. Моя мечта сбылась через несколько лет. Я упросил отца купить мне курковое ружье ижевского завода, которое отец купил мне в магазине «Охотник» за 15 рублей. Этот магазин располагался на улице 8 Марта.

«Самоходки» на заводской площади перед отправкой на фронт в 1944 году.

В марте я отправился изучать эти горы. Доехав до станции «Огородная площадка» на линии Свердловск – Нижний Тагил, я отправился к этим горам. Направление взял по компасу, без дорог и тропинок. Примерно через три километра я оказался на льду озера. Как впоследствии я узнал, озеро называется Мелкое. По льду перебежал озеро, и вот я уже у подножья заветных гор! Одолев две вершины, выстрелив несколько раз по мишеням, я вернулся домой. Кругозор мой расширился. Впоследствии к этому озеру ходил летом.

На улице Лермонтова мы жили очень стесненно, в коммунальной квартире. Хозяйкой самой большой комнаты была моя тетя Анна Владимировна Ювенская, она проживала с дочерью Ниной, моей двоюродной сестрой-школьницей. А сын тети Ани, Борис, учился в спецшколе ВВС и жил пока в общежитии. На голову тети Ани еще «свалились» мы четверо. Спал я, помню, где-то под столом.

В этой квартире меня особенно интересовали две соседки: родные сестры, лет шестидесяти, которые как тени передвигались по темному коридору и кухне. Когда я появлялся на их пути, они молча удалялись в свою комнатушку. В третьей комнате жила семья милиционера железнодорожной транспортной милиции Агеенко. Это был известный сыщик по транспортной милиции. С этой семьей я подружился.

Вернемся к портрету странных соседок.

По большому секрету моя тетя рассказывала, что эти седые дамы являются якобы теми горничными и фрейлинами царской семьи, которые странным образом спаслись в 1919 году при ее расстреле. С этого момента у меня появилось страстное желание изучить ипатьевский дом.

А до него от нашего дома рукой подать, каких-то пятьсот шагов. Я подходил даже к этой двери, обитой ржавым железом, которая никогда не открывалась. Эта дверь выходила на проулок к улице Толмачева, по которой, наверно, и увозили тела царской семьи. Проникнуть во двор ипатьевского дома я также не мог. Там был высокий забор с колючей проволокой по верху. Фасад дома выходил на улицу Карла Либкнехта, как раз напротив Вознесенской церкви. Слева от нее Харитоновский дворец, а на площади располагался фонтан с огромными бронзовыми лягушками.

Помню огромные кусты сирени, в которых я прятался. Теперь там нет ни фонтана с лягушками, ни сирени. На месте дома Ипатьева стоит Храм на Крови, а напротив памятник комсомолу Урала. Символично и загадочно – не правда ли? Для справки: в настоящее время Вознесенская церковь действующая, а при советской власти в ней располагался городской планетарий. Напротив Дворца пионеров находится Управление газопровода Бухара – Урал.

Рассказы тети Ани заставили меня взглянуть на мир по-новому. Но наша семья в 1944 году перебирается на улицу Андрэ Марти, 16. Это был двухэтажный флигель, второй этаж которого занимала семья начальника транспортной милиции Свердловской железной дороги.

Жизнь во флигеле продолжалась недолго. Весной нашу квартиру на первом этаже затопило. Хорошо помню, как по стенам начали ползать мокрицы. Наверно, от сырости и недостатка питания я заболел, но мне очень нравилась какая-то таинственность этого здания. Толстые стены из природного камня первого этажа, два раздельных хода в квартиру, а между ними подвальное помещение с колодцем.

Начитавшись сказов П.П.Бажова, я придумал и прокопал горизонтальный ход, который назвал Жабреев ходок, как называется один из сказов. Мои друзья из соседних домов с удовольствием лазили по этому коридору и с восторгом разглядывали колодец под домом. В конце концов из-за сырости нас переселили на улицу Стрелочников, 1А.

После переезда на новое место я продолжал изучать город. Бегал на плотину городского пруда. Ниже ее в то время был заводик,

который назывался Монетный двор. На завод со стороны улицы Малышева шла железнодорожная ветка. В войну там ковалось оружие для Армии. Сейчас все изменилось... На месте Монетного двора – Исторический сквер, в котором под открытым небом разложены горные породы со всего Урала. К моему удовольствию, там лежит глыба качканарского пироксенита! Спасибо свердловским архитекторам, создавшим эту красоту!

В этом городе у меня много любимых мест.

Одно из них – Генеральская дача, где жил до революции генералгубернатор Екатеринбурга. Чем интересна эта дача? На ее территории уютно расположилась плотина с красивым водосбросом. С самой плотины этой красоты не видно, но когда спускаешься в овраг нижнего бьефа, красота водосброса будет понятна только архитекторам и романтикам. Очень жаль, что архитекторы нынешнего Екатеринбурга еще не заметили этой красоты. Я уже пытался навязать эту тему одному дипломанту, но проекта реконструкции этого прекрасного уголка пока нет. Теперь в городе пошла мода на «высотки.»

Еще одна болевая точка для меня – разрушенный элеватор бывшей Макаровской мельницы. На ее месте тоже поднимется «высотка».

Перекати-поле-5

Когда я стал постарше, я зачастил на полуостров Гамаюн. Полуостровом он стал давным-давно, когда была построена плотина Верх-Исетского металлургического завода. Плотина, перекрывшая реку Исеть, образовала огромный, 9-километровый водоем. От плотины до Гамаюна девять километров! В междугорье образовалась широкая протока, примерно 200 м.

Полуостров – это небольшая горка с сосновым бором, далее деревня Палкино. В районе Гамаюна археологи даже обнаружили древнее поселение. За ним река Исеть становится узкой, а далее к истокам я обнаружил озеро с интересным названием Мелкое.

При открытии осенней охоты на полуострове собираются заядлые охотники Свердловска. На одном открытии я побывал, когда мне было 16 лет. И вот мои впечатления. Охотники приехали со всего города на вечернюю и утреннюю зорьку. Вечернюю они пропустили. Уютно расположившись у костра, потихоньку распивали «Московскую». Стемнело. Разговоры охотников стали громче. На другом берегу Исети также горели костры. Вдруг с того берега раз-

Уголок полуострова Гамаюн на Верх-Исетском пруду

дался громкий возглас: «Эй, Илюха! Ставь бутылку к костру!» С нашего берега раздается: «Поставил!!!» И вдруг с того берега я услышал залп из многих ружей. Наш тамада дико закричал: «Ложись!» Он, наверно, был не первый раз на открытии сезона. Все охотники попадали в траву, лицом вниз. По моей спине застучали дробинки бекасинника (мелкая дробь). Вставший на ноги тамада вдруг скомандовал нам: «Заряжай!» Я послушно зарядил ружье и по команде тамады, подняв ствол, выстрелил по противоположному берегу, и весело пошла пальба с обеих сторон. Что делали утки в это время – неизвестно. Наверно, они улетели на озеро Мелкое. Вечерняя зорька была сорвана, как и утренняя: стрелять было не в кого. Так меня посвятили в охотники.

В городе Свердловске я прожил с 1944-го по 1960 год. И, конечно, в этот город я влюбился. Оно и понятно: ведь там прошли мои юношеские годы, и первый поцелуй случился на Макаровском мосту.

С моста открывается прекрасный вид на Плотинку по улице Ленина. В другую сторону – на Генеральскую дачу, где теперь уютно устроился Институт железнодорожного транспорта.

К самым красивым зданиям Свердловска я отношу здание Управления Свердловской железной дорогой, архитектурный ансамбль ВТУЗ-городка с главным корпусом УПИ (Уральского политехнического института), заводоуправление Уралмаша и его главную площадь, ансамбль Дома пионеров (бывший Харитоновский Дворец),

Вознесенскую церковь. Неплохо смотрятся здание Свердловской филармонии и, конечно, здание техникума имени И.И.Ползунова, а также здание консерватории, бывшее Горное Управление, институт ВОСХИТО.

Перекати-поле-6

Неустроенность в жизни нашей семьи продолжалась... Но вот появилась надежда на счастливую жизнь в отдельной квартире. В контору Желдорвзрывпрома пришел новый главный инженер по фамилии Солоненко. Он добился разрешения постройки двух восьмиквартирных домов для сотрудников.

И вот сдан в эксплуатацию первый дом по улице Летчиков, 5. Обживаем двухкомнатную квартиру, радуемся жизни. Было это в 1948 году.

Помню большие картофельные поля в Горнозаводском поселке и массу плановых и внеплановых застроек. Оперативно даются названия новым улицам: Ереванская, Армавирская, Тагильская, Пилотная, а дальше, у Сортировки, улица Минометчиков!

Зарплата у инженер-капитана административной службы была невысокая, и моя мама вынуждена была снова пойти на работу. Сначала бухгалтером в институт с названием Союзтеплостройпроект (перекресток Ленина – 8 Марта), левое крыло горсовета. Но по неизвестным причинам ее скоро сокращают, и она поступает на работу в Свердловское управление железной дороги, на фабрику механизированного учета.

Хорошо помню, что на столе было ограниченное количество продуктов, в основном вареная или жареная картошка.

Чтобы не быть нахлебником в семье, решаю поступить в ремесленное училище энергетиков №18, шоссе УЗТМ, 2-ой километр. Получаю форму, учусь, а после занятий работаю на городских стройках Свердловска: трамвайное кольцо на Эльмаше, уборка мусора на территории камвольного комбината, закладка фундамента стадиона «Металлург Востока».

Часто нас посылали по колхозам области: деревня Темная (колхоз «Пионер» Талицкого района), уборка капусты на полях Туринска. А мне уже 15 лет!

В 1947 году с отменой карточек на продукты я сытым почему-то не стал. В 1949-м после окончания РЭУ работаю на заводе №8 МПС. Работаю в три смены по 8 часов. Помогаю своей зарплатой семье и начинаю прозревать: а что дальше?

Мне 17! Ура! И вот тут-то потянуло меня в небо! Хочу летать! Поступаю в Свердловский аэроклуб, прохожу несколько медкомиссий. Военврач крутит меня на стуле и выносит приговор: слаб вестибулярный аппарат! Значит, иду в механики.

С 1949 по 1951-й работаю, учусь в вечерней школе и аэроклубе. Жду повестку в Армию. 1 июня 1951 года – снова медкомиссия для прохождения службы. Медкомиссия проходила в клубе имени Андреева, в танцевальном зале, там, где занимаются балерины.

В конце июня демобилизуется из авиации мой старший брат Владимир. Дома его не было семь лет. Прибыл он из Литвы, города Круспилса, а 14 сентября 1951 года и я отправляюсь на запад в воинском эшелоне.

Первое место моей службы – город Шауляй, Литва. Вот мой первый аэродром. В Шауляй из Свердловской области нас прибыло 300 человек. Получаю голубые погоны с птичками, принимаю присягу. Живем в ангаре. На аэродроме базируется два полка фронтовых бомбардировщиков Ту-2. Любуюсь на летчиков, штурманов, стрелков-радистов и, конечно, завидую им! Они летают!

Перекати-поле-7

Наконец, назначается мандатная комиссия по дальнейшей судьбе новобранцев. Принимаю военную присягу, сажусь снова в воинский эшелон, и поезд везет меня в неизвестность. Ночью пересекаем советско-польскую границу. Польские пограничники помахали нам рукой. По самой Польше едем только ночью, а днем состав стоит на лесных полустанках.

А вот и река Одер! Мы на границе с Германией. Ночью состав медленно проезжает мост, немецкие пограничники пропускают нас на свою территорию. Мы, солдаты Советской Армии, на территории страны. Я невольно вспомнил тяжелые годы войны – и испытал гордость за свою страну, победившую в этой страшной войне. Доехали до реки Эльбы! Перед нами Дрезден. Далеко же меня занесло от Свердловска! Старший брат дошел только до Кенигсберга, а я до Дрездена! Состав въезжает прямо в военный гарнизон и останавливается рядом со стадионом и спортивным залом. Огляделись... Ниже стадиона огромная котельная и теплотрасса прямо под ним. Спрашиваем сопровождающего офицера, куда нас привезли. Старший офицер объяснил, что мы прибыли в предместье Дрездена – местечко Клотцше и будем учиться в течение года на механиков самолетов. «Ваш выпуск будет вторым по счету».

Это был период перехода с винтовой авиации на реактивную. Школа выпускает специалистов по приборам, по радио, электрооборудованию и одну роту ЗОС (земельное обслуживание самолетов). Я попал в роту электриков. Командиром этой роты был капитан Семиногов, командиром взвода – старший лейтенант Новиков, начальником школы – полковник Уралов.

На первое время нас поселили в гостиницу Флюгхафен Дрезден. Здание большое, с высокими потолками, огромными окнами, расположено на высоком берегу Эльбы, примерно в 10 километрах от центра города. Город виден, но недоступен нам. За год учебы в школе я только один раз побывал в городе, и только в бане.

Изучал в школе электрические схемы трех самолетов: винтовой Ил-10-штурмовик, истребитель Миг-15, фронтовой бомбардировщик Ил-28. Год учебы пролетел как один день. Распорядок жесткий: подъем в 6 часов, физзарядка, завтрак, восемь часов учебы, «мертвый час» (я успевал засыпать по команде), и после сна два часа давалось на самоподготовку. Помню преподавателей. Лейтенант Демидов, только что окончивший Военно-инженерную Академию. Все остальные преподаватели – только «академики».

Выходных не было. Каждое воскресенье – кросс на 10 километров. Иногда в противогазе. Учеба продолжалась и ночью. В ангаре десяток самолетов разных марок, преподаватель гасит свет, вводит неисправность в электросхему, а курсант с помощью аккумулятора, переносной лампы, схемы и тестера должен найти неисправность. Такая учеба запомнилась мне на всю жизнь!

В декабре 1952 года я со своими друзьями получаю новое назначение – еду служить в истребительный полк города Финов-Эберс-

Послевоенный Дрезден

вальде. Сопровождает нас летчик-капитан Карпенко. С собой он взял только четырех курсантов. Радисты Скащенко, Селиванов, приборист Дядченко из станицы Мечетинской и я – свердловчанин. За одну ночь проехали всю Германию через города: Лейпциг, Магдебург, Витшток.

Теперь я механик 33-го истребительного полка ПВО. Служба моя здесь будет продолжаться еще три года!

Перекати-поле-8

По приезде в Финов нас, четырех новоиспеченных механиков, назначают на вакантные должности взамен демобилизованных. Мои друзья-радисты Скащенко и Селиванов, приборист Дядченко назначены в первое звено 33-го истребительного полка. Состав полка – 36 истребителей МИГ-15-бис. Все машины новенькие, с четырехзначными номерами. Помню даже номера самолетов: 2438, 2425, 2417 и т. д.

Мои первые наставники после школы – сержанты Кандул и Заруба. Но они футболисты, на аэродроме их часто не бывает. Невольно мне пришлось быстро, досконально освоить оборудование. Казарма, в которой я жил, одноэтажная, на кроватях матрасы еще с немецкими штампами. Рядом с казармой три озера-водоема, на которых я провожу все свободное время. Каждый год мастерю новую лодку или плаваю на подвесных баках самолета. Беру два бака, креплю на них солдатскую кровать, «набираю экипаж» – и мы плывем! На четвертом году службы построил лодку с электрическим двигателем. Винт изготовляю из старой антенны – радиоответчика Барий-м. По вечерам проявляю фотопленки. Сержант Кандул оставил мне в наследство фотолабораторию, созданную им.

Жизнь в авиационном полку очень разнообразна. Сегодня полеты, завтра матчасть. Раз в неделю дежурное звено. Дежурим по 24 часа. Четыре самолета на исполнительном старте. Одетые летчики отдыхают в бараке, они на связи с локаторщиками. Механики с автоматом в руках – под крылом машин. Особенно интересно дежурить ночью. Слушаешь каждый шорох, как бы кто не подкрался к самолетам. Они заправлены, полный боекомплект, парашюты на сиденьях... Смотришь в оба!

Знакомство с Восточной Германией.

По мере возросшей квалификации как механика начальство доверило мне сопровождать груз в аэропорт Дамгартен, на берег Бал-

тийского моря. Вернее, напросился я сам, так как груз доставлялся транспортным самолетом «Дуглас». С документами на груди впервые забираюсь в самолет. Ящики с четырех МИГов уже погружены. В салоне просторно: ни кресел, ни сидений. Бегаю по фюзеляжу с правого борта на левый. А вот оно и море! Работаю в Дамгартене две недели. Дамгартен – уютный городок на берегу моря. Во время войны там была перевалочная база военных грузов.

Купил карту Германии, вижу недалеко от Дамгартена остров Рюген, который меня очень заинтересовал. И не зря! Как впоследствии я узнал, этот остров изучал наш юморист Михаил Задорнов. А нашел он там множество деревень со славянскими корнями. И высказал мысль, что сам А.С.Пушкин в сказке «О царе Салтане», упоминая остров Буян, имел в виду остров Рюген! Кроме Дамгартена, я побывал в городах Вердер, Вюнсдорф, Гросслюбарс.

О Гросслюбарсе особо: там, на очередных учениях, погиб летчик нашего полка – старший лейтенант Будцев. Он стрелял по наземным мишеням и при выводе самолета коснулся земли. Причина: МИГ-15 имеет длину всего 10 метров, и рули глубины при коротком фюзеляже работают неэффективно.

В 1953 году мы получили новую технику МИГ-17, длина которого была 11 метров, а стреловидность крыла 45 градусов.

До 1953 года мы назывались группой оккупационных войск в Германии, затем группой Советских войск Германии (ГСВГ). Одной из причин переименования явилось недовольство немцев своим социальным положением. Они платили Советскому Союзу репарации за нанесенный ущерб в Великой Отечественной войне. Они объявили «День Х» 17 июня 1953 года. В этот день были проведены демонстрации протеста во всех крупных городах Германии. Они протестовали против низкой зарплаты, и после этого Н.С. Хрущев отменил репарационные поставки и все германские долги.

Наконец-то я возвращаюсь в родной полк. В те годы пошла мода на рационализацию, а на самих машинах даже болтик заменить нельзя! Строим проверочные стенды. Два моих изделия начальству понравилось! Это стенд для проверки тахометров, другой для проверки свечей и катушек зажигания. Со своими стендами я объехал все выставки группы войск.

Прошло четыре года – без отпуска, без отдыха, с тоской по Родине. И мне казалось, что в СССР уже наступил коммунизм. Перед демобилизацией, в ноябре 1955 года, еду в Берлин на экскурсию, предоставленную мне в качестве поощрения! За день посещаем Трептов-парк, Панов-парк, Берлинское метро и тыльную часть

Рейхстага. Фронтальную часть занимали в то время английские часовые. Вход на главную площадь только по пропускам. В декабре прощаюсь с однополчанами и снова эшелоном возвращаюсь через Польшу в Советский Союз! Прощай, Одер! Прощай, Эльба! Прощай, канал Финов!

Прощай, Германия!

22 декабря я был в родном Свердловске!

Почти бегом с вокзала бегу домой, на улицу Летчиков. Первые дни хожу в форме, пока не встал на воинский учет. Обхожу соседей по дому, докладываю: прибыл! На лестничной клетке живут наши хорошие знакомые: Гордиенко Софья Васильевна и Юрий Иванович, которые приехали из Харбина, в котором родились, поженились и прожили полжизни. Назначена торжественная встреча после возвращения почему-то в квартире Гордиенко. Захожу в квартиру и встречаюсь взглядом с очаровательной девушкой.

– Наташа, – представляет мне ее Софья Васильевна. Тоже приехала с нами из Харбина. Как потом оказалось, отец Наташи был преподавателем теплотехники Харбинского политехнического института, а Юрий Иванович учился у него.

Еще несколько минут - и я влюблен!

Наталья Владимировна Белобродская (Наташа) работала продавцом в модном обувном магазине на ул. Первомайской, куда я начал приходить встречать ее каждый день и провожать до дома. Ее комнатушка в деревянном доме была тоже на Летчиков. Я ее провожал мимо Дворца пионеров на Вознесенской горке. Любимое ее место было у фонтана с бронзовыми лягушками. В лихие голы перестройки всех лягушек украли. А жаль...

Я собираюсь учиться. Жениться еще не готов! Мне 23 года, Наташе – 21.

Еще на службе каждый из нас задумывался: а что дальше? Работа? Учеба? Мои друзья до Армии окончили по два курса техникума, и они, конечно, вернулись в родной СГМТ. А я собрался поступать в техникум железнодорожного транспорта. Мечтал стать машинистом электровоза ВЛ-22. Но моя демобилизация была в декабре 1955 года, и пока пришлось поступить на работу в лабораторию высоковольтных испытаний в Свердловское отделение дороги. В Армии я изучил постоянный ток, в лаборатории – переменный. Работа интересная, но зарплата небольшая. Готовлюсь к поступлению в техникум в 1956 году. Летом сдаю экзамены и поступаю в СГМТ. Был принят в группу обогащения руд цветных металлов. А я мечтал учиться на электротехническом отделении. Но в тот год

группа ЭПП была ликвидирована. Учусь на обогатителя. Получаю стипендию 285 рублей, тогда в Свердловске это была самая высокая стипендия.

Жениться рано, но молодость берет свое. Мы с Наташей начинаем жить вместе, снимаем квартиру в районе ВИЗа. За четыре года учебы появились и дети: Леночка и Олечка. В 1960 году получаю диплом техника-электромеханика (через три семестра я сбежал из группы обогатителей) и распределение: почтовый ящик №501 города Новосибирска. Мы, наконец-то, решили оформить брак в загсе района Уралмаш..

Жену в почтовый ящик не пустили! Нужна была длительная проверка, и, наверно, в этом была виновата харбинская биография Наташи. Получаю новое направление в незнакомый город Качканар, в трест «Качканаррудстрой». В те времена были совнархозы, и от треста «Качканаррудстрой» была заявка на двух техников-электриков. Одним из них был я, другим оказался Иван Федотов.

Направление гарантировало работу и квартиру. Нас с Наташей это вполне устраивало.

Перекати-поле-9

Качканар – переломный момент моей жизни.

1960-й – год знаменательный. Получение диплома, женитьба на Наталье Владимировне, переезд на комсомольскую стройку. Почему это произошло в 60-м? Наверно, звезды расположились так... А если серьезно, то наша любовь зародилась пять лет назад, и за эти годы мы имеем уже двоих дочек: Леночку и Олечку. Напомню, в «почтовый ящик» я не попал. Вся моя группа уехала в Сибирь, а я оказался в Качканаре.

Учась в техникуме, я проходил практику на предприятиях Урала: СУМЗ – Среднеуральский метзавод, Верхняя Пышма – электрометаллургический комбинат. И, конечно, Нижний Тагил – НТМК. В Тагиле я прошел три практики. В техническом отделе комбината познакомился с проектом роторной печи, которая была построена там.

В отчете говорилось: роторная печь будет плавить руды горы Качканар. Я взял это на заметку. И вот судьба свела меня с Качканаром.

Детей оставили, конечно, у моих родителей на улице Летчиков. А мы с Наташей взяли только палатку, ружье и направление в трест «Качканаррудстрой». В то время до Качканара мы добирались через город Нижняя Тура. Первые впечатления были ужасны.

Забрались в автобус «пазик», до потолка набитый народом. Доехали до Савиной горки. На дороге сидели двое голых мужчин...Физиономии разбиты. Не разговаривают. Молча, жестами остановили автобус. Пассажиры притихли. Объехать их было нельзя: кругом ямы. Присев на пол, они дали команду: «Вперед!»

По ужасной дороге мы, наконец, добрались до горы Долгой. Гдето в районе горы Любви странные пассажиры вышли и удалились в лес. Про себя я подумал: долго тут не задержусь...

Первая наша ночевка была в палатке на улице Качканарской между двух берез. Ночь прошла спокойно, но утром кто-то двинул меня в спину сапогом через брезент палатки с репликой:

– Вот первостроители-романтики прикатили! А мы тут уже три года ломим!

Принимал меня на работу главный инженер треста Евгений Иванович Козлов. На моей путевке он сделал запись: «Работы по специальности нет!» И добавил: «И квартиры ты не получишь!» Пришлось нам с Наташей ретироваться.

Прихожу в родной техникум и сдаю путевку. Но вызывает меня директор товарищ Сивков, беседует со мной. Он страшно возмущен: «Как? Моих выпускников не берут на работу?.. Иди, погуляй денек», – и назначил новую встречу. Оказывается, трест «Качканаррудстрой» дал заявку в Свердловский совнархоз на двух техников-электриков с предоставлением работы и квартиры. Без всякого энтузиазма возвращаюсь в Качканар. Пока один. Евгений Иванович с досадой направляет меня куда подальше – на завод стройматериалов, который только-только задышал. Один месяц работаю электриком, бегаю по галереям, вкручиваю лампочки. Затем главный механик Рубцов назначает меня начальником цеха КПД – крупнопанельного домостроения. По проекту цех должен выпускать детали тринадцати домов в год. Меня это впечатляет, но цех не достроен и не укомплектован оборудованием.

Внедряюсь в коллектив. Две бригады моряков, недавно демобилизованных, и моя начальница Нина Ивановна Молчанова, выпускница московского строительного института имени Куйбышева. Начинаем с простейших изделий – фундаментных блоков. Изде-

лие примитивно простое. Масштабы работы меня не устраивают. Все оборудование – два козловых и один мостовой кран, 17 пропарочных камер, вибростолы. Предупреждаю начальницу, что скоро ухожу в ГОК. Но есть препятствие: после техникума я должен отработать три года. Но в один прекрасный день товарищ Рубцов подписал мне заявление. Чтобы не потерять стаж, обязан оформиться на новое место за две недели.

Скоро я был принят на Качканарский горно-обогатительный комбинат, в отдел оборудования. Теперь называюсь инженером по комплектации систем Кип и А, СЦБ и связи. Пока я оформлялся, совершил незабываемый марш-бросок: Качканар, Ис, Старая Ляля, Кытлым и Конжаковский камень.

Я случайно попал в группу из семи человек-передовиков производства. Мой географический горизонт расширился еще на 150 километров. А впереди – вся страна! Северный Урал, Казахстан, Дальний Восток, Приморье, комбинат КМА-руда, Лебединский ГОК и т. д.

Но это опишу в хронологическом порядке.

Мечта сбылась: я работаю на крупном предприятии Урала. Пока оно только строится. Мои начальники – Фатеев Николай Петрович, Верхоланцев Станислав Павлович, Мелехин Михаил Иванович. Группу обогатителей возглавляет наш будущий директор – Еремин Николай Яковлевич. Попадаю в совершенно новую для меня обстановку. Работа с проектной документацией, составление заказных спецификаций, отправление по почте справок о наличии финансирования заказа. С большим трудом осваиваю основы плановой экономики. Мелехин контролирует каждый мой шаг. Я чувствую ответственность, впитываю информацию... и командировки, командировки, командировки, командировки, сегодня лечу на завод-изготовитель, через неделю – в проектный институт и два раза посетил МЧМ (министерство черной металлургии – Москва, площадь Ногина). А как здорово работала (по-моему) эта плановая экономика!

Сначала заседает Верховный Совет СССР. Докладчик – Госплан СССР. Содокладчик – министр финансов СССР. В 1962 году в СССР было зарегистрировано одновременно десять тысяч народных строек. Это сведения из газеты « Правда». Министр финансов товарищ Зверев доложил: «На все стройки денег не хватает!» Не хватило денег и на нашу аглофабрику!

Запоминающиеся командировки. Лечу в Конотоп (Украина). Самолетом из Кольцово до Харькова, поездом Харьков-Сумы-Конотоп. За контактным проводом лечу в Ташкент.

А что творится у меня в доме? Моя жена мечется от безденежья, ищет работу. На руках двое детей. На семейном совете решаем дочек оставить в Свердловске, бабушка и дедушка не возражают. А я подаю заявление в Горный институт для утверждения своего личного статуса. Наталья от меня не отстает и поступает в Свердловский техникум Совторговли на отделение: товаровед промышленных товаров. И начинается наша «гонка за дипломами», как и у других советских граждан.

Вскоре мне надоело заниматься бумагами, снова захотелось настоящего дела! И в этот самый момент знакомлюсь с Дмитрием Ивановичем Гикаловым, который зачастил в отдел оборудования. Он приехал из Нижнего Тагила с твердым намерением создать на КГОКе централизованный цех КИП и А. И я, конечно, поросился к нему на работу.

Начало было трудным. Гикалов в то время сам работал в релейной службе комбината. Это была личность с большими амбициями. И вот он создает проект нового цеха по схеме НТМК. Для этого при поддержке главного инженера комбината Мясника Семена Леонтьевича предлагается структура цеха и докладывается на техническом совете. Это было 1 апреля 1961 года. Обогатители были против централизованного цеха, но главный инженер поддержал Гикалова. Зарождается новый цех скромно. В бытовке подстанции №3-110/6 квт. Первыми в цех были приняты Валерий Васильевич Суходолов и Борис Васильевич Лопатин. Это были первые техникирелейщики службы. Четвертым приняли меня.

На первых порах занимались проверкой счетчиков, наладкой защит, испытанием высоковольтных кабелей, производили замер переходного сопротивления заземлений, ездили по подстанциям. Приближалось время пуска комбината.

Из отдела оборудования уходят на производство многие специалисты. Инженер Васильев – в корпус крупного дробления главным механиком, Н.Я.Еремин становится главным инженером корпуса обогащения, а я прошусь на участок КИП ТЭЦ. Работаю до пуска котла №3 и турбины №1 на ТЭЦ.

Но опять как перекати-поле понесло меня по просторам СССР. Побудительной причиной была передача ТЭЦ в систему Свердловэнерго, а также быт: зарплата невелика, дети с дедушкой и бабушкой, а Наталья Владимировна после получения диплома имеет вызов из города Старый Оскол на Лебединский ГОК. К тому времени Мясник С. Л. был уже главным инженером ЛГОКа. И как перелетные птицы люди полетели на новый комбинат. И Наталья Влади-

мировна в том числе. Я остаюсь один, повторив известную пословицу «Баба с возу – кобыле легче». Хотя любовь еще не кончилась...

Оказывается, гонка по городам и весям только-только начинается! Не желая быть в одиночестве, нахожу новый женский идеал в лице Эмилии Александровны Казанцевой. Познакомился я с ней в рейсовом автобусе Нижняя Тура – Качканар. В автобусе было прохладно, и морозный ареол подчеркивал привлекательность ее молодого лица.

В 1965 году моя жена неожиданно приезжает в Качканар и приказывает моему начальнику уволить меня с работы для сохранения семьи. Меня уволили, я сдал квартиру, и мы отправились в путь. Но дорогой успели поссориться. Она улетает с детьми в Старый Оскол, а я поступаю в наладочную организацию Уралэнергоремонт (г. Свердловск, Малышева, 60), и начинаются мои новые командировки: Курган, Соликамск, Боровск, Магнитогорск. Оклад 140 рублей и командировочные. Работа везде интересная, захватывающая. На каждом объекте новые схемы, новые задачи... Я занимаюсь автоматизацией тепловых процессов.

Но моя спокойная жизнь заканчивается с новым приездом Натальи Владимировны в Свердловск. Я снова увольняюсь, и мы уезжаем в город Губкин. Она там получает комнату в общежитии. Я снова в отделе оборудования, она работает товароведом в отделе снабжения. Семья в сборе. С начальством сложились прекрасные отношения. Внешне все замечательно. Наташа внедрилась в коллектив, становится подругой жены начальника отдела кадров Лебединского ГОКа. И у меня масса друзей и знакомых. Мой новый начальник Вадим Георгиевич Молоствов. У нас дружеские отношения. Подходит время сдачи нового дома в городе Старый Оскол. И мы с Наташей получаем трехкомнатную квартиру. Жизнь устроена!

Перекати-поле-10

Жестокий роман

В поисках идеала женщины я нахожусь всю жизнь. И только через годы пришел к выводу: как же прав церковный домострой, провозглашенный в христианских заповедях! Но поздно, слишком поздно осознал я эти простые и мудрые мысли! Жениться мужчина должен только раз, иначе он и его жена будут несчастливы навсегда! Но по молодости, по глупости я этого не осознавал. Но и многие проживают нашу длинную жизнь зря!

Когда умирала моя мама в Свердловске, она повторяла в бреду: «Все зря! Все зря!» Что она имела в виду? Я расшифровал ее слова так: она, родившая четверых детей, особенно печалилась о моей двойной жизни, которая проходила на ее глазах. Покинутые мной дети, мятущийся по стране любимый сын, спившийся старший сын Владимир, младший Михаил под каблуком жены! Дочь Татьяна замужем за пьющим человеком. И в неудачах своих детей мама винила только себя.

А между тем наша жизнь в Старом Осколе принимает новые окраски. По характеру и воспитанию Наташа – истинный интеллигент. Ее отец много лет преподавал в Харбинском политехе, был завкафедрой теплотехники. И она с пеленок воспитывалась в очень культурной среде, и эту культуру пронесла через всю жизнь. Всегда стремилась в высшее общество и знакомилась только с женами руководителей высокого ранга. А я в силу своих комплексов не желал проводить время в этом «бомонде».

Я мечусь по жизни! А узнав, что Эмилия Александровна беременна и скоро родит, рвусь на Урал. И я нашел повод для бегства. Наталья Владимировна завела близкое знакомство с гражданином Болгарии. Конечно, я неистово ревную и увольняюсь с Лебединского ГОКа, на котором я был уже «в доску свой». Теперь мы уже делим детей: Леночка остается с мамой, а мы с Олечкой летим в Свердловск. И мне кажется, что это навсегда! Но не все так просто!

Почему-то я вдруг меняю направление и поступаю в Управление газопровода Бухара-Урал, подальше от людей, поближе к Аральскому морю. Поехать к уже родившемуся сыну побоялся! Работаю на газокомпрессорной станции №13. Назначен начальником службы КИП и А. Работаю под началом инженера Кольцова из города Харькова. Мы дружно работаем, внедряем автоматику и пытаемся вырастить яблоневый сад. Наверно, он уже давно плодоносит. Пишу в своем дневнике: прибыл на ГКС-13 на вечное поселение! Получил коттедж – с двумя верандами, с газовым отоплением и большим подвалом для продуктов. Живи и радуйся! С Кольцовым мы дружим. У него в Харькове рожает жена, а у меня в Невьянске родился сын у любовницы. Ходим на охоту по реке Женешке. Стреляем уток и корсаков (степных лис).

Мой технический начальник Андрей Фомич Ерин каждый месяц вызывает меня с отчетом в Свердловск. Я с удовольствием летаю туда-сюда. Заодно живу в родительском доме и общаюсь с дочкой Олечкой. Здорово! И снова – удар! Узнав о сопернице, Наталья Владимировна в пику ей решает родить третьего ребенка. И добилась

своего: родилась Танечка. Ура! Я – многодетный отец! Догнал своих родителей! Но, к сожалению, дети все по разным городам и весям. Когда же это кончится? Когда мы соберемся все вместе?

В один прекрасный день на КС-13 телефонный звонок.

– Ванюша! – раздался голос Натальи Владимировны, – Я нахожусь на КС-12! (КС-12 находилась на 150 км южнее моей), – Утром буду у тебя. Встречай!

Я в ударе! Кричу, ору в трубку:

- У меня командировка в Свердловск!

Казахстанская буря, сильнейший ветер разговор прерывает. Не дождавшись Наташи, еду по степи до станции Аральское море. Поездом до Актюбинска, дальше Свердловск. Командировку отменить было нельзя! Меня ждет Ерин! Через сутки состоялась встреча с Наташей в квартире моих родителей. И снова наши пути разошлись. Она летит в Старый Оскол, а я – в Качканар. Но снова мы возвратился на КС-13. Ненадолго.

Наталья Владимировна решила: во что бы то ни стало – муж будет рядом! У нее состоялась повторная командировка Орск-Магнитогорск, а заодно и залет ко мне на тринадцатую. И все повторяется! Наталья Владимировна просит начальника уволить меня с работы для сохранения семьи! Кольцов с сожалением и грустью меня увольняет...

Мы с Наташей летим в Старый Оскол. В ГОК на работу меня уже не берут: летун. Принят на Старооскольский цементный завод мастером цеха КИП и А. Старшая дочь Леночка выходит замуж и уезжает жить в деревню с красивым названием Долгая Поляна. Наташа в своем репертуаре. Ее не переделать. Я снова дико ревную и бегу от Великой любви в славный город Качканар.

Наташа выходит замуж за болгарина и увозит Танечку с собой в чужую страну.

В Качканаре я снова поступаю в ГОК, но не в цех КИПиА, а энергетиком на Главный карьер, теперь уже на 33 года. Принимал меня на работу по рекомендации Гикалова сам Михаил Григорьевич Толочко. На моем заявлении он написал: «Принять на работу в последний раз!» Через каждые четыре года меня подмывало уволиться, но удерживало обязательство, данное Гикалову: не подведу. И я прикипел к Качканару, ибо в моей жизни случился новый поворот.

Мы идем в ЗАГС с Эмилией Александровной Казанцевой. Нашему сыну Саше -один год. Начало замечательное. Моя мама с любовью приняла новую невестку. А мой отец с восторгом принял на

руки внука Александра. Вот так бы и начинать надо жизнь – с родительского благословения. Но ошибки молодости не исправить!

Первые семь лет живем в поселке Валериановске. Опять увлекательная работа, новые знакомства. Живем в мире и согласии. Но Эмилия Александровна называет меня только по фамилии – Соболев. Имя свое я никогда не слышал. Но... как есть. Случались и ссоры ... Для себя я решил иметь «запасной аэродром». Покупаю за 250 рублей дом в поселке Верхний Ис, куда мы часто ездим по выходным.

Перекати-поле-11

Немного о поселке Верхний Ис

С Верхним Исом я познакомился в 1960 году, когда первый раз взбежал на южную вершину Качканара. Преодолев четыре километра, оказался у репера Северной вершины с надписью: «Исовской платиновый округ, 1926 год». Северный рог горы меня покорил: на западе простирался водораздел из горных вершин Колпаки, Большие и Малые Басеги, гора Ослянка, а на севере два «снежника»: Конжаковский и Косьвинский камни – отметки -1569м и 1520м.

В поселке знакомлюсь с местным краеведом – машинистом драги Новгородцевым Степаном Симоновичем, и тогда меня осенило:

Поселок Верхний Ис на фоне горы Качканар

надо мне где-то и когда-то остановиться! Не в пример родителям прекратить движение «перекати-поля» по стране. Обосновать отчий дом для себя, для семьи, для потомков!

Для знакомства с домом я привез из Свердловска даже маму, но большого впечатления он на нее не произвел. Она заявила:

– Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

А я уже переименовал Верхний Ис в «страну чудес». И эту надпись сделал на карте. И разве не чудо сохранившиеся 325 га кедровника, который охраняется Всесоюзным обществом охраны природы.

А главное – поселок Верхний Ис входит в «Золотое кольцо» Качканара. Свой участок я зарегистрировал в БТИ города Нижняя Тура (земля – 10 соток и дом). Мои друзья-горнолыжники пошли дальше и за красоту местности назвали мой дом «восстановительным центром». Все мои дети и внуки всегда найдут приют в отчем доме!

Но, к сожалению, почти все они разлетелись по миру. Дочь Таня в Турине (Италия), дочь Лена в деревне Долгая Поляна Белгородской области. Внук Данил в Старом Осколе, внучка Лена пока в Свердловске. Один сын Александр со мной в Качканаре и внучка Маша. Для них на этом участке я посадил 80 деревьев: 30 лиственных и 50 хвойных. Я иногда тешу себя надеждой: а вдруг они соберутся когда-то под крышей отчего дома?!

Перекати-поле-12

Только об отце

Мой отец, основав в Ижевске в 1942 году контору Желдорвзрывпром, проехал по работе полстраны: Верещагино, Молотов (Пермь), Алапаевск – и оставил после себя следы в виде новых железных дорог, вторых ж/д путей, мостов. Заканчивает свой трудовой и жизненный путь в столице Урала – в Свердловске.

Последняя его стройка – железная дорога Азиатская-Чекмень-Качканар. Всего-то 44 километра, но каких! Эта стройка запомнилась особенно. Тяжело достался перегон Азиатская-Чекмень, протяженностью 9 километров. Участок очень грузонапряженный – однопутка горнозаводской железной дороги Нижний Тагил-Азиатская-Чусовая-Пермь. Остановка движения поездов недопустима. Пришлось прокладывать вторые пути на некотором расстоянии от действующих, а, значит, новая выемка и скальный грунт. Проходят такие выемки только взрывным способом. А рядом действующие пути и контактная сеть. Пришлось проходить

выемку в два этапа малыми зарядами. В результате контора моего отца понесла огромные убытки, а он, главный бухгалтер, отвечает за каждую копейку. Но пронесло: не посадили за перерасход средств. Отец гордился своей работой и очень сожалел, что никто из его четверых детей не пошел по его стопам. И даже дочь! На нее он надеялся особенно.

А как скрупулезно относился он к финансовым отчетам! Во времена НЭПа, в 1925 году, возил он отчет в мешке из-под картошки. Такая была огромная куча бумаг! А перед выходом на пенсию его отчет умещался в тоненькой, красиво

оформленной папке с жесткими корочками. Как дипломный проект студента. Надо отметить, что и в лесной промышленности, и на железнодорожном транспорте отчеты возил почему-то в Москву, один раз в год, в январе. Наконец, пришла мода в СССР носить погоны и железнодорожникам. Моего отца аттестовали и присвоили звание инженер-капитан административной службы. Зачли полный курс гимназии и два курса Петербургского университета.

С годами он начал выступать в государственном арбитражном суде по гражданским делам. Выступал от стороны Свердловской железной дороги. Выиграв процесс, в приподнятом настроении возвращался домой и делился с нами своими впечатлениями. С годами он стал терять зрение и, может быть, поэтому зачастил в Михайловскую церковь. Сказалось и дореволюционное воспитание, и изучение закона Божьего в гимназии. И, конечно, влияние предков. Дошло до того, что отца избрали в церковную десятку, где поручили финансовую деятельность церкви. Опять отчеты, но уже перед прихожанами и Богом! Наконец, ему поручили получить в обкоме партии Свердловска разрешения на покупку церковью золотой амальгамы для золочения куполов. Ходил он по обкомам многомного раз! Пока не добился разрешения. Его там воспитывали.

– Зачем это вам нужно, Михаил Иванович? Вы – госслужащий, и при чем тут церковь?

В те годы церковь ежегодно платила в бюджет города 200 тысяч рублей из средств прихожан. Купола церкви сияют и сейчас. К этому благому делу причастен мой отец Михаил Иванович Соболев.

В 1975 году сентябрьским вечером (13 числа) моя дочь Оля подала отцу глазные капли, а утром нашла его лежащим на правом боку с уже посиневшими губами. Отец тихо умер во сне... Похоронил я его на кладбище «Семь ключей». Так закончились его долгое путешествие из Петербурга в Екатеринбург и его земная жизнь. Светлая ему память!

Перекати-поле-13

Качканар. Мои горизонты.

1975 год. Работаю на Главном карьере в должности энергетика экскаваторного участка №2. Мои начальники – Соколов Анатолий Михайлович, Игошин Владимир Дмитриевич, Бабич Валентин Леонидович. Дав клятву верности Качканару, Толочко М.Г. и Гикалову Д.И., никуда не рвусь. Считаю пройденные за годы горизонты – каждый горизонт карьера – 15 метров. А впереди по проекту горнякам и мне надо дойти до нижней отметки +50 метров. Когда я пришел на карьер, то начал работать с горизонта +220. Считаю, хватит ли моей жизни дойти до горизонта +50...Подсчитал – надо работать 12 лет. А мне всего-то 43 года. Вся жизнь впереди! Надеюсь, смогу еще один карьер вырыть! Ура!

Работа энергетика, конечно, не сахар: постоянные ночные вызовы и зимой, и летом. То генератор сгорит, то двигатель, то линию ветром порвет. Но терплю: слово дал. И помню слова М.Г.Толочко: принять на работу в последний раз! Да и зарплату надо носить домой, и алименты на младшую платить! Но вихрь жизни так меня захватил, что нет времени отчаиваться!

К тому же выбрали меня физоргом Главного карьера. Доверили две винтовки-»мелкашки», ящик патронов, комнату с охранной сигнализацией. Вожу на тракторе БКТ (боевой колесный трактор) машинистов в тир. Сдаем нормы ГТО по лыжам, покупаю хоккейные коньки на целую команду и красивые свитера двойной вязки. И, наконец, строю с Володей Спеховым свой первый дельтаплан. Назвали его «Глухарь» под номером К-1 (Качканар-1). Номера на крыльях рисовал наш художник Виктор Митюнин.

До того я занялся общественной работой, что и домой забывал приходить. Но вырываюсь: растет сын Александр, да из Свердловска к нам приезжает жить моя дочка Олечка. Определяю ее в школу

Горизонты карьера

поселка Валериановска. А сын пошел в садик. Жена Миля работает экономистом в АТЦ комбината. Все в моей жизни утряслось! Ни западные, ни восточные ветры уже не выдувают меня из глубины карьера! Но вихри разных направлений я чувствую.

А город Качканар растет и развивается! Вот уже сдан Дворец спорта с плавательным бассейном. Рвусь с сыном плавать, но живем далековато. Решаем менять квартиру. И получилось! Переселяемся в Качканар, новый дом по адресу: 10 микрорайон, дом 3, кв. 30. По этому адресу живу по сей день! Появился мотоцикл «Урал». Поселок Верхний Ис стал ближе. Опять – ура! У меня много «игрушек»: мотоцикл, дельтаплан, горные лыжи. «Умирать нам рановато!»

В 1977 году с молодыми энтузиастами строю первую, но не последнюю горнолыжную трассу, высотой 125 м, длиной 425 м. на Южном склоне горы Качканар. Мои друзья-строители – Апчаев Николай, Сошников Владимир, Гайденко Анатолий и, конечно, Кукарских Евгений. Всех приключений, разочарований мне не перечислить. Но мечта осуществилась! Мы построили две трассы! А третью финансировал наш новый директор Н.Я.Еремин, затратив 300 тыс. советских рублей на подъемники. Прораб Ю.Я.Бородейко, тренер В.Н.Малинин, А.И.Гайденко построили ее. Горнолыжники

назвали ее трассой Юрия Визбора. Но это было только началом. Наш девиз – «Вершина зовет»! И мы мечтали построить еще одну трассу с перепадом высот 510 метров и длиной 2500 метров. Но я, кажется, увлекся... И производство нельзя забывать!

Я рвусь в глубину карьера: хочу работать на первом экскаваторном участке, где на самом нижнем горизонте скапливается вода, где работает станция непрерывной откачки. Мне одних экскаваторов мало, мне нужна насосная. Перехожу на первый экскаваторный, туда, где водоотлив, туда, где интересно! Перевели!

Захожу в насосную. На стене громко хлопнул огромный контактер, пятой величины. Это включился насос. Смотрю на марку двигателя – низковольтный, 380 кв. Сразу решаю перевести насосную на двигатели 6 кв. И получилось! Сегодня все насосы трех карьеров работают от сети 6 кв! Что это дает? Унификацию оборудования.

И экскаваторы, и бурстанки, и насосы, и двигатели насосов работают от одной сети. А как интересно перегонять экскаватор на большое расстояние! Махина в 380 т при твоем участии перемещается с горизонта на горизонт. А эти перегоны происходят и ночью, что не лишено полной романтики. А кругом одни препятствия! То поперечная ЛЭП, то контактная сеть, то переезд... И все это надо преодолеть, не нарушая ТБ.

Перекати-поле -14

Новые горизонты

Наступил 1980 год. Мне 48 лет. Год для меня трагический. В марте на производстве я получаю серьезную травму – перелом левой ноги в трех местах. Загипсован до пояса. Я вышел из строя на полтора года. Но жажда деятельности еще велика! Ко мне приходят дипломирующиеся ребята из Исовского геологоразведочного техникума с просьбой помочь оформить дипломный проект и изготовить чертежи. А я одержим идеей окончания строительства троллейбусной линии города Качканара. Для популяризации данного проекта предлагаю ребятам тему диплома: «Электроснабжение троллейбусного кольца города Качканара».

Первые дипломанты – механик главного карьера Коля Ардашев и парторг ПАТО Гемадеев Эдуард Николаевич. Проекты были защищены на «отлично».

В этом году, 25 июля, в Москве умирает и мой кумир – поэт, бард и композитор Владимир Высоцкий. После прочтения некролога в «Комсомольской правде» решаю увековечить его память. На пачке

от «Беломора» рисую эскиз памятной плиты с текстом «Скала Владимира Высоцкого». Отливку из бронзы впоследствии креплю на Южной вершине. Но работой недоволен, поэтому ищу художника и нахожу его. Им оказался Леонид Михайлович Ушенин. Он сразу загорелся этой идеей. В журнале «Юность» был помещен портрет Высоцкого, по которому и был отлит барельеф из бронзы. Вес его был 100 кг. Понадобились помощники для доставки и крепления барельефа на скале. Это были учащиеся 5 класса школы №4, члены клуба «Бригантина», и, конечно мои друзья – Кукарских Евгений Акимович и Голубев Юрий Федорович. Но это было потом! А все лето над дипломным проектом. По этому проекту Коли Ардашева троллейбусное кольцо длиной 10 км, четыре тяговые подстанции удобно расположились на плане города.

А в сентябре, 16-го, умирает в Свердловске моя мама. Я все еще в гипсе. Ее хоронят сестра Таня и дочка Оля, которая остается одна в родительской квартире.

Ей 21 год. Папа в Качканаре с новой женой, мама с новым мужем в Болгарии, а Оля находит жениха-моряка и выходит замуж.

После выздоровления прохожу реабилитацию. Володя Спехов и Николай Бутц везут меня в поселок Федино полетать на любимом дельтаплане. Стартую на горных лыжах с пологого склона. Три ассистента бережно толкают меня с горы. Крыло дельтаплана держу параллельно склону. Скорость растет. Я плавно отрываюсь от земли. Лечу! Вот и выполаживание горы! Беру ручку на себя и притираю лыжи к заснеженной поверхности. Пролетел 150 м. на высоте

Барельеф В.В. Высоцкого на одной из вершин горы Качканар

5-6 м над землей. Но как это здорово! После полуторагодового нахождения в гипсе я снова здоров, хочу жить, трудиться и летать!

Ребята поздравляют меня с выздоровлением.

В 1981 году началась эпопея создания на горе Качканар аллеи поэтов, на которой в то время для меня существовал только один поэт – Высоцкий. На южной вершине барельеф Высоцкого был, наконец, закреплен. Но тут же возникли новые вопросы: а почему один Высоцкий? И посыпалась масса новых предложений. Предлагали Визбора, Окуджаву и даже Аллу Пугачеву, которая «гремела» в то время. А Валерий Николаевич Галактионов ударился в историю. Он предложил увековечить имя Академика Петра Симона Палласа, который еще в 1770 году изучал гору Качканар и Урал. Любители астрономии предложили создать барельеф под названием «Галактика». А журнал «Техника молодежи» открыл нам «Формулу счастья». Аллея поэтов оформлялась почти десять лет.

Перекати-поле-15

Теперь о вечном

И опять я ушел от темы «Перекати-поле». Прочитал написанное и задумался. Оказывается, писать о личном очень и очень трудно, а заглавие моей повести обязывает меня раскрыть тему путешествия из Петербурга в Екатеринбург. Не раскрыл я родословной по материнской линии, мало рассказал о своей любимой бабушке Агриппине Ивановне Соболевой-Кононовой. Она и только она кормила, нянчила, обшивала и дарила перед сном свои рассказы и сказки. Не осветил я жизнь своего старшего брата Владимира, которого похоронил я в Казахстане, на южной оконечности озера Балхаш, вблизи станции Чиганак. Не рассказал я о жизни своего младшего брата Михаила, которого похоронил в Свердловске на Восточном кладбище Бархотка.

Рассказ моей бабушки. Родилась я в Петербурге, на Охте. Росла, где-то училась. Выдали замуж за богатого мещанина, владельца доходных домов – Кононова. И, конечно, стала Кононовой после венчания. Мой муж хорошо и модно меня одевал, но из-за жадности выдавал на месяц только три рубля. После свадьбы, правда, купил говорящего попугая, который читал несколько молитв. Но наша прислуга, глубоко верующая, отравила моего попугая, добавив в сухарики молотых иголок. Она считала его просто дьяволом. Однажды меня на Невском загипнотизировала цыганка – бросила мне под ноги золотую монету, а затеи в моем бессознательном состоянии лишила

меня всех украшений. Вернее, под гипнозом я сама отдала все, что у меня было.

Общалась я с чухонцами, жившими на Охте, о них и сам Пушкин писал. Мы их звали просто чухной. Произошла революция 17-го года, и мой муж, не желая сменить бумажные деньги на золото, стал сразу нищим. Хотя знакомые предупреждали: деньги обесценятся!

Но он твердо верил до своей кончины в устойчивость государственной системы России. Умер он в 1918 году, а я осталась нищей. Пришлось мне искать пропитания на стороне – у немцев-колонистов на острове Валаам. На Валаам меня перевезли на лодке, которую чуть-чуть не утопил огромный морж. Но Бог спас меня в этом путешествии.

Бабушка читала мне тексты из Библии о Всемирном потопе, а я засыпал у нее на руках в страхе, видя огромные волны, тонущих людей и зверей. Ее рассказы, конечно, давали мне пищу для размышлений, но советское воспитание победило.

Я ровно дышу ко всем религиям. И, как пел мой кумир Владимир Высоцкий, -

Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса. Кто не во что не верит, даже в черта, назло всем. Хорошую религию придумали индусы... и т. д.

В отличие от бабушкиных сказок и библейских легенд, Советская школа велела мне верить только в науку. Наука чего-то достигла, а религия живет только догмами. Как сказал умный немец Кант, «мир вечен и бесконечен, а, значит, он непознаваем»»...

Пора, наверно, пора подвести итог моей непутевой жизни. Мне уже 84 года!

По генетическому коду я должен был уже умереть, но что-то остановило мою запрограммированную смерть. Мой отец скончался в 75, мама в 80. А я? Что-то держит меня на этой планете Земля. Перебираю в памяти критические моменты. Вспомнил!

22 июня 2002 года, в 13.30, в «Микрохирургии глаза» скончалась моя жена Казанцева-Соболева Эмилия Александровна. Перенесла глазную операцию, а скончалась от инфаркта. А я продолжаю работать в ГОКе. Но живу после ее смерти, как в тумане. И в одну из смен я, нарушая все правила техники безопасности, поднимаюсь на верхний горизонт не по лестнице, а по насыпи. И вдруг вижу перед собой медленно катящийся негабарит – огромный, с мой рост, камень. Он довольно плавно придавливает мне левую ногу, а своим острым углом тоже плавно ударяет мне в грудь в область сердца.

Я в западне. Мой инструмент и тестер улетели вниз. Кругом – никого! Из последних сил правой рукой отгребаю мелкую породу, довольно долго. И мне удалось освободить ногу.

Наверно, меня позвала к себе жена...

Два года после ее смерти я жил по инерции, а прожили мы с ней ровно 30 лет и три года. Это много!

Второй сигнал из потустороннего мира я получил, когда со мной произошел следующий, как я его впоследствии назвал, счастливый случай.

Мое сердце было запущено в работу в организме моей мамы в далеком 1931 году. На свет я появился в прошлом веке – в 1932 году, 1 июня. И до сих пор сердце работает неплохо. И почему? По тому же генетическому коду моторесурс моего сердца должен закончиться. Но почему оно еще работает? Над этим вопросом размышляя, я пришел к выводу: мое сердце получило новый импульс от искусственного дефибриллятора, который совершенно случайно я применил на работе. Расскажу, как это произошло.

В 1992 году, как-то в одну из ночных смен, горный диспетчер вызвал меня на отвал №1 КГОКа. Причина вызова: от порывов сильного ветра периодически происходило замыкание фазных проводов ЛЭП-6. Время вызова: 2.30 ночи. Ураганный ветер, сильный мороз. С фонариком провожу осмотр линии. Останавливаюсь у предполагаемого ослабленного спуска. Принимаю решение: отключить линию, заземлить, произвести перетяжку проводов. Расстояние между опорами около 50 метров. В нарушение всяких правил кричу своему помощнику:

- Отключить линию!
- Заземлить линию!

Без лестницы лезу на переключательный пункт, левой рукой хватаюсь за ослабший провод – и откидываюсь назад, теряя сознание под воздействием емкостного тока. Через мое сердце проходит разряд емкостного тока! Прошедший через меня ток, как дефибриллятор, во второй раз в жизни запустил мое сердце. По чистой случайности сила тока не превышала 0,1 ампера и плавно снижалась по экспоненте, по принципу разряда обыкновенного конденсатора. Этот целебный удар током и дал мне новый временный шанс на долгую и счастливую жизнь!

За длительностью происшедшего судебное разбирательство не состоится никогда!

Перекати-поле -16

Возвращение

Вот и пролетело целых 35 лет без моей первой любви – Натальи Владимировны Белобродской-Соболевой! Как ранее я писал, мы расстались в городе Старый Оскол Белгородской области. Она вышла замуж за болгарского строителя, в прошлом – моряка, и он увез ее в болгарское селение Волчий Дол, недалеко от Варны. С собой она забрала нашу дочку Танечку. Лена вышла замуж и уехала в деревню. А Оля путешествовала со мной от Свердловска до Качканара и обратно. А у меня в Качканаре – сын Александр. Ему – все внимание.

Итак, пробежало 35 лет. Но спокойно я не жил ни одной минуты. Да и связующее звено между СССР и Болгарией существовало в лице трех дочерей: Лены, Оли и Тани. Изредка через границу ко мне доходят вести о новой жизни Наташи и дочери Тани. И однажды через 14 лет в гости ко мне прилетает моя младшая дочь Танечка. С мамой они добрались до Москвы, а далее в Свердловск Таня прилетела одна. Мама отправила ее знакомиться с отцом. Увидела! И, наверно, разочаровалась. Ее папа невысокого роста и алиментщик. Посмотрела она своими молодыми глазами на качканарское небо, южная часть которого была темная-темная, и произнесла вслух:

– Да! Правильно мама мне говорила: твой папа на добровольной каторге!

Она согласна. Это я пишу для внуков и правнуков. А сам после 50-летней жизни в Качканаре называю его городом своей мечты! Вот так рассуждают по-разному отцы и дети.

После кончины Эмилии Александровны 22 июня 2002 года я получаю письма-соболезнования из Болгарии и Старого Оскола. А вскоре узнаю и о кончине мужа Натальи Владимировны в Болгарии. Проходит два года, и я делаю вызов Наташе на переезд в Россию. Она согласна, но не так просто пересечь границу двух государств. Без вмешательства советского посла в Болгарии не обошлось. Но вот разрешение было получено, и я встречаю ее в Москве в аэропорту Шереметьево чартерным рейсом Варна-Москва. А где же Танечка? К тому времени она нашла себе жениха-итальянца и укатила в Италию, в город Турин.

Багаж Наташи состоял из узла весом 30 кг. Большего болгары взять с собой не разрешили! И дом, и имущество, и виноградник достался родственникам мужа. Наташа быстро адаптируется к новой жизни в Качканаре со старым и любимым мужем. За эти годы

она не разучилась дружить. В Качканаре она встретилась со своими подругами! Теперь мы уже вместе умудряемся навестить нашу дочку Леночку в Долгой Поляне. Дочка Оля, к сожалению, ушла из жизни, не дождавшись возвращения мамы.

А в Старом Осколе и Долгой Поляне все хорошо. В нашей квартире уже живет внучка Алена с правнуками.

А мы с Наташей теперь ходим в библиотеку Дворца культуры к Тамаре Викторовне Вертилецкой. А между тем наша жизнь идет к закату. Наташа часто болеет, у нее «скачет» давление. И вот, находясь на профилактике в отделении неврологии 14 октября 2011 года, в 12.30, она умирает. Диагноз: острый геморрагический панкреонекроз. Ей было 77 лет. Я опять один!

Перекати-поле-17

Ностальгия по ушедшим.

Наталья Владимировна вернулась из солнечной Болгарии, чтобы умереть только в России. Подчеркиваю: не в Китае, где она ро-

дилась в 1934 году. А только в России. Слушая ее воспоминания о детстве, я уяснил, что русские в Китае – это особый высоко патриотичный народ. Русских харбинцев отличает особая патриотичность. Они страдали, живя в чужом государстве. Напомню молодым читателям, внукам и правнукам причину появления русских в Китае. А их в Китае к 1945 году было 1,5 млн. человек!

Первой волной прибыли русские специалисты-железнодорожники еще при царе Николае Втором для строительства КВЖД от станции Отпор

(Россия) до Порт-Артура. Эту тему строительства КВЖД прочтете сами, если это вас заинтересует. И в центре Северного Китая, в Маньчжурии русские инженеры, техники и рабочие построили русский город Харбин. Наташа перед смертью успела «исповедоваться», опубликовав в альманахе»Качканарские грани» статьюоткровение «Мой папа – белый офицер».

Второй волной эмиграции русских патриотов была гражданская война. Во второй волне был ее отец Белобродский Владимир Александрович. Об отце Натальи Владимировны много написано в журналах: «Харбинцы», «Русские в Китае». Эти издания печатались в Екатеринбурге. Наташа при жизни регулярно получала их. По ее рассказам я понял, что все русские после 1945 года хотели вернуться в Россию. Но многие побоялись репрессий. Напомню! Великий кормчий Мао в 1945 году сказал: «Китай – для китайцев!» И ООН вынуждена была принять решение и дать возможность русским эмигрировать в любую страну мира. Выделила квоты для расселения русских. И... поехали, полетели, поплыли русские люди в Канаду, Бразилию, Аргентину, Австралию и, конечно, в СССР. Наташа выбрала СССР. Если вас заинтересовала эта глава моей повести, обратитесь к истории Китая. К истории КВЖД. К истории города Харбина.

Под впечатлением ее рассказов я хотел бы написать историческую повесть о маленькой девочке, живущей в чужой стране. За свою короткую жизнь пережить империю Пуи, власть Гоминдана, власть Чан-Кай-Ши, господство японских оккупантов, власть коммунистов Китая и быть в конце концов репатрианткой в СССР и умереть в капиталистической России. «От китайского императора (этот мальчик правил Китаем в 3-4 года) до коммуниста Хрущева – «так бы называлась моя повесть или «от Пуи до Путина» Но это будет потом, если еще поживу. А пока пишу «Перекати-поле» и вспоминаю о своих близких, уже ушедших.

Боль моя – дочь Оля. «Гонка за дипломами» не дала в полной мере заниматься ее воспитанием. Часто жила с бабушкой, дедушкой. Наши разводы и разъезды, отъезд мамы в Болгарию заставили девочку в 9 лет много думать, задавать серьезные вопросы. К примеру: «А что такое независимость?» и т.д. Без родителей Олечка выросла, вышла замуж, но во время горбачевских реформ, в связи с неустроенностью жизни, пьянством мужа, она не выдержала и добровольно ушла из жизни в новогоднюю ночь. Было ей 37 лет.

Младший брат Михаил... Начал жизнь вроде бы удачно. Школа, институт железнодорожного транспорта города Свердловска. Направление в город Нижнеудинск, в Сибирь. Интересная работа. Казалось, все при нем. Но жена увозит его в Свердловск, к ее маме. Мама ближе, чем муж. Результат – лишен интересной работы и неустроенность в жизни...Инфаркт в 50 лет.

Старший брат Владимир... Закончил свою жизнь в Казахстане, на южной оконечности озера Балхаш, на железнодорожной стан-

ции Чиганак. Судьба его трагична. В 1944 году он ушел в Армию, семь с половиной лет охранял западные границы, образование не получил. Работал то машинистом паровоза, то шофером. Водил поезда от Свердловска до станции Шаля. Круг интересов узок: гитара и водка. Уехал в Казахстан и в 1984 году во время выборов был ограблен и убит киргизами.

Перекати-поле-18

Ностальгия по СССР

Время неумолимо. Вот скоро-скоро последние граждане СССР уйдут в мир иной. Сгорят старые письма, фотографии. Внуки и правнуки забудут нас. Забыта война с Наполеоном, при жизни наших детей постепенно забывается и вторая мировая. Оставшееся время моей бесславной жизни пытаюсь осознать: есть ли преемственность поколений? Прихожу к выводу: нет, нет и нет! Все прошлое подвержено критике и отрицанию.

Особенно мне больно видеть снесение памятников. А памятник Ф.Э. Дзержинскому – мой любимый! В архивах вы увидите, как варварски валили на Лубянской площади знаменитого Феликса! Но и коммунисты потрудились в этом плане, убрав памятники многим царям и великим деятелям. А на кого покусились новые культуристы от воинствующего ислама? Они уже рушат культуру тысячелетий! И это происходит в XX1 веке н. э.! Позор, позор человечества.

Теперь о СССР. Идеалы строителей нового мира были прекрасны! И даже созвучны идеалам христиан! Сравните десять заповедей Христа и моральный кодекс строителя коммунизма! Строка в строку! Но сказано другими словами. Мои ощущения эпохи социализма однозначны. Я гордо заявляю и объявляю себя срезом эпохи социализма! Как срез, спил дерева. Прожил я все сталинские и брежневские пятилетки. И плавно-плавно, без потуг бесплатно учился в школе, окончил техникум с выплатой мне стипендии, без всяких проблем окончил горный институт. Распределили меня на работу с предоставлением однокомнатной квартиры – бесплатно! Что еще надо!? А в каком государстве я жил -1/6 всей суши! Границы – на замке! Планов – громадье! Стройки, стройки, стройки! Государство, устремленное в будущее! И моя страна – СССР, имела в мире вес! Будучи четыре года в Армии за двумя границами, я ходил по Германии, по Литве с гордо поднятой головой! Я чувствовал себя представителем великой страны СССР!

Прошли годы – и в мире снова неспокойно. Политики придумали теорию периодических кризисов в экономике, придумали новое общество потребителей. Не производителей, как в СССР, где каждый человек имел право на труд, отдых и образование, а потребителей! Беседуя с молодежью, я обнаружил, что идеалы социализма размыты. Идеал современного школьника – не рабочий, а менеджер, банкир, экономист, юрист. А ребенок уже в десять лет (я знаю такого мальчика), считает: главное в жизни – власть и деньги!

Наверно, каются за развал СССР некоторые господа, за содеянное ими в Беловежской пуще... Потеряли полстраны, развалили глубинную оборону, развели наркоманию, понизили статус государства до «плинтуса».

Часто вспоминаю советское время. Наверно, мои внуки не поверят, что я за 57 рублей получил путевку в профкоме и 18 суток провел на горнолыжной базе Чегет. А получал я в то время 180 рублей. Инструктор из Белорецка, по фамилии Силин, поднимал нас на подъемнике бесплатно до высоты 3000 метров. А путевки по местным достопримечательностям были типичным явлением.

В стране существовало добровольное спортивное общество содействия Армии, Авиации и Флоту – ДОСААФ. Я хорошо помню, как в районе Уктуса кружили планеры, как в Нижнем Тагиле над Гальянкой летали самолеты, а у нас в Качканаре под руководством Анатолия Ивановича Дроздова начиналось движение современных марафонцев. Об этом человеке несколько строк. Окончив институт имени Лесгафта, Анатолий Иванович приехал в Качканар и стал развивать легкую атлетику на стадионе «Горняк». После работы и в выходные дни он совершал пробежки до Южной вершины горы Качканар. А его любимая дистанция: Качканар – плотина Верхневыйского пруда – поселок Утянка и обратно. Этот участок я обозначил на карте как тропа Дроздова. Теперь, при капитализме, этот участок ни пешему, ни конному недоступен.

Недавно я был в городе Чайковский Пермского края. И, конечно, посетил плотину Воткинской ГЭС. Это стройка эпохи социализма. Осмотрел камеры шлюзов. И обратил внимание, что за многие часы моей прогулки не прошлюзовалось ни одно судно! Почему? А лет 20 назад грузовые и пассажирские суда стояли в очереди перед шлюзованием. Существовала когда-то в СССР технологическая транспортная цепочка. От порта Березники на реке Кама – шлюзы Чайковского – река Волга – Онежское озеро – порт Медвежьегорск. Туда и обратно сухогрузы шли не порожняком, а совершали полезную работу. На север везли калийные удобрения, соль, оттуда – апатиты. А сейчас... Через шлюзы Чайковского идут только

туристические теплоходы. Быстроходные «метеоры» и «ракеты», очень популярные в свое время, исчезли совсем! Что случилось со страной?! Стоя на плотине ГЭС, я ощутил, как обескровлена страна. Перестала течь кровь по венам и артериям моей страны! А в моем Качканаре за короткое время исчез целый радиозавод, улетел куда-то птичник с бройлерами, а в помещении кинотеатра «Юность» – сетевой магазин!

Где ударные стройки, колхозы и совхозы? Где бесплатное образование и медицина? Где прекрасные идеалы социализма?

Перекати-поле-19

Путешествие на Дальний Восток

Не знаю почему, но Дальний Восток всегда меня манил к себе. Наверно, в детстве я начитался о пограничнике Карацупе, который задерживал японских диверсантов. Захватили меня и путешествия Арсеньева по Приморью. И, конечно, рассказы моейжены Наташи про жизнь в Китае (г. Харбин), аподспуднои розаветров по СССР, юго-западный ветер – преобладающий на Урале. Ранее я описал причины моих резких поворотов на Запад, но, как оказалось, ненадолго. Страну Германию я не полюбил. Мне даже запах той страны неприятен. Литва просто враждебна для меня. В Белгородском черноземе «перекати-поле» не проросло, хотя семена были брошены. А вот Восток тянул и тянет сейчас. Но, по порядку.

В один не прекрасный день работы на Лебединском ГОКе я приревновал свою любимую Наташу к болгарам, приехавшим в СССР на заработки. Небольшая ссора, и я уже уволился. Сижу в аэропорту Москвы, размышляя, куда лететь. А лететь решил подальше-подальше, чтобы не было возможности возврата. Знакомлюсь с молодым летчиком-лейтенантом. Доверительно обрисовал картину своей жизни. Рассказал о планах покорения мной Дальнего Востока. Услышал в доверительной беседе:

– Жми до Хабаровска. Зайди в отдел кадров рядом с магазином «Дары природы» и просись на работу в Петропавловск-Камчатский. Там ты поступишь вольнонаемным в воинскую часть на хорошую зарплату.

Сказано – сделано! Лечу в Хабаровск на последние деньги. Прилетел, зашел по адресу и написал заявление. Начальник отдела кадров проверил мой паспорт, институтский диплом и откровенно сказал:

– А вдруг ты корейский шпион? Мы тебя должны в течение месяца проверить.

Заполни анкету.

Заполняю. Анкета настолько подробная, что описал я даже дедушек и бабушек.

– Теперь, – заявил товарищ подполковник, – устройся на работу где-нибудь в Хабаровске, а через месяц приходи.

Но! Как всегда, это но! Денег – ни гроша, жилья, конечно, тоже нет. Ночую на железнодорожном вокзале, а днем ищу работу. Пытаюсь получить работу через оргнабор. Берут меня в ЖКО железнодорожного района. Но ЖКО меня, естественно, не привлекает. Там не было и нет романтики! В отчаянии иду в «Хабаровэнерго». И – о, радость! Берут в систему «Дальэнергоремонт» мастером цеха КИП и А. Работа связана с командировками по Приморью, включая остров Сахалин. Вот это да! И туманы мои, и моря, и горы, и запахи тайги! В управлении «Хабаровэнерго» меня экзаменуют три инженера: турбинист, котельщик и инженер по ТБ. Этот экзамен запомнился мне на всю жизнь! Перекрестные вопросы задавались с утра до часу дня! Наконец, резюме: «Ты принят!»

Из Хабаровска звонок в город Артем. Там контора «Дальэнергоремонт». На последние копейки беру билет до станции Товайза, забираюсь в вагон на третью полку, чтобы никого не видеть. Утром выхожу из вагона... Красота! Небольшие горы, покрытые дубняком и орешником. Вдали видны трубы и градирни Артемгрэс. «Дальэнергоремонт» встретил меня очень хорошо. Кадровики и технический персонал вежливы и приветливы. Мне понравились все-все дальневосточники. Оформился на работу за полдня. Снова сдаю экзамен. Получаю группу допуска в электроустановках, командировочные и билет на самолет. Лечу в Комсомольск-на-Амуре. Там пускают котел высокого давления и турбину 50 мгвт. Срок пуска – через 30 суток. А еще много надо сделать и наладить!

Первая моя работа – запуск регулятора питания котла химочищенной водой. Со мной работают два электрослесаря – Вася Пивень и Коля Ващенко. Оба алиментщики, кочующие по Приморью. Работа оказалась для меня знакомой, но аппаратура новой. Разобрались за 30 суток и сдали в срок регулятор питания. Задержка была только с созданием пологой характеристики стального клапана. Договор заказчик подписал. Процентовки отправлены в Артем. Прощаюсь со станцией ТЭЦ-2 города Комсомольска-на-Амуре. Летим самолетом АН-26 на перекомандировку. И еще много-много командировок по Приморью. На Сахалин меня не взяли: там высо-

кий коэффициент к зарплате, поэтому желающих много! На Камчатке 70 процентов, в порту Певек – все 100, а мне «светит» только 15 проценторв по Приморью. Но делать нечего – терплю!

Последняя моя командировка особенно запомнилась! Лечу в знаменитый Спасск-Дальний восстанавливать машинный зал с двумя турбогенераторами малой мощности. Всего-то по 6 мгвт. Опишу эту незабываемую командировку. Итак, под нами город Арсеньев, сплошная тайга, маленькие поселки и вот – Спасск-Дальний. Мои друзья по несчастью – Вася и Коля – со мной. Коля в прошлом старший электромеханик с большого рыболовецкого траулера. Списан на берег. Вася – специалист по КИП и А и отличный электрослесарь, сбежал от жены. Но по порядку...

Машинный зал станции не работал ровно девять лет, стоял в консервации. В то время в СССР была мания гигантизма, и по какому-то мне неизвестному приказу все мелкие электростанции были остановлены, как нерентабельные. Приморье обеспечивала высоковольтная линия от Хабаровска до Владивостока, а всякая там мелочевка, как станция Спасск-Дальний, была остановлена по приказу и в режиме котельной среднего давления в 44 атмосферы. Но шло время. Очевидно, «зашевелился» в то время великий Китай, и из Москвы пришел приказ: восстановить в Приморье все мелкие станции. Все становилось на свои места! Паровые турбины переконструированы на новый режим работы с промотбором пара. Для читателя: энергия пара срабатывается не до 0, а до 7 атм. И этот мятый пар подаем на завод асбошиферных изделий. Эта схема экономична, а главное – паровая турбина вращает генератор, выдавая электроэнергию и мятый пар. И тут передо мной встал вопрос: в каком режиме эти самые турбины будут работать? Автономно или на систему «Дальэнерго»? Бегу к главному инженеру с вопросом. Ответ меня ошарашил: «Обращайся к своему начальству».

А начальство мое далеко, и связь плохая. Решаю на свой страх и риск смонтировать схему в двух вариантах: 1 – турбогенератор работает автономно; 2 – работа на сети с бесконечно большой мощностью, которой является ЛЭП от Хабаровска до Владивостока. Снова сажусь за учебники. Помог мне учебник авторов Баптиданова и Тарасова «Электрические станции и подстанции». Из этого учебника я получил все ответы на мои вопросы. В пяти экземплярах написал отчет с приложением схем. Подписал процентовки, получил оценку за работу – 5. Отправил отчет в свою контору. Но к тому времени стены машинного зала не были покрыты специальной плиткой, не готова была и вторая турбина, а моя командировка на этом этапе

закончилась. Через много лет я поинтересовался: в каком же режиме работает моя любимая электростанция-малютка? Интернет ответил мне: теперь эта станция называется 000 «Тепловые сети Спасска-Дальнего». А как хочется сегодня посмотреть на машинный зал, отделанный плиткой, но лететь далековато! А «перекатиполе», т. е. меня, так и манит аэропорт Спасска, озеро Ханка, Камень Рыболов и, конечно, попить чайку с главным инженером станции.

Перекати-поле-20

Снова перечитал написанное мной и все откровения – и делаю себе замечание. В своем послании потомкам я не осветил и тысячной доли задуманного. Писать о себе, оказывается, очень трудно. Самоцензура не дает высказаться! В этой главе восполняю пробелы...

Мой дед – Иван Михайлович Соболев.

Портрет моего деда я воспроизвожу по рассказам моего отца -Михаила Ивановича Соболева, по фото из семейного альбома, который я изучал еще в военной Рязани, а потом, уже в 1945 году, – в Свердловске. Но, как я уже ранее писал, наша семейная ценность - фотоальбомы - утонули весной при затоплении нашей квартиры в г. Свердловске, по улице Андре Марти, 12. И еще помню: у отца сохранился послужной список моего деда... Оказывается, мой дед до революции 1917 года служил чиновником Государственного банка России и много лет сопровождал банковские документы и деньги по маршруту Петербург-Хельсинки и обратно. Мне кажется, не каждому Банк России мог доверить денежные документы и письма. В царской России у чиновников были разряды по их квалификации. Кажется, их было 14 в табели о рангах. Помните байку, как наш великий поэт А.С.Пушкин после лицея короткое время служил в департаменте министерства иностранных дел. Служба его очень тяготила, и однажды молодой Пушкин, скучая на работе, писал много раз одно и то же: «О, ты, Великий император, а я - коллежский регистратор»...

Повторил он эту фразу несколько раз. А в это время сам император России обходил важный департамент России, случайно заглянул в текст Пушкина и начертал такую резолюцию: «Да будет сия тварь – коллежский секретарь». Так Александр Сергеевич получил 2-й разряд по табели о рангах. Мне отец не рассказал, а я не запомнил – по какому рангу получал жалованье мой дед. Но смутно помню, что его табельный номер не дотянул до получения

дворянского титула всего два или три ранга. Наверно, не хватило протекций и нужных связей. Как всегда это было в России и мире. А жалованье чиновника Госбанка у деда, возможно, было 2 тысячи 200 рублей в год. Эта цифра, помнится мне, была указана в его послужном списке.

Спешу разочаровать своих читателей и потомков, что зарплаты чиновника хватало только на оплату 4-комнатной квартиры, питание, оплату учебы двух сыновей и дочери плюс содержание прислуги. И, как рассказывал отец, вопрос покупки той или иной игрушки обсуждался на семейном совете: покупать или повременить. Так, паровозик моему дяде Ивану Ивановичу Соболеву купили через два года разговоров в день рождения, когда он окончил начальный курс гимназии города Петербурга. Таким образом, чиновники жили в основном скромно и не шиковали. Невольно вспомнилась повесть Н. В. Гоголя «Шинель», в котором главный герой носил свою шинель много-много лет, не имея возможности купить новую.

Каким образом мой дед оказался работником Госбанка России, можно только догадываться. Наверно, это была протекция его знаменитого дяди Ивана Антоновича Соболева – настоятеля Исаакиевского собора.

Теперь дополнения **о старшем брате – Владимире**, 1926 года рождения. Родился он на станции Нея Северной железной дороги. Окончив 7 классов, поступил в строительный техникум города Рязани. Но грянула война – и вместо учебы брат мой два года точит мины и снаряды на револьверном станке, просится на фронт, но попадает в город Переяславль-Залесский, откуда, окончив школу механиков по авиавооружению, отправляется на Белорусский фронт. А там он подвешивает бомбы на самолеты Як-3 и Як-9, провожая их в бой. Окончил он войну где-то под Калининградом (Кенигсбергом) и даже получил медаль за взятие города. Встретился я с братом только в мае 1951 года. И очень скоро заменил его на западной границе СССР – уже в сентябре того же года.

А потом на гражданке – паровоз, автомобиль, буровой станок, и закончил он свой трудовой и жизненный путь на станции Чиганак (Казахстан). На южной оконечности озера Балхаш.

О сестре Татьяне.

О ней хочется рассказать больше, чем о Володе. Пока я служил четыре года в армии, Таня заканчивает техникум железнодорожного транспорта и носит погоны техника-лейтенанта. Работает моя сестренка, не в пример мне, на одном месте всю свою жизнь

– в Свердловском институте «Уралгипротранспроект». Работает по изысканию новых железных дорог по Уралу и Сибири. И, в частности, в городе Урае, в Миассе Челябинской области и, конечно, на речке Бирюсе. В то время проектировалась Богучанская ГЭС. По моей просьбе она написала рассказ «Жизнь на Бирюсе».

Рассказ Тани

Давно это было, когда в научном мире шли споры о целесообразности строительства Богучанской ГЭС. Получила я командировку в деревню Ярки на знаменитой Ангаре. Летела самолетом АН-2 из Красноярска. Поселилась в доме на берегу Ангары. Красота невообразимая! Местные жители привыкли к ней – уже не замечают. Жизнь моей хозяюшки была похожа на жизнь Агафьи Лыковой. Мужиков в доме не было, и сама хозяйка каждый день ставила «морды» на реке, а назавтра снова плыла на лодке собирать рыбу. Жарила она рыбу с яйцами, и вкус этой жарехи помню до сих пор.

Попутно Танечка окончила заочно Московский институт железнодорожного транспорта. Это было непросто – совмещать такую работу и учебу. Я горжусь ее подвигом! Теперь она стала настоящим инженером в своем институте и дослужилась до руководителя группы проектирования. А мне даже удалось потаскать рейку и теодолит, познав романтику инженера-изыскателя. Лето – работа в поле, зима – камеральные работы в отделе. Это как смена декораций в театре.

Наш отец, Соболев Михаил Иванович, очень гордился при жизни, как аттестовали его дочь. Очень шла ей шинель с погонами! А я через четыре года службы с тремя лычками на погонах я приехал в Свердловск. Сестра меня обошла в званиях. А, главное, она на всю жизнь проросла в родном институте» Уралгипротранспроект». Я же имею две трудовые книжки и 45 записей в них. Ну, не «перекатили-поле?»

Коротко о младшем брате.

Жизнь его оборвалась в 50 лет. Своего брата я называю романтиком леса и вообще природы, которую очень любил. Часто он ездил в лес до станции Таватуй и до станции Мурзинка. Всегда один. Вдали от железной дороги у него были свои любимые места. Если он шел за грибами, брал только рыжики, остальные грибы почемуто не замечал. Еще в школе он увлекся поэзией Маяковского и в армии с упоением читал только его. За это его сослуживцы изрядно избили, а попал он случайно в стройбат в город Верхняя Салда. И его стройбатовцы, очевидно, не доросли до понимания этого поэта. А я с братом солидарен и наизусть давно выучил любимое сти-

хотворение «Бродвей» и много других. Для нас Маяковский – величайший поэт революционной эпохи. Мой брат воплотил в жизнь мою мечту – получил права машиниста электровоза, очно окончил Свердловский институт железнодорожного транспорта. После института работал в городе Нижнеудинске, в крупном электродепо. Но в городе этом его семена не проросли. Ничего не поделаешь: мягкий характер романтика ...

По требованию жены он вернулся в Свердловск, где не нашел себя в новой жизни. Скончался от инфаркта в 50 лет. Похоронил я его во Втузгородке, на кладбище «Бархотка».

Коротко о близких я написал, а теперь о вечном...

Перекати-поле-21

Не уверен, что меня поймут дети, внуки и читатели. Они – мои литературные критики. Пишу и думаю о судьбах людских. При социализме мне внушали: «Твоя судьба – в твоих руках»! Так ли это? Очень и очень спорно. На примере жизни моей семьи вижу: судьбы людские, судьбы народных масс от желаний зависят мало. Только великие умы и личности влияют на историю стран и народов! Но таких из семи миллиардов населения Земного шара очень и очень мало. Для внуков перечислю некоторых: вот ученый мужик с Севера Михаил Ломоносов, вот мои современники: хирург от бога Николай Амосов, доктор создатель центра микрохирургии

глаза Святослав Федоров, академик Курчатов, академик Келдыш и, конечно, знаменитый врач-ортопед Илизаров. Этих великих люди будут помнить всегда.

Когда-то в молодости я увлекся градацией состоявшихся инженеров. Все они – разные. К состоявшимся инженерам я отнес и двух своих товарищей, выпускников УПИ. Это Николай Александрович Апчаев и Геннадий Георгиевич Шеломенцев. Николай Александрович добился больших успехов в технологии сварочного производства, а Геннадий Георгиевич проявил себя как энергетик высокого класса. Опять я ушел от темы.

Вот мой отец оказался на Урале и умер в Свердловске... Коренной житель Петербурга, студент университета, возможно, будущий ученый-биолог... Но ветер революции гонит моего отца из Петербурга, как пушинку, через всю страну на восток. И миллионы таких же «пушинок « попали в водоворот истории. А как мы продвинулись в пространстве моей страны – СССР и России во времени? Почти по теории Эйнштейна!

Мои родители появились на свет на заре XX века, а я и мои дети и внуки «ворвались» уже в XX1 век! Сто лет истории... Как это мало! Для планеты Земля, истории России и всего мира! Статистика утверждает: человечество развилось, поумнело. Особенно это видно на поведении наших детей и внуков. Прямо какие-то вундеркинды! Не зная физики, они владеют компьютерами лучше взрослых! Дожили до того, что цыплята курицу учат! А каких высот достигла техника: проникли в атомное ядро, создали летающие тарелки, преодолели земное притяжение!

Совсем недавно, еще при жизни великого Пушкина, в Петербурге ездили на каретах и конках! А в деревенской глуши пахали сохой! Напомню строки из технической поэмы:

А Пушкин жил в туманной дали, Притом, назад сто с лишним лет... Тогда по небу не летали, Тогда хватало и карет!

Пожалуй, пора закончить мое повествование: «еще одно последнее сказанье – и летопись окончена моя»... А продолжение этой летописи – это ваше дело, дорогие мои потомки. Радуйтесь пока мирной жизни, стройте жизненные планы, мечтайте, не тащите капитал за кордон, а крепите мощь государства. Чтобы оно стало таким же сильным, как Союз Советских Социалистических республик, мой СССР!

Клавдия РУБЛЁВА

Родилась в деревне Юрты Новолялинского района Свердловской области в рабочей семье. Среднюю школу окончила в посёлке Старая Ляля. В ГПТУ города Карпинска выучилась на машиниста кранов. Работала на машиностроительном заводе в Карпинске, на заводе ЖБИ в городе Реж Свердловской области. Вышла замуж и уехала в Красноярский край. Затем жила и работала в Астраханской области.

В Качканаре с 1969 года. Много лет отдала обогатительной фабрике Качканарского ГОКа. Любит книги, рукоделие, животных и тихую грибную охоту.

Поэтический сборник К.Рублевой называется «Бабье лето». Ее стихи публиковались также в коллективных сборниках «Расцветай, Качканар!», «Благовещение»,

«Качканарская осень», «И пишет сердце...» и в альманахе «Качканарские грани». Сегодня альманах представляет читателям прозу Клавдии Рублевой.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ

Рублёвы С мечтой о светлом будущем

В одном из номеров «Качканарского времени» прочитала заметку о том, что 31 июля 2016 года прихожане качканарского храма установили поклонный крест на месте, где находился поселок №63.

Таких поселков на территории бывшего Исовского района в начале XX века было великое множество: приисковых, «столыпинских», спецпереселенческих. «Сегодня, -- пишет в заметке Михаил Титовец, - от этого великого множества осталась малая толика. В некоторых случаях на месте поселков – вообще ровное место; если не знать, что там жили люди, то и не догадаться. А ведь там жили люди: рождались, росли, влюблялись, женились, трудились, умирали...»

Среди этих людей были и мои предки, о которых хочется рассказать.

Алексей Федотович и Анастасия Семеновна Рублевы родом из Вятской губернии. Жили большой семьей под родительской крышей. У Алексея и Анастасии было уже двое детей, когда достраивался новый дом. Но братья дом не поделили, и Алексей с семьей ринулся на поиски светлого будущего. Он родился в апреле 188? года, а рожденные в апреле – оптимисты, и он надеялся на лучшее.

Обосновались в Перми. Алексей быль грамотным и от скуки – на все руки. Работу нашел в пожарной части, а в свободное время преподавал курс по плетению из бересты: чемоданы, пайвы, туеса, лапти. Умел лудить, чинить домашний скарб – в общем, семью обеспечивал. В 1915 году в семье родился третий ребенок.

Оптимист по натуре, Алексей с удовлетворением узнал, что в связи со столыпинской реформой на Урале нарезали земли для переселенцев с малоземелья. И вот Рублевы на Урале. Эти благодатные земли находились за озером Актай Исовского района. Тайга, богатая зверьем и дичью, орехами и ягодами. Речки, богатые рыбой. Сюда съезжался народ из центральной России, Белоруссии, Украины и других мест. И росли поселки. №49 -- на правом берегу реки Нясьма. Его было видно с другого берега, где находилась Старая Ляля. А берега соединял подвесной, качающийся мост. Поселки: №57 (Малиновка, с одноименной речкой), Калиновка, №63, №66 (Бояршино), Мурзинка. Люди строили добротные дома, разрабатывали веками не тронутые земли. Сеяли рожь, выращивали овощи, обзаводились скотинкой. Рожали и растили детей, веря в светлое будущее.

Рублевы поселились в Малиновке. Времянка, землянка, а затем и свой просторный, светлый дом! Выращивали и обрабатывали лён, ткали. Сеяли рожь, трудились в огороде, держали животину. Жизнь налаживалась, подрастали дети. Первый – сын Петр, помощник и наследник. Настасья справлялась с детишками и множеством бабьих хлопот. Приторговывали самогоном, сбывая тайком в Новой Ляле. Жилось нелегко, но, казалось, надежно. Скопили денег – купили лошадь. Алексей Федотович еще больше окрылился: землю обрабатывать стало легче, да и дополнительный приработок появился.

Но грянула революция. Собственность отменили. Шла первая мировая война, потом гражданская. В конце мая 1918 года вышло постановление ВЦИК об обязательном наборе в Красную Армию. Армию надо было кормить, и городское население голодало. Начались поборы, продразверстка, за налоги уводили скотину. Вводится всеобщая воинская повинность. И Алексей вместе с конем призывается в Армию. Осталась Анастасия на сносях и с тремя ребятишками: 1909-го, 1911-го и 1915 годов рождения.

С какими мыслями и чувствами уходил хозяин на войну от такого короткого светлого настоящего? Но в светлое будущее России и своих детей он хотел идти с такими людьми, как адмирал Колчак, грамотными и воспитанными патриотами Родины. Как Алексей Рублев оказался на службе в обозе своего кумира, история умалчивает. Долго мотала его война по дорогам Урала и Сибири, но не суждено было сбыться мечте белогвардейца: Красная армия одержала победу, Колчака расстреляли. Какими путями, какими звериными тропами и темными, студеными ночами пробирался воин домой, знает один Бог.

Вернулся с опустошенной душой. А дома вся семья, кроме родившейся без него Дуняши, лежала в сыпном тифе от голода и холода. Выходил всех: жену и детей. А сам, не смирившись с поражением, разуверившись в своей мечте, не снес сердечной усталости и ушел в мир иной. Прах Алексея Федотовича (моего деда) покоится на заросшем погосте поселка №57. Было ли ему сорок лет? Светлая ему память.

Нет в том твоей вины, дед Алексей: Ты пешкой серой был в руках истории. Прошло с тех пор сто разноликих лет. Но вьются вновь над миром злые вороны...

Настасья Семеновна бедовала с детишками. Сыну-подростку рано пришлось впрягаться в нелегкую долю. Подмогой была лошадь. Одну дочку мать отдала в няньки к людям – все одним ртом меньше. Когда, наскучавшись по родному дому, приходила Татьяна на редкий выходной, то её сестры завидовали приличным платьям и туфелькам. Сами-то, кроме лаптей да самотканной одёжки, ничего не видели. Старшей, Насте, учиться в школе не пришлось, так как мама стала болеть ногами, а в хозяйстве уйма дел.

От Алексея Федотовича осталась общая тетрадь-дневник с какими-то чертежами, цифрами. Настасья грамоты не знала. Оставшись без мужа и нанимая людей на непосильные для нее работы, рассчитывалась с ними страницами из этой тетради как валютой – на самокрутки.

Шли годы. Петр Алексеевич Рублев женился на украинке Марии из поселка Мурзинка. Там, кстати, была школа. У Петра пошли дети. И младшую свою сестру Дуняшу он определил в няньки. Дуняша в школу немного ходила, если брат сплетет лапти. Уже будучи взрослой, Евдокия окончила два класса ликбеза. Евдокия Алексеевна Рублева (моя мама) родилась в 1919 году в поселке Малиновка. Когда Дуняша и ее сестры подросли, они вместе с мамой Анастасией Семеновной, братом Петром и его семьей перебрались в поселок Каменушка, там была работа на приисках.

Кстати, в Каменушке, на горе Вересовой, есть заветная скала-вершина с мемориальной плитой «Солдатам Каменушки, погибшим в 1941-1945 г.г.» Там среди семнадцати земляков есть и фамилия моего дяди Петра Алексеевича Рублева. Но это уже другая история.

А сегодня я низко кланяюсь добрым людям, установившим поклонный крест на земле, в которую когда-то вдохнули жизнь простые работящие люди с их мечтой о светлом будущем.

Отец

Светлая память тебе, отец! Чем старше становлюсь, тем чаще думаю о тебе, давно простив за мою безотцовщину... Вот прошло уж семьдесят пять лет с начала треклятой войны. Но я и не знала, что ты был на войне. Да и тебя, отец, я не знала. Лишь так, по скупым и слезным рассказам мамы да наших общих с тобой родственников – кое-что.

Не сложилась ваша с мамой жизнь – Бог вам судья. Учиться, да впоследствии и жить мне довелось в Старой Ляле, где проживал и ты со своей второй семьей. Училась я в одном классе с твоим сыном Виктором, знала, что мы брат и сестра. Знала и дочерей твоих – Надю и Любу. Дети были благополучные, хорошо учились. Виктор, повзрослев, стал играть на баяне. Спросить у них что-либо о тебе я не смела. Чувствовала себя каким-то подкидышем, хотя я – старшая. Искала среди мужских лиц родные глаза, но не находила.

От мамы, Рублевой Евдокии Алексеевны, слышала, что ты работал печником. Людей согревали твоя добрая душа, умелые руки и твои русские печи, в которых пеклись румяные пироги да шаньги. А тебя всё больше и больше подводило здоровье: сказались война и страшное ранение. Тебя, полуживого, откопали из-под земли и отправили в госпиталь. А поправившись, ты продолжал защищать Ленинград. И теперь тебя мучили хвори.

Мама работала санитарочкой. И однажды она предложила мне навестить тебя в больнице. Мне было тогда лет тринадцать. Я пришла в обед. Но мама повела меня не в палату, а в избушку на отшибе – «инфекционку». Ты лежал на койке, укрытый одеялом, а слева на столике остывала картошка, жаренная на собачьем жире, – и был неприятный запах. Тебя лечили от туберкулеза легких: ведь работа печника пыльная, а собачье сало якобы помогает. Не разглядела я тогда твоего лица и голоса не услышала – так с порога и убежала.

Время шло, ты болел все чаще. Твой сын, с которым мы сидели уже за одной партой, приходил в школу грустный. А за ним прибегала младшая сестренка, чтобы Виктор шел спасать отца, взяв из больницы кислородную подушку: ты задыхался. Я чувствовала твою боль и понимала боль и страх семьи – роняла голову на парту и плакала...

В 1962 году тебя, отец, не стало. И был тебе сорок один год. Мама сказала, что я уже взрослая и должна решить, идти ли на похороны. Не помню, как входила в калитку, в дом. Толпился народ, и меня протиснули к одру. Твоя мама Агафья заголосила, прижав меня к себе. Я видела эту бабушку второй раз в жизни, так как она жила с дочерью в поселке Кытлым. С жадностью и скорбью смотрела я на застывшее красивое твое лицо: высокий лоб, русые волосы, черные, сросшиеся на переносице брови, бледные, резко очерченные губы. Смотрела и плакала вместе со всеми. А умер ты от болезни сердца: искромсала его война.

Я уже дважды бабушка. Бережно храню два твоих черно-белых снимка, которые появились у меня недавно. По крупицам собирала у родственников информацию о тебе. Узнала, что ты писал стихи, писал в стол; что был ты жизнерадостным, дружелюбным. Любил красавицу-жену Тамару и детей своих. В Старой Ляле бываю я редко, но на могилки к тебе и к отчиму прихожу. Светлая вам память!

В 2015 году отмечали 70-летие Победы. Вера Алексеевна Куделина, краевед Старолялинской школы, оформляла уголок победителей. В это время приехала из Москвы младшая твоя дочь Любовь Петровна и не обнаружила твоего портрета среди фронтовиков-односельчан. Конечно же, решили ликвидировать этот пробел: стали поднимать документы – и теперь ты в одном ряду с бессмертными односельчанами.

И вот твой послужной список. Попов Петр Иванович. 1921 года рождения. В РККА с 12.12. 1941 года. Место призыва: Свердловская область, Исовский район, Исовский райвоенкомат. Был ранен. Красноармеец-наводчик орудия 76-мм пушки, батареи отдельно-

го пулеметно-артиллерийского Нарвского батальона. Имеет награды: орден Красной звезды, орден Отечественной войны, орден Александра Невского, медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», юбилейные медали.

Описание подвига. В 338-м отдельном пулеметно-артиллерийском Нарвском батальоне с 12 декабря 1941 года, в действующей армии – с 6 июня 1942 года. В боях на Ораниенбаумском плацдарме вместе со своим расчетом разбил 12 огневых точек противника и участвовал в прорыве обороны немцев под Петергофом. В оборонительных боях под Нарвой неоднократно поддерживал действия разведгрупп. 27 июля 1944 года участвовал в прорыве обороны немцев под городом Нарва. В районе Ласти-колонии 29, 30 и 31 июля 1944 года орудие поддерживало наступление стрелковых частей. Был снайпером. Домой вернулся в 1945 году.

Светлая тебе память, отец! Я и мои потомки можем гордиться подвигом отца, деда, прадеда, прапрадеда и смело шагать в одном строю бессмертного полка с портретом Попова Петра Ивановича.

Полонез

Вопреки задуманному, проснулась Катерина поздно. Постучалась зорюшка в ее окошко, зазывая на не пройденные еще грибные тропинки; постучалась, да так и растаяла. Глаза открывать не хотелось: сон всё нанизывал и нанизывал на сентябрьский солнечный луч воспоминания о далекой юности, о любви, чистой, как сельская речка, на крутом берегу которой просиживали до петухов, а речка своим мелководным, серебристым журчанием вторила их робким признаниям.

В часы, свободные от домашних, почти взрослых хлопот, влюбленные вместе с сельской ребятней пропадали на речке: катались на утлых лодчонках, устраивали сражения; ныряли, заглядывая в янтарную глубину песчаного дна; грелись на горячей расписной гальке, сушились у костра; любовались диковинным закатом – наслаждались безмятежностью, еще не взрослые, но уже не дети.

Облетело лето; пролилась осень; а зимой – призыв в армию. Изводящее сердце прощание; вокзал в районном центре; последний, необычно сладкий и горький, слезно-соленый поцелуй; и улетающий во тьму поезд. А для Кати – училище в незнакомом городе. И письма, письма... И клятвы...

Вот и разлучница-зима позади; за ней – еще одна. А за весенней распутицей дурман черемух, сирени – и заблагоухало в сердце де-

вушки предчувствие чего-то необъяснимо-желанного. Учеба на ум не шла. И, отпросившись на пару недель, Катя уехала домой. Помогала матери по хозяйству. И каждый день поглядывала вдоль улицы: не привез ли районный автобус ее желанного?.. Предчувствие не обмануло: в парадной форме, невысокий, коренастый, с цветущим маком пухлых губ шел ее Иванушка: «Катюша, родная, здравствуй!» И подкосились ее ноженьки, и вырвался вымущенный разлукой всхлип.

Ах, как сладко!.. А горько-то как! Волнуемая воспоминаниями и ожиданием чего-то необычного, Катерина поднялась, машинально застелила постель... Ласкающий душ не унял беспокойного озноба. Подошла к зеркалу. Как будто не дурна. Стройная не по летам. На бледном лице рытвинки от жизненных невзгод; в усталых глазах еще плещется небо. Копна волос, когда-то ласкаемая любящими ладонями, по-прежнему богата, хотя о девичьих косах до пояса осталась лишь память... Но – не будь красивой, а будь счастливой. Да только не сберегла счастья-то: сама загубила на корню...

Виноватая, поникшая, со сладко-щемящей истомой в груди, подошла к своему вечному прибежищу – окну, за которым в медовом наряде бабьего лета красовалась любимая, все понимающая березка-заступница. И та, зашелестев листвою, будто молвила: «Не воротишь былого, Катюша!» И, вспыхнув свечой под рыжим солнцем, как бы стесняясь, спросила: «А дальше, дальше-то что? Поведай мне...»

А дальше – пугающая, стеснительная, болезненно-ласковая ночь. А наутро свадебный стол. Пара графинов с настойкой, связанных алым бантом и красовавшихся среди деревенских яств.

Вспомнив обилие пирогов на том пиру, Катерина решила испечь осенний, с грибами. Поставила опару. День дышал сухим теплом, звенящим от щебета птиц. Занимала себя бесконечными делами, а думы Катерины были по-прежнему в юности. Счастливая, она, засиживаясь допоздна, сама шила к свадьбе рубашку Ванюше, а себе – платье и фату из того, что было в магазине лучшего, по средствам: оба родом из нищеты. О кольцах обручальных и речи не было. Отцы – неродные, не одобрявшие их поспешный союз.

На свадьбе-вечеринке друзья родителей, соседи, ребятишки из родни. И никого из сверстников, так рвавшихся посмотреть на «самую раннюю пташку» из класса. Но тусклость происходящего скрасил своим присутствием любимый Катин учитель литературы – добрейший человек, грек по национальности и скрипач по призванию. Высокий, широкоплечий брюнет с густыми зарослями

бровей; в белой без галстука рубашке, с засученными рукавами, обнажавшими сильные, с черной порослью руки. Под толстыми очками – глаза далеко не молодого и немало пережившего человека, глаза с грустинкой и в то же время с каким-то юношеским задором. Скрипач стоял посреди избы и исполнял для новобрачных любимый невестой «Полонез» Огинского. Чарующие звуки заполнили всю комнату и вырвались наружу. А сердце невесты замирало от этой музыки, которая лилась волнами: радость и ликование сменялись тревогой и какой-то неизбывной тоской. И Катя не понимала, чего было больше, но отлично знала: она сегодня счастлива.

Потом – сельский Совет и заветная печать; четыре дня побывки – и снова перрон в сиреневом тумане. И письма. И клятвы.

Воспоминания Катерины прервал порыв ветра за окном. «Катюша, милая...» – слышалось ей желаемое в шепоте листьев. Из далекой юности ворвались звуки полонеза, и возник образ грека со скрипкой, словно ангел, парящий над ее не свершившимся счастьем. Катерина отчетливо слышала скрипку, которая рыдала вместе с ее сердцем. Мокнут щеки, перехватывает дыхание. «Да что же это? Так и до истерики недалеко... Сама виновата. Виновата сама... Да как же это случилось и почему?» Теперь-то она всё понимает. А тогда...

С любимым в долгой разлуке. А жизнь полнилась кипенью весенних садов, летних завораживающих ночей. Вино, до поры откупоренное, выдыхается. Выдыхалось и Катино неразделенное счастье: в её цветенье ворвался вихрь... вихрь измены – легкомысленный красавец-богатырь, поглотивший ее израненное существо и почти год круживший Катю в водовороте новых, сладостных ощущений.

Учеба в училище закончилась. И после практики в том небольшом городке Катя едет по вызову на Дальний Восток... на мужнин суд. До конца службы Ивану оставалось несколько месяцев из трех долгих и трудных лет. Были непростые выяснения отношений. И все же прощенная, как ей казалось, Катя скитается с мужем по квартирам. Рождается дочурка – и в тревожном полонезе материнской души слышатся светлые, нежные звуки. А муж, считающий себя оскорбленным на всю жизнь, не может преодолеть отчуждения. Оба страдают, с жильем и с житьем плохо – и не прочная, но все же семья уезжает на Урал, поближе к родным. Но и тут не склеивается разбитая чашка жизни – брак распадается. Разлетаются по разным городам и весям, и лишь иногда ветры перемен приносят им вести друг о друге. Оба несчастливы.

Через полтора десятка лет приехала дочь из Германии, где служил ее муж. Приехала на Родину рожать – и подарила им внука. В

связи с этим радостным событием – нечаянная, кратковременная встреча. И вновь разлука... навсегда.

Да, годы идут. У обеих новые семьи, дети. Оба вынашивают свою обиду, свою правду и забывают порой, что дети тоже страдают. «Простите нам грехи наши, милые солнышки, дочки и сыночки, простите, курносики-внучатки, обездоленные легкомыслием и ветреностью нашей! – молила Катерина, подойдя к окну. – Недолюбила я вас, недоласкала, далеко живете».

А за окном катился к закату осенний вечер. Золотые листья березы шелестели от легкого ветерка, в котором Катерина отчетливо слышала далекий плач скрипки. Нет, не может она забыть эту музыку. Не получилось забыть и первую любовь. Да и как забудешь, если дочурка – копия отца: пухлые губы, карие глаза, даже взгляд. Подрастал внук и вновь удивлял своей схожестью с дедом. А второй внук и вовсе его двойник, даже в имени. И рожден, как дед, в год Петуха. Дед в молодости занимался боксом, а Ванечка выбрал дзю-до. Одна беда – далеко живут внучата, а вторая – деда не знают! Старший уже школу окончил. Последний раз виделись с бабушкой, когда дочь из Владивостока приезжала с малышами через всю страну, чтобы повидаться.

Память, память... Она, как раскатившийся нечаянно клубок пряжи, стала виток за витком возвращаться на место. Катерина поставила в духовку свой кулинарный шедевр. Почудился стук в дверь; сердце – в спираль, но за порогом – поющая пустота...Вскоре по закоулкам ее одиночества поплыл аппетитный дух пирога. Показалось, что зазвонил телефон. Но в трубке далеким эхом уходящего поезда – лишь гудки. «Уймись, ретивое! Чего ты ждешь на шестом десятке лет?» Но полонез, что звучит внутри, не дает успокоиться. Попробовала взять книгу, да так и отложила, не открывая...

Снова стук в дверь. Открыла с оторопевшим сердцем: за порогом – гость, поседевший, полысевший, но такой же крепыш, с доброй, родной улыбкой. Оробев, как девчонка, еле шевеля пересохшими губами, пригласила в дом:

- Здравствуй, Ваня! Пирог заждался...
- Катюша, здравствуй!.. Не жить мне, Катя, без тебя... Давай начнем всё с начала...

Иван что-то еще говорил, но все его слова тонули в громких звуках полонеза, в которых смешались страдание и радость, боль и неизбывная тоска, сомнение и светлая надежда. И надежда...

Ковыль

Утро разгоралось. Люди спешили по свои делам. Катерина проводила дочку в детсад и пошла к автобусной остановке. Работала она в соседнем городке Яксатово, где строился кирпичный завод и возводился жилой комплекс.

Солнце висело за спиной раскаленным медным тазом. Под ногами испещренная трещинами, изнывающая от жажды камызякская земля. Душно, неуютно. Выросшая на Урале, Катерина привыкла к лесам, с их прохладой и щедрой роскошью. И очень жалела эту южную многострадальную землю. Что здесь может вырасти? Но, оказывается, земля изнывала, но не унывала – и камызякская степь буйно цвела ковылем. Катерину радовал этот дикий злак, который сверкал на солнце, словно перламутр. Со светлыми думами о ковыле Катерина ехала в автобусе. Настроение было приподнятым и потому, что с Урала приехала погостить подруга детства Тамара.

Получив разнарядку, бригада приступила к работе. Бригадир – грамотный, коренастый крепыш, по фамилии Смирнов. Закладывался четвертый этаж дома. Катерина осмотрела механизмы башенного крана, белкой впорхнула в кабину, села за рычаги управления. Стрела была продолжением рук крановщицы: подавала поддоны с кирпичом, раствор, балконные плиты, оконные и дверные перемычки, плиты перекрытия, лестничные марши, точно исполняла приказы бригадира. К полудню меж небом и землей было настоящее пекло, но местные работяги, раздевшись по пояс и прикрыв голову кепками, трудились, лоснясь густым загаром тел.

Время обедать. Катерина в столовую не пошла: у нее был хлеб, богато намазанный черной икрой. Икру в Камызяке можно было купить у браконьеров по восемь рублей за килограмм. Простой люд солил впрок туши осетров, готовил балык, а икрой пополнял свой семейный бюджет. Шел 1972 год.

Приезд подруги всколыхнул еще не остывшую душу. Раствор пока не привезли, и Катя предалась воспоминаниям. Вспомнила Ивана, после разрыва с которым она осталась с дочуркой. С горем пополам вымолила у городского начальства место в круглосуточный садик. Забирала дочку на выходной и среди недели, а на лето увозила к матери в деревню

Вспомнила, как однажды под Новый год, взяв отпуск, она приехала с дочкой в деревню. Наряжали елку. Напекли с мамой пирогов да шанежек. Дома так уютно и беззаботно! А за окнами трескучий мороз. Родителей пригласили в гости, и они ушли. Время позднее.

Катерина уложила дочку и ждала правительственного поздравления по телевизору, готовилась ко сну.

Вдруг сквозь порывы ветра услышала, как звякнула щеколда массивных ворот, потом послышались шаги и несмелый стук в дверь. Уж не Дед ли Мороз пожаловал?.. Но на пороге появился молодой человек, знакомый со школьной поры. Нарядно одетый блондин, с добродушной улыбкой на тонких губах. В темно-серых глазах смятение и нерешительность. Но, взяв себя в руки, он прямо с порога объяснился, рассказал Катерине о давней любви и предложил стать его женой. Влад был почти ее ровесником, из уважаемой многодетной семьи. Отчим – механик леспромхоза, а мать – главный бухгалтер.

Пригласить новоиспеченного кавалера на чай ошарашенная неожиданностью женщина не посмела. Гость ушел. До сна ли было Катерине? Из огня да в полымя, в неизвестность? Дочка сладко спала. А Катерина не сомкнула глаз. Утром всё поведала маме. Поговорили, поплакались и решили, что надо дать согласие: ведь дочку еще растить да растить... Жених дважды приходил в гости. Разговаривали под неусыпным оком Катиного отчима. А в Рождество Влад с родителями пришел сватать невесту. О законном браке речи быть не могло: Иван не давал развода. Решили, что надо уехать подальше, с глаз долой...

И тогда же, зимой, Влад с Катериной подались к знакомым в Астраханскую область, в город Камызяк. Сняли квартиру. Это была мазанка с глиняным полом в сенях. Пищу готовили на примусе. С неудобствами мирились, тем более что работу нашли быстро. Красный, директор передвижной механизированной колонный №11, уважал уральцев. Влада оформили машинистом скрепера, Катю - машинистом башенного крана. А вскоре им дали новенький кирпичный коттедж на двух хозяев. У дома небольшой земельный участок. Влад съездил на Урал, привез Катину дочку, которую любил, как родную. Пришел из армии Катин брат и жил вместе с ними, а работал шофером на водовозе. Вырыли колодец, поместили туда бетонные кольца, зацементировали дно. Воды – залейся! Посадили картошку – взошла, зацвела, но осенью в гнездах были не клубни, а горошины. Видно, не климат здесь для картошки. Смирились. Зато помидоры и баклажаны благоухали, не требуя ухода, только поливай. И ковыль не унывал, все плыл и плыл по степи, радуя Катюшу перламутровыми волнами.

Катины мысли прервал шум подъехавшей машины. Привезли раствор. Наполнили бадью, команда «вира!» – и бадья поплыла на-

верх. В левом торце здания рабочий, по имени Юрий, укреплял балконную плиту. Катерина четко подводила раствор на удобное для всех место. Но кому-то из каменщиков показалось, что бадья может задеть Юрия со спины, и он крикнул: «Юра!». Тот выпрямился, оборачиваясь на окрик, оступился – и рухнул вниз спиной на штабель с бетонными изделиями. Рабочие стали спускаться вниз, матерясь и охая. Катерина, задыхаясь от рыданий, с побелевшим лицом и трясущимся нутром спустилась по лестнице с башни. Но, ступив на землю, не смогла идти. Ее охватил страх – за чужую жизнь, за чужих детей и за свою дочурку.

Сбежалось начальство. Вызвали из Астрахани «скорую», а это больше десяти километров. Вызвали следственную комиссию. Крановщицу успокаивали; мастер Хлебников говорил, что всё будет хорошо, что Юра жив, только кровь из ушей идет. Но в астраханскую больницу привезли тело. Катерина не могла прийти в себя, ее долго отпаивали каплями. Она не помнит, как «скорая» забирал несчастного. Но помнит, что мастер собрал людей и до приезда комиссии торопил обустроить заграждения проёмов, пролётов и прочего. Комиссия прибыла поздно.

А дома Катю потеряли. Влад забрал ребенка из садика. Брат поехал искать сестру. Подруга, тоже крановщица (вместе приобретали профессию в Карпинске) не знала, что и думать. Катерину после всех разборок подвезли к дому на служебной машине уже глубоким вечером. Осунувшаяся, с зареванными глазами, она, прижав к себе дочурку, рассказала обо всем. Ей дали три дня отпуска на восстановление и больше по поводу случившегося не тревожили. А на сердце появился еще один кровавый шрам.

Жизнь продолжалась. Через какое-то время бригаду из Яксатово перекинули в Камызяк, жить стало спокойнее. Но тревога в душе Катерины не улеглась, а перламутровые волны ковыля казались ей равнодушными, бесконечными. Она тосковала по уральской земле, по ее суровой красоте, по родному говору. Не могла привыкнуть к степной стороне, с ее нестерпимой жарой, с темными до жути ночами со стригущими песнями цикад да бесконечным кваканьем лягушек.

В конце сентября приехали, вернее, прилетели в гости младшая сестра с отцом. Вот уж было радости: сестры, брат и отец собрались под одной крышей, чего давно не случалось. Катя взяла отгулы и с удовольствием показывала родным достопримечательности Камызяка и Астрахани. В бархатный сезон необычайно красив этот старинный город, куда они добирались по Волге на «Ракете».

Но отпуск у сестренки заканчивался – и вскоре гостей с южными подарками проводили на Урал.

Катерина с Владом жили дружно, особенно днем, когда были заняты делами, а ночь для женщины была пыткой. Понимала она, что Влад ни в чем не виноват. Хороший семьянин, руки золотые. Построил баньку из камыша – есть где поплескаться, охладить жгучие прикосновения солнца. Но не разгорался очаг, не грел Катино сердце. А степные ветры не могли заглушить стенаний скрипки. Лишь ковыль успокаивал своей выносливостью и красотой, застилающей степь, будто шелком перламутровым. Наклоняясь к ковылю, Катерина гладила нежные кисточки и понимала, что надо терпеть, учиться у ковыля быть сильной.

Осенью она поняла, что беременна. Сделалась раздражительной. Не терпела запаха алкоголя, а это было как закон: каждую пятницу после работы, а дальше суббота... И говорил Влад не то, и ходил не так. На новогодние праздники уехала с дочкой в отпуск. Конечно, к беззаветно любимой, всё прощающей и понимающей маме. Мама убеждала: стерпится – слюбится.

Погостила у подруги в Качканаре, с ее помощью встретилась с Иваном. Он был уже женат и тоже ждал ребенка. Но все же прижалась грешным сердцем и уже чужим животом, вдохнув запах мужского тепла, и со стоном легко-легко вздохнула, будто в первый раз. И поняла, что больше не сможет обманывать ни себя, ни Влада, и вновь решила перекроить свою судьбу.

Вернувшись из отпуска, вскоре пошла в декрет и, оставив Владу нажитое с ним, уехала к матери. Влад проводил их с дочкой на самолет, но возвращаться на Урал не захотел. С рождением сына прислал комплект приданого, а вскоре женился. А когда их сынишка пошел в первый класс, Влада не стало. Покоится в бесприютной степи Камызяка. «Светлая ему память» – повторяет Катерина, чувствуя свою вину.

Однажды в Качканаре, где сердцу каждый камень мил, она среди ромашек и крапивы увидела ковыль – и обрадовалась ему как другу; вспомнила степной ковыль, который гнул голову под знойным ветром и мирился с долею своей. Катерина смириться не смогла. Не смогла, потому что все еще живет в ней полонез ее юности. То затихает, то жалит смычком, как пчела; то убаюкивает неспокойную, настрадавшуюся душу печалью о невозвратном, расплескиваясь в шелесте березовых ветвей.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДАТА

100 лет назад в России ликвидирована монархия

Михаил ТИТОВЕЦ

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО «СВОБОДА»

Царь Николашка долго правил на Руси. И хоть собою был он в общем некрасив, При нём водились караси, При нём плодились пороси И было много чего выпить-закусить. Но в феврале его немножечко того... И вот узнали мы всю правду про него: Что он рабочих притеснял, Крестьянам землю не давал И что гораздо будет лучше без него.

(Студенческий фольклор)

Февраль в сознании наших сограждан прочно связан с числом 23, Днём защитника Отечества по календарю, «международным мужским днём» – на практике.

Между тем, в феврале имело место событие куда как более судьбоносное: в этом месяце в 1917 году прекратила своё существование исконно российская форма государственности – монархия Произошло это в результате февральской буржуазно-демократической революции, которая началась в аккурат 23 февраля (по старому стилю). О ней в советские времена особо не распространялись, так как она рассматривалась не более чем пролог революции другой – октябрьской.

¹ Объективности ради следует заметить, что официально монархия была упразднена Временным правительством 1 сентября 1917 года

Частенько приходится слышать стенания по поводу того, что де вот, историю переписывают. Ну, во-первых, историю переписать нельзя. Это объективная реальность, не зависимая от нашего отношения к ней. Можно лишь интерпретировать события и факты в соответствии с той или иной идеологической концепцией. Плохого в этом ничего нет.

А вот что касается учебников – их бы следовало переписать, потому что они преподносили нашу многовековую историю либо в кастрированном виде, либо просто врали. Что ж это за страна, где все цари (кроме Петра I) – убогие личности, только что не дегенераты? А в самой стране сплошь нищета, убогость, а народ стонет от угнетения с утра до ночи. И только в октябре 1917 года на него, бедолагу, обрушилось счастье в связи с приходом к власти большевиков. Таким образом в нас воспитывали комплекс национальной неполноценности. Но ведь это не так! Наша Россия была великой страной во все времена. Это страна великой культуры, невиданной воинской доблести, в величие которой вносили свою лепту все: дворяне, священники, казаки, купцы-предприниматели, рабочиемастеровые, крестьяне-землепашцы...

Начало XX века не было исключением. Во-первых, тогда действительно было много чего выпить-закусить (читайте В. Гиляровского, только на сытый желудок). И Европу кормили: Россия была ведущим экспортером хлеба на мировом рынке (с 1962 года Советский Союз начал закупать хлеб у своего стратегического противника – США). Хлеб, заметьте, возобновляемый ресурс, в отличие от нефти и газа. Модернизация промышленности, столыпинская аграрная реформа, золотой конвертируемый рубль стали фундаментом явления, название которому – «русское экономическое чудо». Нужны были грамотные люди – в стране вводится всеобщее начальное образование. Между прочим, в контексте той образовательной политики в 1910 году земское народное училище было открыто на Валериановском прииске. Имеется документ на этот счет, а поэтому в 2010 году – 100-летний юбилей образования в Качканарском городском округе.

Была ли жизнь до революции идиллической? Да Боже сохрани. Но страна находилась на подъеме и развивалась естественно, органически. Откуда тогда выпала революция? Сложно порой объяснить причины, по которым народ впадает в революционное буйство. Отметим лишь, что не последнюю роль в этом сыграли властители дум – интеллигенция, для которой было нормой находиться в оппозиции к власти. Они сформировали общественное

мнение, а идея недовольства, поселенная в головы, совершенно неожиданно материализовалась в революцию. Нет сомнения, что Милюков, Керенский и другие обличители-ниспровергатели, высочайшие интеллектуалы, желали добра России. Но, оказывается, одно дело – бичевать пороки, находясь в оппозиции, и другое дело – управлять страной. Несколько месяцев понадобилось им, чтобы ввести страну в состояние экономического коллапса, развалить армию и, в конечном итоге, отдать власть большевикам только что не на блюдечке. (Аналогия с новейшим временем: Гайдар с сотоварищи тоже не дураки, но мало кто с восторгом вспоминает период их нахождения у власти).

Временное правительство не смогло решить ни одной проблемы, ни одной. Единственный зримый результат с февраля по октябрь 1917 года – свобода, море свободы. Россия в одночасье стала самой свободной страной в мире.

А сейчас – внимание на фотографию. На ней упиваются свободой косьинцы. Это 1 мая 1917 года на Косьинском прииске. Так что исторические вихри веяли и в наших местах. Ведь одно дело, что Косья всего в 15 километрах от Качканара и в городе проживают выходцы с этого старинного приискового посёлка. А, кроме того, посёлок Косья имел все шансы стать «городом-спутником» Качканара. Только если бы был реализован проект строительства второго горно-обогатительного комбината. На его территории разместился бы ряд объектов, а население вследствие этого выросло бы до 5 тысяч человек. Но не срослось.

Историю поселка Косьи еще следует изучать и изучать. Вот, например, все хором твердят, что Косьинская группа приисков принадлежала графу Шувалову. Какому Шувалову? Павлу Петровичу? «Пока не ясно» – как в том хохляцком анекдоте. Зато все ветераны, с кем разговаривал, единодушны в том, что места исключительно были богаты платиной. И то, что в хозяйстве был исключительный порядок. Так, например, один дедушка рассказывал, сколь эффективно работала лесная стража.

«Допустим, раз в неделю стражники докладывают лесничему, что у них на участках – всё в порядке. – Как в порядке? – возражает тот. – У тебя – дерево спилили, а у тебя сухара упала прямо на визире!»

Просто плакать хочется, потому как сейчас близ нашей родной Малой Белой лес хищнически вырубается и вывозится здоровенными лесовозами. Причём, берётся только деловая древесина, верхушки и ветки выбрасываются. Спросить за такое безобразие – некому. Шувалова-то нет.

Кстати, на Косьинском прииске проживало очень много татар, там даже мечеть была. Причём татары, невероятные труженики, много работали. Очень хочется поговорить с кем-нибудь из стариков на тему жизни, быта татарского населения.

Косьинцы приняли февральскую революцию. Вон как дружно вышли они на первомайскую демонстрацию. Тут и рабочие, и служащие, и взрослые, и дети. Смотрите-ка, даже батюшка со своим причтом и плакатом «Свободная церковь в свободной стране!». Со временем мы узнаем, куда в конечном итоге привела жажда свободы настоятеля косьинского прихода во имя святых первоверховных апостолов Петра и Павла. Закончил ли он свои дни в лагере или снял с себя крест, чтобы сохранить жизнь.

Имеется информация о косьинском священнике Петре Дьяконо-

Имеется информация о косьинском священнике Петре Дьяконове (не исключено, что это он на фото, хотя – не факт). Первый раз он хапнет «свободы» в 1929 году: по ст.58/10 3 года ИТР. Второй раз его арестуют по этой же статье в 1936 году, при чём в анкете он будет значиться уже не священником, а чернорабочим. За что боролись – то и получили!

Возможно, среди демонстрантов находится дедушка одного моего знакомого. История здесь такая.

В 30-е годы НКВД арестовал старателей. Требовали, чтобы те сдали платину, которая у них якобы имелась (ну, как бы сапожник не может быть без сапог). И вот этот человек, не вынеся мытарств, оговорил себя, дескать, платина у него есть и зарыта под полом.

Пришли в дом. Пока НКВД рыли в подполье, несчастный сделал неудачную попытку самоубийства. Естественно, ничего не нашли. Бедолагу увели в каталажку, и уже там он-таки зарезался осколком стекла. Причём сидели мы и разговаривали в том самом доме, а под нами было то самое подполье. Жуть!

К чему это я? К тому, что любое наше неправедное действие нам же в лоб прилетает рикошетом. Свергли царя? Получили деспота на порядок более жестокого – Сталина. Крестьяне кинулись грабить помещичьи именья и захватывать чужую землю? Что ж вы потом ревели, когда отняли у вас всё, раскулачили и выслали? Ведь что интересно. Когда в 1978 году в Афганистане произошла Саурская революция, там тоже пытались крестьянам раздать землю. И вот они, темные люди, «чурки», как мы, просвещенные европейцы, называем выходцев из Азии, они не взяли эту землю на том основании, что земля эта – чужая. Вот так. И казачки наши, коих государь пестовал и лелеял, предали его в февральские дни 1917 года, объявив «нейтралитет». Получите расказачивание.

В 1917 году Россия не выдержала экзамена свободою. Провалив его, страна обрекла себя пойти по тернистому пути, вехи которого: октябрьский переворот, гражданская война, коллективизация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война, хрущёвский волюнтаризм, брежневский застой, перестройка и постперестройка...

(События эти в той или иной степени вошли в жизнь косьинцев. Уместно заметить, что большую доблесть косьинцы проявили в годы Великой Отечественной войны: и трудовую, добывая стратегический металл – платину, и боевую – на полях сражений. Посёлок вырастил двух Героев Советского Союза: это полковник В.Меркурьев и старший лейтенант В.Скорынин)

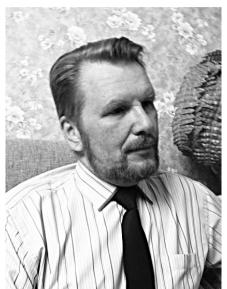
История дала нам ещё один шанс сдать этот экзамен. Но об оценке говорить пока рано.

КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр ШЛЕМОВ

Родился в 1966 году в городе Нижняя Тура. В 1988-м окончил Уральский политехнический институт им. С. М. Кирова по специальности инженер-механик металлургических заводов. В 1988-1991 годах жил в Ижевске, работал в ПО «Ижсталь». С 1992 года работал на предприятиях Екатеринбурга, Нижней Туры, Лесного. Живет в Нижней Туре. Автор историко-краеведческих статей и очерков, опубликованных в разное время в газетах Нижней Туры и Лесного, журнале «Уральский следопыт» (г.Екатеринбург), альманахе «Качканарские грани» (г.Качканар). Автор книги «На порожней ясацкой земле» об истории основания, заселения и развития в XVIII веке Нижнетуринского завода.

«НЕИЗВЕСТНЫЕ» БУРДАКОВЫ

На рубеже 19-20 веков, ныне совершенно забытая в наших краях фамилия Бурдаковых, была известна едва ли не каждому. За какихто полвека с момента появления здесь первых представителей рода Бурдаковых география их разносторонней деятельности настолько расширилась, что охватила весь Урал и вышла за его пределы.

От бассейна реки Вишеры в Чердынском уезде до селений Всеволодо-Благодатского и Никито-Ивдельского Бурдаковы были известны как золотопромышленники, попечители школ, благотворители и купцы из Турьинских Рудников (ныне г. Краснотурьинск). В их руках, наряду с крупнейшими купцами Шадриными и Шангиными, сосредоточилась значительная часть торговли в северной части Верхотурского уезда. Города Ирбит и Туринск знали ирбитских купцов – винокуров Бурдаковых, а Верхотурью они были известны как местные крупные виноторговцы и первогильдейские купцы-золотопромышленники.

В Нижнетагильском заводе среди предпринимателей, подрядчиков и служащих приисков большим спросом пользовались услуги инженера-коммерсанта Бурдакова по части золотопромышленного оборудования. Кроме этого, его контора выполняла широкий спектр монтажных работ – от водоснабжения и канализации, железобетонных и электротехнических работ до установки телефонов и сигнализаций. В администрации же заводов гг. Демидовых служили также «свои» Бурдаковы.

Деловая элита Екатеринбурга знала Бурдаковых как опытнейших представителей уральской золотопромышленности, купцов-попечителей и благотворителей игравших значительную роль в различных сферах общественной жизни города – от городского управления до народного образования и торговли.

В старой Москве, на крупнейших заводах АО «Густав Лист» инженерно-техническое бюро также возглавлял некий Бурдаков. А в самом центре старой столицы, на Арбате жил носитель этой же фамилии, известный как концессионер золотых промыслов Сибири и золотых приисков в Пермской губернии. Здесь же, в Москве, проживал и пользовал пациентов известный состоятельный врач Бурдаков. И, наконец, даже в Екатеринославе будущие горные инженеры слушали лекции по химии у профессора Бурдакова, письма которому слал сам Д.И.Мендеелеев.

В бывшей же тогда Нижне-Туринской волости, где широко разрабатывались богатейшие золото-платиновые прииски, имя местных жителей Бурдаковых в то время звучало особо часто. Оно не сходило с уст сельских обывателей, рабочих и приискового населения и стало синонимом «фартового» купца-золотопромышленника, поймавшего правдами-неправдами, как по Мамину-Сибиряку, свое золотое «дикое счастье». Словно сказки об Аладдине, множились слухи и легенды, обрастая небылицами о екатеринбургских, московских и санкт-петербургских дворцах Бурдаковых, сколотивших миллионные состояния на платине. Но бывает ли дым без огня?

Легенды эти у некоторых вызывали восхищение, но чаще – ненависть, порожденную завистью. И когда пролетарская революция, пришедшая «в конверте» на Гороблагодатские оборонные заводы захлестнула округ, эта вышедшая из берегов клокочущая ненависть затопила край и вырвала в числе сотен тысяч и могучий родовой дуб Бурдаковых, сломав ветви и оборвав корни.

На многие десятилетия было забыто не только имя Бурдаковых, но и легенды о них. В Нижней Туре, например, своего земляка Якова Бурдакова вспоминал на страницах городской газеты лишь один

местный краевед. Да и то имя это упоминалось в статьях, посвященных «красным» праздникам, и укладывалось строго в границы штампа: «скупщик платины», «грабитель народа», «капиталистспекулянт» и т.п. Так кем же были эти Бурдаковы? Купцами, инженерами, золотопромышленниками, врачами, «грабителями», попечителями школ или «спекулянтами»?

Представленный ниже материал – попытка собрать воедино сведения о персонах Бурдаковых, объединенных едиными родовыми связями, и пусть объективный и вдумчивый читатель сам сделает вывод, кто был кем.

«Княгини Екатерины Федоровны Долгоруковой дворовые люди...»

Родоначальниками одного из родов Бурдаковых на Урале стали крепостные крестьяне Владимирской губернии Вязниковского уезда деревни Тарасихи, принадлежащей княгине Е.Долгоруковой. Владимирская губерния, как известно, «поставляла» своих уроженцев-крестьян по всей Российской империи. Способы выкупа из крепостной зависимости были различны но, в принципе своем, схожи.

Добившись разрешения на отлучку или на «отхожий промысел», крестьяне покидали свои деревни. Те, кто были особенно предприимчивы и оборотисты, осмотревшись на новом месте, начинали служить вольнонаемными, рассыльными, коробейниками, приказчиками и т.п. Со временем они «выбивались в люди». Заработав лишнюю копейку, выкупались у хозяев сами, выкупали и свою родню. А дальше записывались в мещанское или даже в купеческое сословие.

Урал для таких выходцев во второй четверти 19 века стал заманчивым местом приложения сил, смекалки и талантов. У всех на слуху были огромные богатства и просторы края. И, вероятно, край этот виделся в центральной крепостной России настоящим Эльдорадо, где золото и платина валялись под ногами, где заводские мастеровые получают на семью бесплатный провиант, а крестьяне и разные заводские «сидельцы» работают вольнонаемными или занимаются доходным ремеслом.

Метрическая книга Свято-Троицкого собора Кушвинского завода, например, уже в 1828 году зафиксировала крестьянина Прокопия Филиппова, 18 лет, из Вязниковского уезда д. Сухатки (1). Следует полагать, что тенденции отхода крестьян на Урал еще более усилились после принятия закона 1837 года, разрешающего добы-

чу золота на казенных землях Сибири не только потомственным и личным дворянам, но и купцам 1-й и 2-й гильдии.(2).

Многие крепостные «вязниковцы» прибыли на Урал как раз в 1840-х годах, и спустя полвека они или их потомки уже становились известнейшими людьми. В качестве примера можно назвать И.Г. Анфиногенова, екатеринбургского купца и общественного деятеля, занимавшего должность городского головы Екатеринбурга в 1902-1908 гг., чьи родители были из крепостных крестьян Вязниковского уезда и прибыли на Урал в 1840-х годах.

Похожая биография и у Кривцова В.В., купца 3-й гильдии и городского головы Екатеринбурга в период 1869-1872 и 1880-1884 годов. Он сам был выходцем из крепостных того же Вязниковского уезда.

Среди документов архива Владимирской области сохранилась Ревизская сказка 1834 года вотчинного села Груздева с деревней Тарасихой. Согласно ей, в деревне проживали семьи крестьян Бурдаковых (номера записи дворов семейств – 9,10 и 13 соответственно): 78-летнего Епифана Васильева с семейным сыном Никитой 25 лет и холостым Капитоном 20 лет; 41-летнего Николая Зиновьева с двумя дочерями и младшим сыном Яковом 6-ти лет; Анисьи – жены умершего в 1825 году Михаила Зиновьева, при которой показаны сыновья, Семен 15-ти лет и Федор 14-ти лет.(3).

Таким образом, родство Якова Николаевича и Семена Михайловича, как двоюродных братьев, бесспорно установлено. А родство Капитона Епифановича крайне вероятно. Следует предположить, что он являлся просто одним из представителей старшего поколения этого рода.

Первые сведения о Бурдаковых на Урале относятся примерно к одному времени. В 1845 году самый старший из Бурдаковых, Капитон Епифанович, отмечен жителем Турьинских рудников (4). Семен Михайлович Бурдаков, став вольноотпущенником в 1846 году, отмечен в Екатеринбурге в 1848 году уже как купец 3-й гильдии. (5). Точных же данных о появлении на Урале его двоюродного брата Якова Николаевича Бурдакова не обнаружено. Возможно, он появился на Урале в это же время либо несколькими годами позже. Возможно, что его превращение в вольноотпущенники произошло не без участия Семена Михайловича. Двоюродные братья и их дети всегда поддерживали тесные родственные отношения между собой. Вместе с этим следует заметить, что не обнаружено ни одного документа, свидетельствующего о коммерческих или личных связях Капитона Епифановича и его потомков с семействами Якова и Семена.

«Турьинская» ветвь Бурдаковых.

21 декабря 1856 года по указу Пермской Казенной Палаты за № 3524 Капитон Епифанович Бурдаков, 44 лет «из вольноотпущенных крестьян», был причислен в купцы 3-й гильдии города Верхотурья с семейством, состоящим из жены Евдокии Васильевны 40 лет, сына Якова 17 лет, Ивана 13 лет и дочери Марии 7 лет.(6). Хотя торговля мануфактурой и «разным товаром» успешно шла в Турьинских рудниках и окрестных селениях, главной мечтой оставался золотой промысел. Эти планы Бурдаковых осложнял новый Горный устав 1857 года. Правительство пошло по пути ограничения свободы золотопромышленности и по этому новому закону к золотым разработкам стали допускаться только первогильдейские купцы. В январе 1859 года для Пермской губернии частный золотой промысел был впервые разрешен только в границах Чердынского уезда. В марте 1860 года разработка приисков стала разрешена по всей губернии, за исключением местностей, отмежеванных к казенным заводам, т.е. на землях казенных горнозаводских дач. И, наконец, по высочайшему разрешению с 27 октября 1861 года частным лицам предоставлено 28 приисков в Вагранской казенной даче Верхотурского уезда и все казенные золотые прииски Гороблагодатского горного округа, с прекращением в них окончательно казенного золотого промысла. (7). Причиной было то, что этот промысел обходился казне, за содержанием около 2000 рабочих, весьма дорого при ежегодной добыче золота только до трех пудов.

Стартовый капитал для записи в 1-ю гильдию дала Бурдаковым виноторговля. Положение о питейном сборе 1861 года допускало возможность получения значительной прибыли за счет безакцизного винокурения и открытия большого количества оптово-розничных питейных заведений. В отличие от случайностей золотого промысла, это была настоящая, верная «золотая жила». Этим воспользовались многие купцы, и уже в 1864 году на Торговой улице Верхотурья Бурдаковы основали водочное, спиртоочистительное заведение. По данным 1886 года, его производительность составила 7500 ведер вина на сумму 27000 руб.(8). Для продажи товара в Турьинских рудниках и в Верхотурье, купцами были устроены винные оптовые торговые склады.(9).

Вино-водочное производство позволило Капитону Епифановичу заявить капитал в 15000 рублей и записаться с семейством в 1-ю гильдию верхотурского купечества. В 1868 году он отмечен купцом 1-й гильдии, который имеет в Верхотурье кирпичный дом с землей, но живет «в отлучке» (10).

В семействе купца происходит ряд знаменательных событий. В феврале 1867 года за канцелярского служителя Турьинских рудников Якова Евграфовича Безсонова выходит замуж дочь Мария. В апреле того же года женится сын Яков Капитонович на Наталье Николаевне Куксинской, дочери подполковника Корпуса Горных Инженеров, управителя Турьинских рудников. А чуть позже женится и Иван Капитонович. Имя его жены Любовь Петровна, но происхождение ее не выяснено.

Золотопромышленное дело К.Е.Бурдаков с сыновьями начал в богатом золотом, пустынном районе северных рек Кутима и Улса и по рекам Сосьве и Лозьве. Почти одновременно с известными верхотурскими купцами-золотопромышленниками Шангиными они начали поиски золота в районе Вишеры. Старшим сыном Яковом, один за другим, основываются прииски в Чердынском уезде: Казанский, Уральский, Ивановский, Серафимовский, Воскресенский. В Вагранской же даче преимущественно работает Иван Капитонович. Он заводит прииски Вячеславский, Ивано-Капитоновский, Иерусалимский, а в верховьях реки Ваграна – Вознесенский. В первые годы разработок результат был фантастический. В 1868-1869 годах ежегодная добыча золота Бурдаковыми составила более 3 пудов; в 1870 году – около 2 пудов 28 фунтов.(11).

Как купец 1-й гильдии, имеющий право на торговлю по всей Империи и за ее пределами, Капитон Епифанович был частым действующим лицом и гостем на ярмарке в Нижнем Новгороде. В Ирбите у него имелся собственный дом. Часто наведывались Бурдаковы и в Петербург. Сохранились любопытные документы касательно главы семейства.

Как известно, за сданное в золотосплавочную лабораторию золото Уральское Горное Правление выдавало золотопромышленникам особые, сроком на 6 месяцев, именные, на Санкт-Петербургский монетный двор, ассигновки, на получение золота полуимпериальной монетой. Эти ассигновки золотопромышленники могли закладывать и передавать в другие руки по передаточной, засвидетельствованной в полиции надписи владельца и каждого последующего держателя. И однажды «...в Нижнем 6 августа 1868 г. во время бытности в Соборе у Верхотурского 1-й гильдии купца Капитона Бурдакова украден из кармана бумажник, в котором находились вместе с его паспортом и 480 кредитными (билетами), 6 написанных на его имя ассигновок на золото: одна на 2000 получимпериалов и 5 по 20 полуимпериалов, сроком получения на СПБ Монетном Дворе 13 января 1869 года. Объявив о сем в самый день

утраты Ярморочному Присутствию, Бурдаков в начале сентября послал объявление в Уральское Горное Правление в предупреждение, чтобы никто, пользуясь его паспортом, не мог выдать его (как за свой). А сын его (Яков), проездом в столицу через Екатеринбург, тоже в сентябре дал о сем знать телеграммами Госбанку и СПБ Бирже, Петербургской Управе Благочиния и публиковал (о том) в октябре и ноябре в Санкт-Петербургской полицейской газете и в ведомостях Биржевых и Московских.

В феврале же 1869 года открылось, что ассигновку на 2000 рублей приняла Московская Контора Банка от московской купчихи Анны Волковой в залог... Видно только, что в ассигновке имя Бурдакова вытравлено и заменено именем (Виктора) Рязанова и от имени Рязанова сделана надпись, удостоверенная Полицией Сретенской в Москве части. За неуплатой (Волковой) в срок ассигновка была предъявлена Монетному двору, но денег по ней не выдано, так как она значилась данной Бурдакову. Рязанов же, хотя и живет в Екатеринбурге, но ассигновок за золото не получал. Документы переданы судебному следователю...».

Дело о краже дошло до самого министра финансов. Как видно из дела, деньги по украденной ассигновке Бурдаков получил от банка сполна. Ответ Юрисконсульта из Особенной канцелярии от 20 мая 1871 года по этому, особому инциденту был предельно конкретен: «...краденая вещь должна быть возвращена хозяину... Бурдаков принял все способы для сохранения своего права. Банк же приобрел ее в подложном виде и от лица, не имевшего на нее законного права... С кого следует Банку искать утраты – укажет следствие, но Банк также сам виновен в своей утрате...».(12).

Несмотря на первые успехи в золотодобыче, этот рискованный бизнес не стал главным семейным делом всех «турьинских» Бурдаковых. Лишь для Якова Капитоновича он отличался постоянством. При анализе добычи золота Я.К.Бурдаковым с 1886-го до 1900 года видно, что особой тенденции к расширению дела не наблюдается – разрабатываются только собственные, давно открытые, старые прииски. Но дело поставлено достаточно выгодно и грамотно. Высокое техническое оснащение приисков устроить было трудно изза отсутствия хороших дорог в глухих местах, где вел промысел купец. Поэтому и использовались технические устройства среднего уровня для того времени – бочка, 1-3 американки, вашгерты, станки. При этом максимальная численность рабочих небольшая, в отдельные годы – до 55-ти человек, что свидетельствует о грамотной постановке дела. Ежегодная совокупная добыча золота,

упав до пуда и менее, твердо держится на уровне от 20-30 фунтов до пуда. Одним словом, Яков Капитонович «не хватал звезд с неба», но держал и вел дело твердой рукой, не арендуя и не входя ни с кем в товарищества. Падение добычи металла наблюдается лишь с середины 1890-х гг., когда сам золотопромышленник отошел от дел, а прииски были перерегистрированы на его жену Надежду Николаевну.(13). К этому времени Бурдаковы уже проживали в Петербурге, а дела на приисках вели управляющие.

Сам Капитон Епифанович умер в период 1874-1880 гг. Последние сведения о его жене, которая продолжала писаться по 1-й гидьдии, относятся к 1881 глду: «Торговлю производит в Турьинских рудниках мануфактурными товарами и имеет оптовые склады вина и винокуренный завод».(14).

В 1882 году братья Бурдаковы строят еще один винокуренный завод в деревне Подкорытовой Фоминской волости Ирбитского уезда. Как видно из документов, с введением акцизного сбора на вино, в 1887 году совместная собственность братьев − «дом с надворными постройками и землею, состоящий Пермской губернии, в городе Ирбите, на углу Екатеринбургской и Пермской улиц под № 113», был заложен по обеспечению казенного акциза. На следующий год Яков Капитонович приобретает в Ирбите еще один дом в полную собственность, а заложенный дом, как видно, остается в собственности брата Ивана, который записался в ирбитское купечество по 2-й гильдии.(15). С этого времени вся «коммерция» Ивана Бурдакова определяется винокурением и торговлей. «Специализацией» же Якова остается золотопромышленность.

Винокуренный завод Ивана Бурдакова носил название «Яковлевский №25». Численность его рабочих в 1887 году составляла 125 человек.(16). Преобладал ручной труд. Но через 10 лет там работало уже 41 человек, 2 паровых и 2 конных двигателя, имелось свое мукомольное, солодовенное и винокурное производства. В 1896 году завод выработал хлебо-картофельного спирта на сумму 19005 рублей.(17). В 1899 году объем производства составил 11000 ведер, что позволило Ивану Капитоновичу открыть торговое заведение и в городе Туринске.(18).

Этот завод принадлежал И.К.Бурдакову, по крайней мере, до 1901 года, пока не перешел к виноторговцу Зязину. Следует учесть, что в разы больше вина производили заводы других уральских купцов: Андреевых, Мухлыниных, Шангина, Шадрина, Подсосова и др. Ну, а в сравнении с Поклевскими, чьи заводы к 1914 году производили 790 000 ведер сырого спирта и спирта-ректификата, винокурня Бурдакова не шла ни в какое сравнение.

При известном доме И.К.Бурдакова в Ирбите имелся магазин с ренсковым погребом и продажей колониальных товаров. Не оставлен был и дом в Туринских рудниках – там, у Ивана Капитоновича шла торговля «разным товаром». Все прииски Ивана Бурдакова были записаны на жену Любовь Петровну. После 1901 года сведений о И.К. Бурдакове не имеется.

Что касается Якова Бурдакова, то с середины 1880-х он находился в постоянных разъездах по приискам, часто бывал в Петербурге, а с 1895 года почти постоянно жил там, на Загородном проспекте вместе с женой. Его дом в Ирбите располагался на углу улиц Александровской и Площадной. При доме имелся магазин, где приказчики торговали галантереей, бакалеей и мануфактурой. (19). Умер Я.К.Бурдаков около 1900 года. Последние сведения о бурдаковских приисках, владелицей которых выступала жена Якова Капитоновича Надежда Николаевна, относятся к 1908-1909 гг. (20).

О дочерях Ивана Капитоновича, Евгении 1870 г.р. и Любови 1874 г.р., ничего не известно. Среди детей Якова Капитоновича наиболее выделяется сын Василий.

Василий Яковлевич был наиболее замечательной личностью. Родился он в 1867 году Отец позаботился дать ему прекрасное образование. Окончив 1-ю Санкт-Петербургскую гимназию в 1886 году, Василий подал прошение директору Горного института с просьбой допустить его к экзаменам для поступления на 2-й курс. Выбор рода занятий, вероятно, был предопределен: ведь дед его был горный инженер.

Как показывают материалы личного дела студента Бурдакова, сын купца был допущен к вступительным испытаниям, но не выдержал одного экзамена. Тогда в дело вступился Яков Капитонович. Письмо он подал не на имя директора института, а сразу заместителю министра, в ведомстве которого находился Горный департамент:

«Господину Товарищу Министра Государственных Имуществ от Золотопромышленника Верхотурского 1-й гильдии купца Якова Капитонова Бурдакова. Прошение.

Сын мой Василий Бурдаков, окончивший в прошлом 1886 году курс Санкт-Петербургского 1-го реального училища, ныне державший экзамен в Горный институт на второй курс, не получил из-за одного предмета удовлетворительного балла и не принят в число студентов 2 курса.

Имея в виду желание сына моего пройти и кончить курс наук Горного института и что он из всех предметов, кроме одного, получил удовлетворительные и хорошие баллы, и в виду моего собственного желания по роду занятий моих горной промышленно-

Бурдаков Василий Яковлевич — выпускник С-Петербургского 1-го реального училища, фото н/у мастера, 1887г., СПБ.

стию определить сына моего в Горный институт, я имею честь покорнейше просить Вас разрешить принять сына моего в Горный институт на 1 курс и, если вакансии 1 курса уже пополнены, разрешить принять сына моего сверхкомплектным.

Сентября 12 дня 1887 года. Яков Капитонов Бурдаков. Адрес жительства в СПБ на углу Торговой и Англ. просп., дом № 25/36, кв.3».(21).

Как видно из документов, делопроизводственная машина после письма закрутилась очень быстро. Бумаги с пометкой о «скорейшем доставлении сведений» на Василия Бурдакова летели по всем инстанциям с завидной быстротой. Вакансия нашлась, и младший Бурдаков был принят в институт, успешно его закончил, показав особый интерес и способности к химии.

Занятия этой наукой под руководством самого Д.И.Менделеева начались еще во время учебы в гимназии. В письме Менделееву от 7 июня 1887 года В.Я.Бурдаков выражает «глубокую благодарность за дозволение работать в лаборатории и за оказанное доверие». В свою очередь великий химик в своих трудах указывает, что «хлористый бериллий был исследован в моей лаборатории В.Я.Бурдаковым». Известно, что и позднее Бурдаков и Менделеев состояли в переписке.(22).

После окончания института Василий Яковлевич был оставлен при институте лаборантом. В 1896 году коллежский секретарь Бурдаков «командируется в Нижний Новгород на 3 месяца для производства испытаний и приборов, на организуемой Профессором Императорского С.Петербургского университета Коноваловым испытательной станции на Нижегородской выставке», а в конце 1896 года получает чин коллежского асессора. (23). С июня 1900 году Василий Яковлевич переводится в Екатеринославское высшее горное училище «заступающим место экстраординарного профессора на кафедре аналитической химии». (24). В 1903 году предпринимает перевод «Теоретической химии» В.Нернста. Является автором 9 статей Энциклопедического словаря Брокгауза и

Эфрона о стронции, свинце, сурьме и т.п. В 1905 году получает чин статского советника.

После революции судьба химика осталась неизвестной. Г.В.Андреевский в книге «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1920-1930 годы», касаясь как раз жизни интеллигенции и «бывших», без комментариев пишет: «В 1929 году на три года в Сибирь, по путевке ГПУ, выехал из Москвы Василий Яковлевич Бурдаков. Он хранил у себя дома альбом с фотографиями царя и царских министров» (25). Не о бывшем ли профессоре химии идет речь?

В заключение рассказа о «турьинской» ветви Бурдаковых следует упомянуть и об их общественной и благотворительной деятельности. На этом поприще особо выделяется Яков Капитонович. Еще в 1860-е годы он избирался городовым старостой Верхотурья.(26). В 1880-х годах являлся председателем Верхотурского сиротского суда. Известно, что он был и одним из руководителей и «спонсоров» постройки земской школы в Турьинских рудниках, а также был попечителем Турьинского земского мужского училища.

Возможно, этими обстоятельствами и объясняется окончательное оставление Яковом Бурдаковым винокуренного дела. Как известно, часть купечества шла на сотрудничество с земством, руководствуясь эгоистическими мотивами и амбициями. Другая же руководствовалась иными целями: их работа в земских органах и участие в общественной жизни основывалась на активной жизненной позиции, искреннем желании внести лучшие изменения в существующую реальность. Не последней причиной было и желание обелить свою деловую репутацию, страдавшую из-за извечных обвинений купцов-винокуров в спаивании народа и разных злоупотреблениях. В то же время не малую роль играла и личная религиозность.

Являясь членом Пермского Епархиального комитета православного миссионерского общества и занимаясь добычей золота в исконно вогульских землях, Яков Капитонович «принял на себя устройство походный церкви Казанской иконы Божьей Матери». (27). Вместе с братом Иваном в 1881 году получил благословение святейшего Синода с выдачей грамоты за пожертвования в пользу Ирбитского соборного причта. Делал пожертвования и на устройство церкви в селе Губдор Чердынского уезда.(28). В деревне Петрецова Чердынского уезда на его средства построена и освящена в 1891 году Покровская походная церковь (позднее часовня).(29).

«Нижнетуринский» верхотурский купец Яков Николаевич Бурдаков

13 марта 1857 года, спустя всего три месяца после записи Капитона Епифановича Бурдакова в купеческое сословие, по указу №2106 Пермской казенной палаты в купцы 3-й гильдии г.Верхотурья был зачислен с семейством еще один «вязниковец» – Яков Николаевич Бурдаков. На тот момент ему было 29 лет. Семейство его состояло из жены Марии Осиповны возрастом 22 года, годовалого сына Александра и младшей сестры самого купца, Авдотьи Николаевны 15 лет.(30).

Следующий известный документ о Якове Николаевиче датируется 1866-1868г.г. Из него видно, что Я.Н.Бурдаков уже является верхотурским купцом 2-й гильдии с объявленным капиталом 6000 рублей, но в самом Верхотурье «дому не имеет, живет в отлучке, занимается торговлей, в 1862 году избирался городовым старостой». В составе его семейства показаны дети: Александр 11 лет, Ольга 10 лет, Викторин 7 лет, Руфина 4 лет, полугодовалый Капитон и купеческая сестра Авдотья. (31). О «жизни в отлучке» и роде занятий известно, что проживает купец в Нижне-Туринском заводе, где ведет торговлю мануфактурным товаром. (32).

Так бы и торговал Я.Н.Бурдаков тканями, не сведи его судьба со штабс-капитаном Иваном Михайловичем Гендриковым, бывшим подпоручиком 2-й роты линейного Оренбургского батальона № 9. Рота несла гарнизонную службу в Турьинских рудниках. После отмены крепостного права Оренбургские линейные батальоны при горных заводах были расформированы, и, оставшийся не у дел, штабс-капитан сосредоточил свое внимание на золотых приисках в казенных заводских дачах. В Гороблагодатском округе все бывшие казенные золотые прииски были розданы бесплатно на арендном праве сроком «впредь до выработки».

Гендриков не был горным инженером, но основательно знал и понимал тонкости золотопромышленного дела, решив начать свой золотой промысел. Однако для непосредственного хозяйствования на приисках был нужен толковый распорядитель, доверенное лицо хозяина. Найти такого доверенного – половина успеха дела. И такой человек нашелся в лице сметливого и расторопного купца Я.Н.Бурдакова.

Первые шесть приисков Ивана Гендрикова за 1868г. дали более 2-х пудов золота.(33). На следующий год помимо золота, первую платину дали Николае-Святительский прииск на ручье Журавлик, левом притоке р.Ис (3 пуда, 11 фунтов, 17 золотников) и прииск Бушуевский по увалу р.Выя (1 пуд, 6 фунтов, 27 золотников).(34). Эти два прииска и стали тем основанием, на котором возникло плоти-

нопромышленное дело Бурдаковых. Но что значило в то время «работать на платину»?

С принятием закона о частной золотопромышленности в 1870г. добыча платины стала доступна для каждого. Но платина не привлекала поначалу «профессионалов» – крупных потомственных золотопромышленников. Золото, есть золото. Сколько намыто его и сплавлено в Екатеринбурге за ассигновки, столько получено и денег. Вкладывай их в дело и развивай добычу. Надежно и быстро, но с платиной – не то.

Сбыта платины, кроме как иностранцам, в России нет. Казна песок не принимает. Банки кредит не дают не только под платину, но даже и под разработку золотых россыпей, поскольку прииски являются «движимым имуществом». Аффинажных (т.е. очистительных) заводов платины нет. Биржи нет, и текущая мировая цена на платину неизвестна. Цены будущих лет прогнозировать невозможно. Достаточно сказать, что если золото продавалось в казну с незначительными колебаниями по цене 14000-18000 рублей за пуд, то покупная цена платины с 1870-95гг. колебалась от 2000 до 8000 рублей, один раз только прыгнув до отметки в 12000 рублей. А какой серьезный промышленник станет развивать на таких условиях добычу платины и ставить это дело на широкие рельсы? Спрос на платину в мире определялся потребностью стран с развитой химической промышленностью. Вот нет-нет, да и использовали жители Нижне-Туринской волости исовскую платину - «худое серебришко» – вместо дроби, охотясь на мелкую дичь.

Лондонская фирма «Дж.Маттей» являлась мировым монополистом по продаже-закупке сырой платины и четко отслеживала конъюнктуру рынка. Крупнейшие в России поставщики сырой платины – Нижнетагильские прииски наследников Демидова, держали в строжайшей тайне свои каналы сбыта. Однако имя Маттей было названо и однажды кем-то, где-то и как-то произнесено. И вот отставной штабс-капитан и бывший крепостной мужик отправляются из Нижне-Туринского завода в Петербург, в отчаянный вояж.

Обстоятельства выхода на мировой рынок исовской платины подробно описаны самим И.М.Гендриковым и сыном Я.Н.Бурдакова, Викторином: «Первая наша платина с Николае-Святительского прииска в количестве около 4 ½ пудов была продана в 1870 году дому «Джонсон Маттей». Но что значило в 1870 году продать платину – на этом стоит остановиться.... Как было открыть, что существование дома «Маттей» не миф? А это имя только и было нам единственной руководящей нитью.... Надежды наши покоились на том, что вот приедем в Петербург, там всё и узнаем.... При полном неведении все-

го того, что составляет реальную обстановку всякого дела, поездка наша в Петербург принимала характер похода аргонавтов для отыскания золотого руна. Ясону и его спутникам пособила волшебница Медея, а для нас не отыскалось и волшебницы....».

Далее, описывая все свои злоключения – походы по банкирским конторам и биржевым маклерам, поиски немцев и французов для сбыта, стук в дверь с унизительным вопросом «не соизволите ли купить платины?» и, наконец, продажа платины по «смешной» цене 1600 рублей за пуд, – участники этого «похода аргонавтов» вспоминали: «Пришлось поблагодарить и за это: на прииске денег нет, а деваться с платиной больше некуда. Даже в счете вместо нашего торгового фунта был поставлен тройский фунт, который на 11 золотников тяжелее нашего – и тут процентов 12 с нас долой! Так что, в конце концов, за всеми расходами на поездку, на подать натурою и прочее очистилось с небольшим по 30 копеек за золотник, да времени ушло на все эти мытарства больше 4-х месяцев». (35).

Но начало делу было положено. И то, каким образом это случилось: с риском, терпением и упорством – давало уже тогда все основания полагать, что люди, ставшие во главе этого дела – «работать

Бурдаков Яков Николаевич, Бурдакова Мария Осиповна, Костарева Александра Егоровна, Бурдакова (Костарева) Елизавета Александровна, Бурдаков Викторин Яковлевич; фото н/у мастера, ок.1880г.

на платину» – далеко не заурядные промышленники и за дело взялись «не набегом».

В 1873-1874 гг. исовские платиновые прииски Гендрикова перешли в собственность Якова Бурдакова. (36) Условия сделки не ясны, и Яков Николаевич оставался доверенным и компаньоном Гендрикова еще, по меньшей мере, десяток лет и зарегистрировал немало приисков на его имя.

Дело Я.Н.Бурдакова поначалу шло тяжело. По мнению самих золотопромышленников, не было больше такой отрасли, которая была бы опутана в такой степени бюрократическими препонами, грабительскими налогами, произволом местной администрации и надзорных органов. «Самое трудное в золотопромышленности – это не борьба с природой, климатом, расстояниями, а борьба с существующими законоположениями, которые можно назвать целесообразными, если признать, что они направлены на искоренение золотопромышленности».(37). Только узаконения по отводу прииска требовали до года времени и расходов до 2000 рублей. Еще легендарный золотопромышленник-купец Расторгуев, передавая свои прииски сыну, наказывал: «Тебе надо быть готовым прошения писать, удовольствия или неудовольствия не высказывать...». Известный золотопромышленник В.К.Павловский о сложившейся ситуации писал: «...К золотопромышленности ни разу не был проявлен тот образ действий, который носил бы в себе принцип беспристрастной справедливости, но постоянно заключал в себе отношение к золотопромышленнику как мошеннику, «загребающему золото лопатой», и редкое ведомство не смотрит на золотопромышленность как на дойную корову». Кроме этого, сама зависимость от случая-удачи («фарта») была настолько велика, что «предусмотреть всю массу случайностей было невозможно ни какими математическими вычислениями и кабинетской работой». На всех стадиях промысла риск капитала был чрезвычайно велик и равен иногда 100%. (38). Но риску Якову Николаевичу, очевидно, было не занимать, и занимался он промыслом не «в белых перчатках».

С 1870 и до 1875 года вся платина Якова Бурдакова добывалась исключительно на Николае-Святительском прииске, Бушуевский прииск разрабатывался только в 1869г. Наконец, заработал Мариинский прииск (название – в честь Марии Осиповны) по р.Ису против устья р.Журавлика. Но для того, чтобы дело окупалось и получало развитие, цена на глубоко лежавшую исовскую платину должна быть не менее 7000 руб. за пуд. Англичане же платили за нее до 4000 рублей. Дело спасала разработка Тихоновского приис-

ка на р.Мокрая, притоке Выи. «Возможность добычи платины... при низкой цене на неё объясняется тем, что на этом прииске получалось золото, количество которого в фунте платины простиралось до 10 золотников».(39).

С 1879 года дела Якова Николаевича пошли в гору. Причины этого видны из январской газеты «Пермские губернские ведомости»: «Главным начальником заводов Уральского хребта выданы свидетельства на поиски и разработку золотых россыпей на землях Оренбургского казачьего войска, башкирских и казенных, в губерниях к Уральской области принадлежащих, верхотурским купеческим сыновьям Виктору и Александру Яковлевым Бурдаковым».(40). Уже 1 мая и 19 июня «...золотопромышленник, верхотурский купеческий сын Александр Яковлев Бурдаков заявил... две золотосодержащие россыпи... вблизи Нижне-Туринского завода... и по Ису в 25 от Нижней Туры верстах».(41). Сам Яков Николаевич только за первую половину года заявил 3 россыпи, две из которых «на имя своего доверителя Ивана Михайлова Гендрикова».(42). Такими темпами уже в 1880 году Бурдаковы разрабатывали 7 приисков, в 1881 – 10 приисков, в 1882 – 14 приисков, в 1885 году – 18 приисков.(43).

Названия приисков Бурдаковых – тема отдельная. Обычно прииски промышленники называли в честь святых или праздников (Пророко-Ильинский, Вознесенский, Преображенский); были именные прииски по имени-фамилии владельцев и близких (Конюховский, Любавинский, Количка); отражали прииски и природные признаки – ландшафт, расположение, климат (Боковой, Четыре Острова, Снежный, Чащевитый). Давались названия и «от сглазу» (Маломальский, Не тронь меня, Сомнительный). Назывались новые отводы и с надеждой на счастье и будущий успех (Сладко-Гостимый, Счастливый, Калифорния).

«Бурдаковские» прииски – целая летопись семьи, значительных событий в ее жизни. Например, Алексее-Ольгинский прииск (откр.1877) на р. Малой Осокиной – замужество старшей дочери купца Ольги. Данных о ее семье почти нет. О муже известно только то, что фамилия его была Флоров (Флеров), и служил он по лесному ведомству, и звали его, вероятно, Алексей. И, как знать, не лесничий ли это Серебрянского завода, губернский секретарь Алексей Тимофеевич Флоров, отмеченный за 1883г.?(44). Прииск Семейный (откр.1880) – женитьба сына Викторина на Елизавете Александровне Костаревой. Прииск Капитоновский (откр.1882), несомненно, связан с младшим сыном Капитоном. Не начало ли это его золотопромышленной деятельности?

Наконец, самый загадочный Шуркин прииск (откр.1884). Здесь следует иметь в виду, что последние известные сведения о самом старшем сыне Александре Яковлевиче обрываются в 1880 году. Это обстоятельство наводит на мысль, что его уже не было к этому времени в живых, и прииск назван по его имени. Но нужно учитывать, что в 1870-е годы и семья самого Якова Николаевича пополнилась: родилась дочь Татьяна, а в 1877г. родился еще один сын, также названный Александром. Может быть, прииск носит имя самого младшего Бурдакова – малыша Шурки, пророча ему судьбу золотопромышленника?

Возвращаясь к изложению дальнейших событий, следует кратко рассмотреть то положение дел в платинопромышленности, которое сложилось в 1880-90-е гг.

С середины 1870-х гг. в России заработали два завода, перерабатывающих платину: Тентелевский завод и завод Кольбе. Если в 1888 году оба завода переработали 30 пудов платины, то в 1890г.

Первый ряд: дочери Флоровых, Флоров (Н.?)
Средний ряд: Бурдакова Валентина, Бурдакова Е.А., Костарева А.Е., Флорова (Бурдакова)
Ольга Яковлевна, Бурдаков В.Я. Стоят: н/у (предположительно, управитель имения
Бурдаковых) с сыном В.Я.Бурдакова, Сергеем
Любительское фото ок. 1905г., Имение Богородское, Верейский уезд.

– только 6 пудов, в 1892г. – чуть более 4 пудов, в 1896г. – немногим более 2 пудов. Добыча же платины только на приисках Бурдаковых составила в те же годы соответственно 14, 25, 78 пудов. Русским промышленникам было непонятно, «...какими же влияниями... парализуется деятельность этих заводов, которые вместо того, чтобы развиваться, увеличивая свою производительность, год от года сокращают её? Вероятно, в этом случае главная роль принадлежит конкуренции иностранных фабрикантов».(45).

В конце 1889 году в Нижнюю Туру нагрянули французы, предложив 8000-9000 рублей за пуд платины против 4000 рублей. Встревоженный дом «Дж.Маттей» немедленно дал распоряжение поднять закупочную цену сразу до 12000 руб., показав свою безусловную монополию и сметая конкурентов. Французы немедленно убрались. Это случилось зимой, платины продано было немного, и «дело кончилось пустяками». Но подобный скачок цен вызвал настоящую «лихорадку», и в долины Иса устремились толпы старателей всех сословий. Добыча платины резко возросла, а англичане следом, понизив цену до 6000, а затем и до 4000 рублей по дешевке скупали и скупали платину.

Встревоженный не на шутку историей с французами, для верного определения отношения продавцов к покупателям платины и пытаясь понять, что творится в самой среде платинопромышленников, «Дж. Маттей» в конце 1890г. направляет своего представителя господина Селёна в Нижне-Туринский завод и Кушву. То, как встретила местная платино-промышленная элита иностранца, хорошо известно со слов И.Гендрикова и В.Бурдакова, которые с горькой иронией писали о произошедшем: «Так велика еще вера русского человека в немца, что обезьяну выдумал! Наши промышленники, как истинные потомки славян относительно радушия и гостеприимства, не ударили лицом в грязь, но не сообразили, что разговор - серебро, а молчание - золото. И выложили перед дорогим гостем и то, о чем благоразумнее было бы помолчать... Откровенность перешла даже границы действительности... Прежде за границей знали о количестве металла, какое доставляет Урал... С этого же времени один из представителей иностранцев лицом к лицу увидел многое на деле..., а главное – познакомился лицом к лицу с некоторыми представителями добывающей промышленности..., с которыми, так или иначе, приходится считаться. О самой промышленности он вынес, вероятно, недурное впечатление. О её настоящем и будущем – может быть, даже преувеличенно хорошее мнение. Но о руководящей силе этой промышленности и её средствах материальных и интеллектуальных – мнение это едва ли в пользу этой силы. Если бы он встретил ту деловую сдержанность, которая ограничила бы его кругозор собственным носом, то он сам, как деловой человек крупного ранга, почувствовал бы уважение к личному персоналу промышленников. А если он увидел заискивания да заигрывания, то имел право заключить, что представители..., взятые во всей совокупности..., могли бы представлять внушительную силу, но, не осознавая своей солидарности, действуют вразброд... Отсутствие солидарности между платинопромышленниками и составляет слабую сторону их, а их слабость – сила иностранцев!».(46).

Игра иностранцев с ценами на платину привела к разорению многих мелких промышленников. По свидетельству В.Я.Бурдакова, «...были значительные недочеты во многих приисковых бюджетах. Мы могли бы назвать имена потерпевших, но не считаем себя вправе, потому что это может повредить им, т.е. их кредиту». (47). Стремясь обезопасить свое дело, теперь местные промышленники стали делать первые попытки к объединению капиталов и образованию товариществ.

В 1891 году появилась одна из первых крупных компаний на Ису - компания верхотурского купца 2-й гильдии купца Ивана Григорьевича Шаравьева и мещанина Августа Гальбаха, объединив к 1894 году 15 приисков. В это же время возникла 4-х паевая компания статского советника Владимира Корнильевича Покровского (2 пая) и «саксонского подданного» Эрнста Фергеля (1 пай). Должность распорядителя компании с одним паевым участием компаньоны отдали Викторину Яковлевичу Бурдакову. Компания имела участие не только в добыче платины, но и ориентировалась главным образом на добычу золота в Оренбургской губернии. В 1892 году возникло товарищество на равных паях верхотурских купцов - нижнетуринцев Василия Николаевича Шаравьева и Викторина Яковлевича Бурдакова (он же и распорядитель) - 8 приисков. Наконец, в 1893г. было образовано платинопромышленное товарищество «Я.Н.Бурдаков и сыновья» с 5-ти паевым участием: купец 2-й гильдии Яков Бурдаков – 2 пая, купец 2-й гильдии Викторин Бурдаков (распорядитель) - 1 пай, прапорщик армейской пехоты Капитон Бурдаков – 1 пай, купеческий сын Александр Бурдаков – 1 пай. В собственности товарищества находилось 26 собственных и 5 арендованных приисков.

Среди крупнейших исовских платинопромышленников следует упомянуть и самых старейших: военного юриста, действи-

Дом Я.Н. Бурдакова в Нижней Туре, известный как «Дом купцов Задворных» (уничтожен в 2011г.).

тельного статского советника Андрея Федоровича Переяславцева и его сыновей, ротмистров Федора и Петра Андреевичей. Родственник верхотурского купца-золотопромышленника Соловьева, А.Ф.Переяславцев начал добычу золота с платиной еще в 1861 году – намного ранее Якова Бурдакова. Его наследники до последнего времени оставались лидерами по объему добычи платины.

Еще одной крупной фигурой был соликамский, позднее верхотурский купец 2-й гильдии Василий Иванович Шайдуров с братом Адрианом, бывшим мастеровым Очерского завода. Имея большие золотопромысловые дела в Чердынском уезде, они появились в Нижней Туре позже всех – в 1891 году, но через три года имели уже в долине реки Ис 13 приисков. (48).

Управления всех товариществ, за исключением Переяславцевых, находились в Нижне-Туринском заводе. Семейному клану Бурдаковых принадлежали здесь три дома. Последний из них по времени постройки, был самым большим во всем заводском поселке, с удивительной деревянной резьбой. Он был построен около 1890г. вблизи заводской площади. Есть основания полагать, что автором проекта дома был екатеринбургский архитектор В.Коновалов. Резьба, фронтоны, наличники и внутренняя планировка дома Бурдакова почти идентичны с другим шедевром деревянного зодчества Коновалова, находящимся в Екатеринбурге (ныне ул. Горького, 33А) – домом купцов Степановых, выходцев из Челябинска. Как известно, Степановы, как и их земляк, золотопромышленник В.К. Покровский, широко занимались хлеботорговлей, и на этом попри-

ще пути их, несомненно, пересекались. Возможно, в этой связи, при участии Викторина Бурдакова как распорядителя компании Покровского и был взят за образец дом Степановых?

При доме имелось торговое заведение Я.Н.Бурдакова. Несмотря на успехи в платино-промышленности, купец не оставлял торговлю мануфактурой в заводском селении и Николае-Святительском прииске.(49). Предоставив внешние коммерческие дела сыновьям, он редко уже выезжал за пределы нижнетуринской округи. Потому в газетах его часто называли «нижнетуринским» купцом. Принимал он участие и в благоустройстве Александровской часовни, построенной на заводской площади, за что имел благодарность от Екатеринбургского епархиального начальства.(50).

Средняя дочь, Руфина, была выдана замуж за потомственного почетного гражданина Михаила Капитоновича Протопопова, сына титулярного советника, руководителя известной в то время в Нижне-Туринском заводе механической артели. В делах платинопромышленного товарищества Бурдаковых Михаил Капитонович выступал в качестве доверенного от распорядителя Викторина Бурдакова. Имели Протопоповы и несколько собственных приисков. В самом начале 1900-х гг. все семейство переехало в Москву, где перед революцией они проживали в Большом Козихинском переулке. После революционных событий сведений о «вдове потомственного почетного гражданина» Руфине Яковлевне и дочери Ольге Михайловне не выявлено. Сын Валерьян Михайлович, выпускник Московского университета, военный врач и участник «великого исхода», с 1920г. в эмиграции, в Болгарии. (52).

Младшая дочь Я.Н.Бурдакова, Татьяна, вышла замуж за горного инженера Петра Владимировича Карпинского, представителя рода знаменитых горных деятелей, среди которых и известный академик РАН А.П.Карпинский. В коммерческих делах Викторина Бурдакова Петр Владимирович иногда выступал в качестве доверенного.(53). Семья Карпинских проживала в Сибири, переезжая по месту службы Петра Владимировича – в Иркутске, в Чите, на заводах Алтая. Однако брак этот оказался недолгим.

Известно, что в 1908 году П. В. Карпинский был назначен вторым, а затем и первым помощником-заместителем начальника Анжерской угольной копи Сибирской железной дороги. Но в 1914г. случилась трагедия. Как сообщал в МПС начальник дороги, «в ночь с 6 на 7 сего апреля на казенной квартире застрелился в припадке психического расстройства состоящий по Горному Управлению 1 помощник и заместитель начальника Анжерской каменноуголь-

ной копи вверенной мне дороги надворный советник горный инженер Петр Карпинский. Подотчетные деньги, дела и документы найдены в полном количестве и порядке».(54). Более поздних сведений о семье Карпинского не выявлено. Неизвестна и дальнейшая судьба младшей дочери Я.Н.Бурдакова.

«Профессия моей жизни – золотопромышленность, в качестве служащего и хозяина...»

Эти слова сибирского золотопромышленника П.Прейна абсолютно подходят к Викторину Яковлевичу Бурдакову – ярчайшей личности семейства, вставшему во главе трех золото-платинопромышленных компаний. Именно ему обязано семейное дело Я. Н. Бурдакова своим расцветом. Листая страницы «Описания платинопромышленного дела Я.Н.Бурдакова с сыновьями...», не перестаешь удивляться дальновидности Викторина Бурдакова, его здравому смыслу и массе знаний в своей отрасли, умению анализировать и видеть все те мелочи и риски, из которых складывается большое, настоящее дело.

Возглавив семейный бизнес, Викторин Бурдаков повел дело с

размахом. В отличие от многих промышленников, в приобретении и разработке новых приисков Викторин Яковлевич полагался не на счастливый случай, а на системное исследование геологии Исовского поречья (насколько это было в его силах) и внедрение более совершенного оборудования. Помощником в этом был ему младший брат Капитон, выпускник екатеринбургского Алексеевского реального училища. Он как раз к 1893 году, отслужив в армии в чине прапорщика армейской пехоты, вернулся домой и с головой погрузился в коммерческие дела семьи. Викторин Яковлевич, как распорядитель трех компаний, фото Адамовича Н.Ф.,1891г., Екатеринбург вел внешнее управление делами,

Бурдаковы В.Я. и Е.А. с дочерью Екатериной,

не сидел на месте, разъезжая по России и входя во все инстанции для регистрации новых приисков, заключения контрактов на поставку оборудования, сбыта платины. Как и многие лучшие представители русской золотопромышленной элиты, «профессионал» Викторин Бурдаков был не только признанным практиком, но и «теоретиком», «ходатаем» платинового дела в государственных учреждениях.

Когда же кончится на приисках хроническая нехватка технически грамотных специалистов? Когда же будут «сверху» проведены комплексные геологические исследования Нижнетуринской дачи, Качканара и Соловьевых гор на платину и про-

Бурдаковы В.Я. и Е. А. с Екатериной, Валентиной, Сергеем, 1900г., Дрезден.

мышленник бросит вести добычу «гадательно», полагаться «на случай» и «разрабатывать целики, ведя себя, как хищник»? До каких пор добывающие компании будут оторваны от аффинажных заводов? Когда будет законодательно упрощена сложная бюрократическая процедура оформления отвода приисков? Когда же русские промышленники консолидируются и, забыв «проклятый» вопрос «не изволите ли купить платины?», заявят иностранцам сами реальную цену за сырую платину?

Эти основополагающие вопросы были заданы и изложены в упомянутой книге, написанной членами Уральского общества любителей естествознания В.Я.Бурдаковым в соавторстве с И.М.Гендриковым. Ее выпуск был подготовлен к открытию Нижегородской всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г., которая стала триумфом платинопромышленного товарищества Бурдаковых.

Сравнительные результаты 5-летней деятельности Товарищества «Я.Н.Бурдаков и сыновья» под руководством В.Я. Бурдакова представлены в таблице 1:

Таблица1 Техническое оснащение и производительность приисков крупнейших частных платинопромышленников Урала 1892-1996 гг.(55)

Владелец	1892	1894	1896
Переяславцевы			
Паровые машины	5	3	4
Американки	_	4	2
Бочки (чаши)	1	1	_
Бутары	_	_	_
Боронки	_	_	2
Численность рабочих	660	631	774
Годовая добыча платины	38п.04ф.	59п.36ф.	34п.20ф.
Бурдаковы (включая В.Н.Шаравьева)			
Паровые машины	1	10	11
Американки	7	13	11
Бочки (чаши)	_	4	2
Бутары	_	_	3
Боронки	_	_	_
Численность рабочих	1854	887	1337
Годовая добыча платины	25п.	60п.20ф.	78п.05ф.
тодовал доов на платипы	2311.	σοπ.2οφ.	7 οπ.ουφ.
Шаравьев И.Г. (включая Гальбаха)			
Паровые машины	1	9	К 1896г прииски
Американки	9	8	проданы. раз-
Бочки (чаши)	_	_	рабатывались
Бутары	_	_	Кенигсбергера-
Боронки	_	_	ми и, частично,
Численность рабочих	386	677	Шайдуровым
Годовая добыча платины	32п.27ф.	28п.02ф.	В.И.
Шайдуровы			
Паровые машины	3	1	5
Американки	2	3	_
Бочки (чаши)	1	_	_
Бутары	_	_	_
Боронки	_	_	4
Численность рабочих	889	165	400
Годовая добыча платины	10п.08ф.	14п.17ф.	30п. 21ф.
К.Кенигсбергер и наследники			
Паровые машины			1
Американки	_	_	5
Бочки (чаши)			_
Бутары			_
Боронки			1
111	1	1	406
Численность рабочих			100
численность рабочих Годовая добыча платины			26п.14ф.

Владелец	1892	1894	1896
Конюховы			
Паровые машины	_	3	3
Американки	2	2	2
Бочки (чаши)	_	_	2
Бутары	_	_	_
Боронки	_	_	_
Численность рабочих	110	122	465
Годовая добыча платины	2п.08	2п. 38ф.	16п.25ф.

Примечание: Ручные станки, вашгерты и водяные колеса (только у Бурдаковых их 27 шт.) не показаны.

Цифры говорят сами за себя. Как видно, всего за полтора-два года Викторин Бурдаков, увеличив в 10 раз использование пара и бутар, вывел семейную компанию в абсолютные лидеры.

Следует сказать, что вся платина в России добывалась только на Урале. В начале 1890-х гг. Нижнетуринская казенная дача, с богатейшими Исовскими приисками, вышла окончательно на первое место, опережая по добыче платины в 1,5-2 раза Нижнетагильский округ Демидовых, не говоря уже о соседних Крестовозжвиженских промыслах Шувалова. Данные о производительности округов представлены в таблице 2.

Таблица 2

Добыча платины по округам

	1892	1894	1896
Гороблагодатский горный округ	128п.	187п.	198п
(с 1896г. – добыча производилась только в Нижнетуринской даче) в том числе доля добычи 5-ти компаний: Переяславцевых, Бурдаковых, Шаравьева (Кенигсбергеров), Шайдуровых и Конюховых, (пуды/%)	ок.106п. (83%)	ок.163п. (87%)	ок.186п. (93%)
Нижне- Тагильский округ гг. Демидовых	99п.	79п.	54п.
Крестовоздвиженские промыслы гр.Шувалова (по бассейну верхнего Иса)	ок.43п.	ок. 40п.	ок. 41п.
Общая добыча платины в России, из нее доля одного товарищества Бурдаковых (см. таблицу 1),%	279п. 9%	318п. 19%	301п. 26%

Как видно, добыча платины вышеуказанными частными компаниями составляла почти 90% от всей добычи в Гороблагодатском округе, а в целом по Уралу в 1896 году составила более 60%. Официальная статистика показывает, что в совокупности Нижнетагильские и Исовские прииски давали 75-85% всей мировой платины. А с 1890-е гг. добыча здесь доходила до 92-95% мировой добычи, в то время как во всех остальных странах мира суммарная добыча платины до начала 20 века не превышала всего 10 пудов. (56). Тогда не трудно подсчитать, что почти 4-5-я часть платины, добытой в мире, приходилась на компанию Бурдаковых.

С 28 мая по 1 октября 1896 года в Нижнем Новгороде начала работу всероссийская промышленная и художественная выставка, общей площадью около 25000 квадратных саженей. Эта крупнейшая дореволюционная выставка в России уступала по своим размахам только Всемирной выставке в Чикаго, с той лишь разницей, что представлялись здесь исключительно российские предприятия. Среди посетителей были и министры, и послы иностранных держав, и царская семья. На выставке были продемонстрированы лучшие достижения начавшегося промышленного подъёма: от первой в мире гиперболоидной стальной сетчатой башни-оболочки В.Г.Шухова, первого автомобиля Яковлева-Фрезе и радиоприемника А.С.Попова до роялей «Шредер», «Беккер» и лучших образцов русской живописи и скульптуры. От известных на весь мир орловских скакунов и сортов пшеницы до нефтебуровых установок братьев Нобель.

Золотоплатиновую промышленность представляли более 20 крупнейших предприятий и промышленников. Общество «Амурские золотопромышленники» и Нижнетагильский округ наследников П.П.Демидова занимали отдельные павильоны, представляя модели золотопромывальных устройств, фото приисков, образцы песков, содержащих золото и платину. Крестовоздвиженские золотые промыслы гр. П.П.Шувалова доставили из Косьинских приисков образцы золотых и платиновых самородков, представляли диаграммы производительности и виды своих приисков. Верх-Исетские золотые промыслы графини Стенбок-Фермор выставили образцы самородков, образцы шлихового золота и золотоносных пород. Уральское и Томское горные управления полнейшим образом предоставили таблицы, фотографии и статистику по развитию в своих регионах золотоплатинового дела. Екатеринбургский золотопромышленник и меценат Гаврила Казанцев, представил новую модель золото-платинопромывального устройства – штосгерд. А горный инженер из Иркутска, один из первых инженеров

по дражной добыче золота, автор книги «Золотопромышленность Австралии, Тасмании и Новой Зеландии», Лев Александрович Перре (будущий управитель Косьинских приисков) – изобретенную им бочковую золотопромывальную машину.

Что же могло предложить товарищество Бурдаковых в противовес лидерам российской золотопромышленности? Но Бурдаковы были уже не теми, кем были четверть века назад, отправляясь с первой платиной в Петербург. Сейчас в их владении находилось более 30 платиновых приисков, разрабатываемых по рекам Ис, Вые и Туре, с численностью более 3000 сезонных рабочих и техников. Здесь же, в Нижнетуринской казенной даче, имелось еще 8 приисков, отведенных и ждущих обстоятельных геологических разведок. Им было что сказать и показать, и они это сделали. Изготовленные по заказу Бурдаковых в Нижнетуринском заводе, на выставку были привезены модели в масштабе 1/8 всех известных в то время платинопромывочных устройств: вашгерт, чаша (устроенная на Богоявленском прииске), бутара (Валериановский прииск), «американка» – усовершенствованный вашгерт с «многоступенчатой системой» извлечения металла, вагон для подвозки песка на промывку и даже одноковшовый плот-«пахарь» – первый примитивный прототип драги.

К просмотру предложена большая коллекция горных пород спутников платины, с собственных и соседних приисков: Журавлика, Бокового, Троицкого, Александровского, Артельного, Шуркина, Валерьяновского, Елизаветинского и других. Представлены самородки золота с Шуркиного прииска и все, что представляло интерес для геологии платины: шлихи, турфы, эфеля. Представлена географическая карта приисков компании Бурдаковых с указанием технической их оснащенности и показателями производительности. Для горных специалистов представлен альбом планов приисков Бурдаковых с профилями разрезов, выработок. Другой фотографический альбом освещал все стороны работы и приискового быта. Экспозиция же завершалась графической диаграммой всей платиновой промышленности России с момента начала Яковом Бурдаковым добычи платины, с 1869 по 1895 год., согласно которой общая добыча платины составила 514 пудов 11 фунтов 14 золотников! Песков же всего перемыто 103 926 000 пудов. А чтобы добраться до песков – убрано пустой породы 208 000 000 пудов!(57)

«Описание платинопромышленного дела Я.Н Бурдакова...», привезенное на выставку в количестве 1500 экземпляров на русском и немецком языках, разошлось почти полностью.

Экспертизу экспонатов и награждение участников проводил Главный комитет выставки и сам министр финансов С.Ю. Витте. Оценкой деятельности платинопромышленного товарищества «Я.Н.Бурдаков и сыновья» из Нижне-Туринского завода стала золотая медаль. Портрет основателя компании был помещен в Альбоме участников выставки.(58)

Для сравнения следует сказать, что по золотоплатиновой отрасли только инженер Л.А.Перре удостоился серебряной медали, Уральское горное управление – бронзовой, золотопромышленник Г.Казанцев – похвального отзыва, а такие гиганты, как прииски наследников Демидова и Шувалова, не получили ничего! Но главное было не в этом. Впервые на самом высоком уровне, государственным чиновникам Министерства финансов и Горного департамента, было заявлено о проблемах добычи, сбыта и обработки платины. Д.И. Менделеев в своей статье о выставке почти цитировал строки из «Описания...» Бурдакова-Гендрикова: «...Нижегородский «смотр» показывает сверх того, что сделано, и то, что еще не доделано и предстоит, потому что представляет... в некоторых областях дела, ...имеющие мировое значение. Триста пудов платины, ежегодно спрашиваемой для техники, почти целиком берутся на Урале, но уходят не переделываемые в Англию, которая, платя около 6000 рублей за пуд, сама берет за изделия по 10-15 тысяч рублей с пуда...»(59) Такой резонанс по проблемам промышленности вселял в Бурдаковых надежды.

После Нижегородской выставки Бурдаковы продолжали наращивать добычу платины. Открыты по реке Ис и заработали новые прииски: Симпатия, Фантазия и Идея. На р. Большой Гусевой, чуть выше Валерьяновского прииска, основаны приграничные прииски Полтава и Находка. Громкое название первого прииска дано К.Я.Бурдаковым, смысл его ясен. Только одна Полтава в первый же год разработки дала более 7 пудов платины. А вот название прииска Симпатия, вероятно, дано в честь молодой жены Капитона Яковлевича, Екатерины Дмитриевны Ларичевой, дочери екатеринбургского купца Ларичева – мукомола, входящего в десятку крупнейших торговцев хлебом в Екатеринбурге.

Надо заметить, что успеху дела Бурдаковых немало способствовало их особое отношение к своим рабочим. На приисках работали преимущественно местные уроженцы, выходцы из Вятской губернии, Шадринского и Камышловского уезда, татары и башкиры. Число их в сезон доходило до 3 тысяч, в то время как, например, численность работников Нижне-Туринского завода не превышала 600 человек.

«Те рабочие, что работают за поденную или месячную плату, продовольствуются от прииска... Отпускается мясо от ³/₄ до 1 фунта, смотря по роду работ, масла до 3-х золотников и крупа на кашу... до 1/3 фунта. В употреблении хлеба никаких ограничений не полагается, и в общем его идет около 4-х фунтов на рабочего. Хлеб приготовляется ситный и употребляется на второй день по выходе из пекарни. Мясо целый год употребляется свежее, за исключением начала весны..., т.е. до времени пригона скота из степных местностей... Цены на все припасы и товары ставятся не выше цен на заводском рынке (в Нижне-Туринске). Брать или не брать припасы из магазина, предоставляется на волю каждого».

В 1895 году сдельная зарплата составляла у забойщика летом, кроме вычетов «на хозяйское содержание» – 80 коп. за ½ кубической сажени в день. «Гонщик» за работу на приисковой лошади получал 60 копеек в день. Эти цифры почти сходны с зарплатой рабочих казенных Гороблагодатских заводов. Хлебопек-кашевар – женщина «на готовом содержании» получает 12 рублей в месяц. Женщина-прислуга на промывальных устройствах – 50 копеек, а подросток – 40 копеек в день. (60).

Для рабочих открыты 2 больницы на 16 кроватей. Центральная больница находилась на Николае-Святительском прииске и имела «запасное отделение для заразных болезней» на 4 койко-места. Другая больница находилась на самом дальнем прииске компании - Александровском. При каждой больнице находился дежурный фельдшер, и имелась аптека. Для сравнения следует упомянуть, что в Нижней Туре земско-заводской участок имел больницу лишь на 12 кроватей, без всякого инфекционного отделения. И если в самом передовом в отношении медицинского обслуживания Нижнетагильском округе Демидовых в 1895г. на врачебную помощь каждому работнику затрачено чуть менее 3-х рублей, то на приисках Бурдаковых эта цифра составляет около 4,5 рублей. Кроме того, для наблюдения и организации врачебной помощи Бурдаковы заключили контракт с доктором, выпускником Бернского университета в Швейцарии Болеславом Янковским - случай вообще небывалый.(61)

Преображался и вид приисковых селений, обживался край. Теперь, как замечал сам В.Я.Бурдаков, путешественник от Нижне-Туринского завода до Качканара «то и дело встречает приисковые постройки, из которых некоторые не испортили бы улицы порядочного городка. При постройках есть огороды, садочки и даже теплички... Если случайному или обязательному посетите-

лю приисков придется пользоваться гостеприимством..., то, кроме радушного приема и приличной обстановки, он найдет газеты и журналы, и даже библиотеки..., а в случае болезни ему будет оказана и медицинская помощь. Но что всего замечательнее для людей, знакомых с образом жизни и обстановкой первых частных золотоносных приисков, то это отсутствие всего того, что напоминало бы пьянство и разврат, с их циничной обстановкой. Палочной расправы с рабочими, которой сопровождалось каждое посещение приисков чинами полиции, теперь и в помине нет. Одним словом, цивилизация прочно привита к приисковой жизни, и в этом отношении ей могут позавидовать не только захудалые, но и порядочные городки».(62).

Было бы наивным считать Бурдаковых филантропами, которые без оглядки на «свой карман» старались сделать лучше жизнь людей и существующую обстановку. Сам Викторин Яковлевич предельно откровенно признавался: «Необходимость и даже неизбежность таких порядков и отношений, независимо от личных по-

Первый ряд: Бурдакова М.О., Бурдакова Руфина Яковлевна, Бурдакова Е.А. с сыном Сергеем, Бурдакова (Ларичева) Екатерина Дмитриевна.
Стоят: Бурдаков К.Я. и, предположительно, его сын

буждений нравственного свойства, вызывается тем, что контингент местных рабочих не мог удовлетворить запросу и в половину. Только при хорошей плате, вполне удовлетворительном питании, установлении и поддержании гуманных отношений промышленник может быть уверен, что ход его дела не будет нарушен... какими-нибудь недоразумениями, пререканиями или побегами рабочих...». И, не без гордости подчеркивая правильность выбранной «социально-бытовой политики» своей компании, он добавлял: «Впрочем... мы можем сказать, что история этой промышленности не подсказывает нам ни одного такого выдающегося случая».(63).

В 1894 году случилось еще одно замечательное событие. Корреспондент газеты «Екатеринбургская неделя» сообщал из Н-Туринского завода: «31 июля золотопромышленное Т-во «Я.Н.Бурдаков и сыновья» справляло на Николае-Святительском прииске 25-летие этого прииска. Прииск был открыт главой Т-ва и с тех пор работы на нем не прекращались... Празднование началось поднесением ценных подарков главе семейства от сыновей, родственников и служащих и молебном и сопровождалось обедом с тостами и речами. Из последних укажем на речь горного исправника, обращенную к владельцам, служащим и главным образом к рабочим: «...я здесь недавно, но много хорошего слышал о положении рабочих на приисках гг. Бурдаковых и о взаимных отношениях между рабочими и хозяевами. Теперь я лично убедился на самом деле, что слухи эти не преувеличены; радуюсь такому отношению и желаю, чтобы оно развивалось и продолжалось». Представитель Т-ва В.Я.Бурдаков сообщил в своей речи некоторые относящиеся к торжеству сведения и закончил речь словами, что в память такого знаменательного события Т-во решило на свои средства в Н-Туринском заводе устроить богадельню для престарелых увечных рабочих приисков. Со своей стороны мы уже слышали, в подтверждение гуманных отношений к своим рабочим Т-ва, что оно в недалеком будущем предполагает ввести на своих приисках и страхование рабочих. Если это осуществится, то будет едва ли не первым примером на Урале в частнопромышленной деятельности. Дай Бог, чтобы это осуществилось скорее и послужило бы примером для других золотопромышленников».(64).

Открытие «Николае-Святительской богадельни Я.Н.Бурдакова» осуществилось. По Уставу богадельни процент от банковского вклада Бурдаковых в сумме 15000 рублей шел на её содержание. (65). Следует учитывать, что это событие значительно опередило первые съезды золото- и платинопромышленников, на которых

вопросы страхования и подобных заведений еще только пытались выноситься на обсуждение.

Нельзя забыть и еще об одной важнейшей области общественной деятельности В.Я.Бурдакова. Как известно, в 1893 году в 3-х верстах от Нижне-Туринского завода, в зданиях бывшего оружейного завода было открыто Николаевское исправительно-арестантское отделение. Это учреждение было предназначено к исполнению наказания для лиц мужского пола с 17 до 60 лет, осужденных к заключению сроком до 4-х лет с обязательностью принудительных работ.

Главными работодателями для Николаевского отделения и потребителями арестантского труда являлись завод и прииски. Поэтому в состав директоров образованного «Верхотурского общества попечения о тюрьмах» (а создание таких попечительных обществ было обязательным по закону) был избран с 1895г. В.Я.Бурдаков. Он же являлся и попечителем Николаевского отделения. (66). На попечителе, помимо содействия облегчения участи заключенных и «заботы об их нравственном исправлении», лежала обязанность «восполнять своими пожертвованиями недостаток казенных средств, опускавшихся на содержание тюрем и арестантов». (67). На должность директора и попечителя Викторин Яковлевич избирался ежегодно и занимал ее вплоть до 1904 года.

Золотопромышленное дело по определению не могло быть «беззубым», и ясно, что Бурдаковы не полагали «зазорным» брать выгоду там, где ее увидят. Деловая хватка была жесткой, и использование арестантского труда на приисках обходилось хозяевам почти на треть дешевле, чем наем вольных работников. Но необходимо учитывать и то, что доход от арестантских работ в целом по Империи восполнял государственные расходы на содержание тюрем лишь на 10-14%, а дневной пищевой рацион арестанта в Николаевском отделении определялся лишь в 2,5 копейки. Заработок арестанта по законодательству делился на 2 части: первая (в размере 2/3 от заработка) шла в равных частях в доход государства и места заключения, вторая часть (1/3 заработка) – личное вознаграждение арестанта. Половину этого личного заработка арестант получал по освобождении, а другую половину, (но не более 10 копеек в день по закону) мог использовать сразу, например, на питание. По отчетам тюремного ведомства видно, что Николаевское отделение по средним заработкам на арестанта входило в пятерку лидеров по Империи, а в отдельные годы занимало и первое место из 30-32-х арестантских отделений. Заработок арестанта здесь почти в 2 раза превышал средний заработок по другим отделениям, а сами арестанты получали «приварочные» по максимуму – в размере от 7,5 до 10 копеек в день. (68). По уровню цен того времени эти деньги были им существенной поддержкой. Уровень такой, максимальной по закону, оплаты арестанту – несомненная заслуга В.Я.Бурдакова. Неслучайно поэтому в 1900 году Викторин Яковлевич был награжден шейной золотой медалью «За усердие» на Станиславской ленте от Министерства юстиции.(69).

Не оставался безучастным В.Я.Бурдаков и к проблемам образования. Когда Верхотурская земская управа подняла вопрос о необходимости открытия в Верхотурье женской прогимназии сметной стоимостью в 23265 рублей, то Викторин Бурдаков объявил, что пожертвует на это дело 3000 рублей – половину того, что ассигновала сама уездная управа в 1903 году(70).

Бурдакова (Ларичева) Екатерина Дмитриевна и Бурдаков Капитон Яковлевич, фото Метенкова В., ок. 1896г., Екатеринбург.

Попечительство в сфере образования еще более было характерно для младшего брата В.Я. Бурдакова. В 1899 году Капитон Яковлевич был избран членом Н-Туринского отделения Уездного Общества попечения о народном образовании. Через год К.Я.Бурдаков уже сам возглавил отделение и в течение трех лет немало сделал для поддержки школ и училищ Нижней Туры и волости. (71).

Значительно было расширено и собственное торговое дело Бурдаковых. Когда-то для основателя компании не золотопромышленная собственность служила гарантией от разорения, была источником дополнительного дохода и своеобразным резервом. Теперь развитие торговых операций было призвано обеспечить прииски всем необходимым, в основном продуктами питания для рабочих. Да и банки кредитоспособность владельца продолжали определять независимо от золотопромышленного предприятия и «измеряли другим имуществом кредитовавшегося».

По документам Пермской казенной палаты Министерства финансов, за 1896г. в Нижней Туре и волости было продано товаров на сумму около 167 тыс. рублей. На долю заведений Бурдаковых, из этой суммы приходится 57 тыс. рублей – почти третья часть торгового оборота. Крупнейшие торговые склады Бурдаковых находились на Валерьяновском и Боковом приисках. Первый с годовым оборотом более 20000 рублей, а второй – более 12000 рублей. Имелось торговое заведение и в Кушве с оборотом более 10000 рублей. Для сравнения, в том же году доход от всех торговых заведений в Верхотурье составил 37,5 тыс. рублей, в В-Туринском заводе – 45 тыс. рублей, в г. Алапаевске – 64,5 тыс. рублей, в Кушвинском заводе – 136,8 тыс. рублей.(72)

Но Бурдаковы оставались в первую очередь промышленниками. Они ясно понимали, что если остановиться на уровне достигнутого сегодня, то завтра последует неминуемое падение всего дела. «Если мы останемся в том же положении безучастности к тому, что нас ожидает в будущем, то этим только докажем, что «русский человек задним умом крепок...» - писал В.Я.Бурдаков.(73). Большое число агентов - скупщиков платины от различных иностранных фирм, «посыпавшихся как сор из дырявого мешка» на Исовские прииски, представляло серьёзную опасность. Стоимость пуда платины к 1897г. достигла 10300 рублей (74), и эта массовая, совершенно законная скупка металла вызывала огромный приток в долины Иса старателей. Многие из таких новоявленных дельцов, намывая за сезон 2-8 фунтов платины, были вполне довольны жизнью. Их невозможно было организовать для принятия единой общей политики промышленников, и ситуация эта была очень выгодна для иностранцев.

Видимо, не случайно поэтому, Бурдаковы обращают внимание на север Верхотурского уезда и делают ставку на золотой промысел. Для этого в 1897 году была основана новая компания «Братья Бурдаковы» с намерением вести разведку и добычу золота в Северо-Верхотурском округе, а также в Лялинской казённой даче. Обязанности распорядителя новой компании теперь легли на Капитона Яковлевича, т. к. старший брат находился в постоянных разъездах.

В конце концов, Уральское Горное Управление не могло более не замечать проблем в отрасли и выступило с инициативой проведения в Екатеринбурге общего Съезда золото-платинопромышленников Урала, который и состоялся летом 1897 года. А чуть позже, в октябре 1897 года, Правительством было утверждено «Положение

об организации и круге занятий местных и общих съездов золотопромышленников». Огромный вес Бурдаковых в деловых кругах Урала и их деловая репутация не замедлили сказаться, и на І Екатеринбургском Съезде золотопромышленников Урала настоящая персона «grata» – Викторин Яковлевич Бурдаков избран заместителем председателя Совета съезда.(75). Капитон Яковлевич представлял интересы промышленников на местных съездах, первый из которых собрался в ноябре 1897 года в Кушве.(76).

Первые съезды подняли важнейшие «старые» вопросы: строительство на Урале аффинажного завода, оказание помощи от правительства в отношении геологических исследований, создание специального банка для кредитования промышленников, пресечение хищения золота и платины, страхование рабочих и учреждение общей вспомогательной кассы, подготовка специалистов для золото-платиновой отрасли. Горячо обсуждался вопрос и о введении государственной монополии на скупку платины, что даст государству огромные прибыли. Но ходатайства Совета съезда отправлялись в правительственные учреждения и, по преимуществу, оставались без ответа либо возвращались назад.

Забегая вперед, следует отметить, что Екатеринбургская биржа заработала только с 1904 года, аффинажный завод был постро-

ен лишь в конце 1916 года. Тогда же открылся и Золотопромышленный Банк, но и тогда, по заявлению промышленников, банк этот «кроме названия, ничего общего с золотопромышленностью не имел».(77).

В такой ситуации Викторин Яковлевич видел только один выход: «Нам необходимо озаботиться открытием той горной породы, которая для образования россыпей в долине Иса была и есть коренною породой... Содержа-

Зайцев Алексей Михайлович – геолог, профессор минералогии Томского университета

ние россыпей понижается..., работы развиваются в поражающих размерах...».(78).

Следует указать, что в 1885-1887 годах Николае-Павдинскую дачу и частично район Исовских приисков осматривал талантливый геолог Алексей Михайлович Зайцев. И вот, не дожидаясь поддержки со стороны горного ведомства, Бурдаковы начинают вновь переговоры с томским профессором Зайцевым на предмет поиска коренного месторождения платины по системам рек Иса и Выи, составлением геологической карты месторождения. Зайцев вновь прибыл на Урал и обследовал все прииски Бурдаковых. Уже в начале 1898 года в Томске вышла из печати на русском и немецком языках работа А.М. Зайцева «Месторождения платины на Урале». В предисловии книги профессор-геолог пишет: «Настоящая работа является результатом исследований, произведенных в 1897 году по поручению Платинопромышленного Товарищества Я.Н.Бурдакова с сыновьями... Считаю долгом выразить особенную признательность инициатору дела В.Я.Бурдакову: любезно предложенные им средства на издание этой работы дали возможность снабдить её геологической картой, рисунками, большей частью с фотографий К.Я.Бурдакова».(79). В рапорте директору Горного департамента вице-директор Васильев докладывал, что работы Зайцева, произведенные исключительно на средства компании «Я.Бурдаков и сыновья», выполнены, и результаты уже опубликованы. Он просил продолжить исследования. Но и этот рапорт остался без ответа. (80).

Активизация русских платинопромышленников и созыв съездов, с их «страшными» для иностранцев требованиями изменить существующий порядок вещей в своей отрасли, разумеется, не могли остаться для последних незамеченными. Сейчас момент был самый подходящий – Россия вступала в эпоху акционирования и привлечения иностранных инвестиций. С другой стороны, русские финансовые компании, в лице столичных денежных воротил, таких, как Л.Поляк, Л.Крон, А. Колли, А.Гинцбург, Шпенеманн и др., также пристально следили за ситуацией в платиновой отрасли.

29 февраля 1899 года открыло свои действия АО «Платина» с русским уставным капиталом в 1200000 руб., во главе с А.Я.Колли, Б.М.Кричевским и др. В состав предприятия вошло 58 приисков (Исовский район) с главным управлением в Нижне-Туринском заводе и Правлением в СПБ.(81). В декабре 1898 года в Париже была основана, а в марте 1899 года открыла свои действия в России «Платино-промышленная анонимная Компания», которая своими целями декларировала добычу золота и платины в Империи, «на

приобретаемых от виконта де-Проэнса-Виейра приисках, находящихся в Верхотурском уезде Пермской губернии, а также устройство и эксплуатацию в г. Екатеринбурге платино-очистительного завода».(82).

Переговоры представителей Анонимной Компании и компании Колли о продаже приисков коснулись всех местных промышленников, крупных и мелких. Одними из первых, АО «Платина» были проданы прииски Переяславцевых. Но большинство промышленников склонялось к продаже приисков именно французам, заявлявшим о постройке долгожданного завода. Привлекало и то обстоятельство, что в состав высшего руководства Анонимной Компании вошли также и «свои», русские представители. Такие как, например, вице-председатель компании дворянин И.П.Бартенев – сын известного историка, пушкиноведа и редактора журнала «Русский архив» П.И.Бартенева. По слухам, гулявшим среди промышленников, около половины акций этой новой компании сосредоточивалось у российских держателей. Среди них были высокопоставленные сановники (К. Скальковский – экс-директор Горного департамента, заводчик-князь С.С. Абамелек-Лазарев, банкиры А. Гинцбург и Л. Крон и др.). Кроме этого, уставной капитал анонимщиков составлял 16 млн. франков, и они предлагали за прииски более высокую цену.

Несомненно, что хваткие дельцы и хорошие аналитики Викторин и Капитон Бурдаковы всесторонне просчитывали все варианты развития дальнейших событий и свои возможности. Внешние обстоятельства складывались не в пользу их семейного дела. Надежды на открытие коренного месторождения не оправдались, и исследования А.Зайцева в этом вопросе поставили больше вопросов, чем ответов. Слова В.Я.Бурдакова об иностранцах, которым и были, в конце концов, проданы прииски, высказаны предельно откровенно:

«Если нас не возмущает борьба противоположных интересов, борьба, которую следует признавать законною с точки зрения экономических теорий, то этим мы обязаны взглядам, привитым нам частью воспитанием, а частью самой жизнью. В каждой борьбе предполагается две силы, из которых одна подчиняет другую. А нас приучили преклоняться перед силою, будь то сила капитала, ума или таланта. А также сила знания жизни и людей, и умение пользоваться обстоятельствами. Или сила хитрости, пронырства, умения поставить противную сторону в безвыходное положение и условия, не стесняясь ограничениями нравственного свойства.

Вот поэтому мы воздерживаемся от всякого упрека в сторону иностранцев, преследующих свои личные выгоды... Политика иностранцев-покупателей по отношению к нам, продавцам, с точки зрения их личных выгод, отличается глубоким знанием дела и людей, тонкой практическою предусмотрительностью. Если они не кормят нас досыта, то тем не менее прекрасно понимают, что заморить нас голодом для них же и невыгодно: таких покорных и усердных работников они не найдут ни в одной из наций..., находящихся на соответствующей нам степени развития...».(83).

Трагедия русской платины заключалась в том, что её открытие и разработка месторождений случились задолго до того, как уровень науки и техники России потребовал этот металл. Словно предчувствуя, сколько обвинений в «разграблении» и продаже за бесценок иностранцам достояния будущей Советской Республики обрушится совсем скоро на головы пионеров платинопромышленности, Викторин Яковлевич не без горечи замечал: «По местонахождению россыпей платины, металл этот мы вправе назвать русским национальным богатством... Но в результатах добычи этого металла всего менее заинтересованы сами русские, за исключением, конечно, платинопромышленников ... По ходу добывающей и обрабатывающей промышленности только русские, как продавцы, и могли удовлетворить мировой запрос на платину, и только иностранцы и могли быть покупателями её». (84).

Продажа приисков вызвала большой резонанс «прогрессивной» общественности. Редакция петербургской газеты «Неделя», далекая от проблем в платиновой отрасли и замечая только меркантильные интересы промышленников, опубликовала письмо из Н-Туринского завода, попутно не позабыв «выстегать» платинопромышленников:

«...Золотопромышленники, сообразуясь с духом времени, кричат, что они служат отечественной промышленности. А как они служат отечественной промышленности, показывает то, что сейчас ведутся переговоры о продаже приисков французам: они предпочитают отрезывать купоны, чем пачкаться в земле. И продают только потому, что цену дают хорошую. Бурдаковы продают за полтора миллиона, Андреевы за 900 тыс., Кенигсбергер за 600 тыс. и Конюхов за 400 тыс.».(85).

Итак, в 1898-1899 годах «платиновое дело» Бурдаковых было продано Анонимной Компании. Именно их прииски и стали одним из краеугольных камней, на которых возникла франко-бельгийская платиновая империя, контролировавшая к 1917 году до 70%

добычи и сбыта русской платины. Надежды русских платино-промышленников на лучшее не оправдались, и уже в 1903 году собравшийся очередной съезд золотопромышленников Урала всё расставил на свои места. Оказалось, что контрольный пакет акций Анонимной Компании находится у французской промышленнофинансовой группы И.Боннарделя, а завод по очистке платины, вместо Екатеринбурга построен под Парижем в Сен-Дени. Заводом распоряжался «Синдикат потребителей платины», который и диктовал цены за аффинаж, и в который вошли почти все скупщики и аффинеры Франции, Бельгии, Германии и США и Англии.

Отныне больше ничего не связывало Бурдаковых с Исовскими приисками и Нижне-Туринским заводом. В период 1899-1903 гг. их семейства покидают Нижнюю Туру.

Капитон Яковлевич с семьей и престарелыми родителями перебрался в Екатеринбург, где приобрел дом, ранее принадлежавший родственникам его жены Ларичевым, на Колобовской улице. Ныне дом этот, названный по фамилии первой его владелицы Селивановой на улице Толмачева является, пожалуй, самым известным памятником деревянного зодчества Екатеринбурга. В народе он зовётся «Пряником». Сейчас там школа юных архитекторов и приёмная комиссия архитектурной академии.

Последние известные сведения в Нижней Туре о Якове Николаевиче Бурдакове относятся к 1899-1900 годам. (86) Известна фотография, сделанная в Екатеринбурге в 1902-1903 гг., где предположительно изображен Яков Николаевич. Точная дата и место смерти его не выяснено. Последнее известное фото его жены Марии Осиповны, находящееся в семейном архиве потомков Бурдаковых, сделано в екатеринбургском доме Капитона Яковлевича. (87).

Семья Викторина Яковлевича – жена Елизавета Александровна с матерью (Александра Егоровна Костарева), дочери Екатерина (1889 г.р.), Валентина (15.09.1891 г.р.), Мария (1895-1896 гг.р.), Александра (189? г.р.), сын Сергей (1899 г.р.) – окончательно уезжают из Н.Туринского к 1903г. В Нижней Туре остается лишь одно небольшое торговое заведение, зарегистрированное на Елизавету Александровну. Оно существовало до 1907-1908 гг. То есть, вероятно, до тех пор, пока дом Бурдаковых в Нижней Туре не был «продан наследниками Я.Н.Бурдакова» крупным местным купцам-хлеботорговцам, братьям Задворных.(88)

Врачи Бурдаковы

Что касается младшего сына Я.Н.Бурдакова, то интересно заметить следующее обстоятельство. Среди выявленных документов нет ни одного свидетельства об интересе к платинопромышленному делу Александра Бурдакова-младшего. Известных биографических данных о нем немного, хотя личность его интересна.

Александр Яковлевич родился в Нижне-Туринском заводе 8 декабря 1877 года Воспреемниками его при крещении были родные брат Викторин и сестра Руфина. Образование он получил в Екатеринбургской гимназии, где «поведение его было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков удовлетворительная, прилежание удовлетворительное и любознательность

Бурдаков Александр Яковлевич (младший)выпускник Екатеринбургской гимназии, фото Терехова Н., ок 1897г.,

удовлетворительная». (89) После окончания 8-го дополнительного класса гимназии по личному прошению «верхотурский 2-й гильдии купеческий сын» Александр Яковлевич был принят в Императорский Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет естественных наук, «на котором слушал курсы: по химии, зоологии, сравнительной анатомии, ботанике, минералогии и геологии, физике и физической географии, подвергался испытанию из Богословия». (90).

Однако после четырех семестров обучение в университете пришлось прервать. Причиной этого стало участие А.Я. Бурдакова «в демонстрации на набережной Невы, против здания университета 31 марта 1899 года».(91). Последствия этого обстоятельства видны из прошения на имя ректора университета самого «бывшего студента Александра Яковлева Бурдакова»:

«Будучи выслан 2 апреля сего года из Санкт-Петербургской пересыльной тюрьмы (в оной находился 2 дня) на родину (в Нижнетуринский завод), я до сих пор не имею никаких документов, а также и известий относительно моего положения; а посему покорнейше

прошу уведомить меня, принят ли я вновь в число студентов СПБ университета, а если принят, то могу ли надеяться держать осенью экзамены для перехода на 5 семестр.15 июня 1899 года. Нижнетуринский завод».(92).

Лишь весной 1900 года, после запроса Верхотурского уездного по воинским делам присутствия и местного Полицейского Управления в Департамент Министерства народного просвещения «об участии Александра Бурдакова в беспорядках 1899 года», ректор университета уведомил Попечителя СПБ учебного округа, что Бурдаков «не принадлежит к числу лиц, уволенных за беспорядки весною прошлого года». Александр Яковлевич был восстановлен в университете и, как видно, не зря.

В 1902 году студент А.Я.Бурдаков представил сочинение-исследование по воздействию органических кислот и щелочей на нервные клетки организма. Здесь, как отмечено комиссией факультета, «автор обнаружил высокую наблюдательность и качества серьезного исследователя..., получены очень ценные результаты», а сами исследования проведены «с большой точностью и вниманием». Физико-математический факультет, «принимая во внимание те высокие качества работы... которые заставляют признать ее за вклад в науку..., признал достойным награждения золотой медалью автора сочинения... Александра Бурдакова».(93). В 1903 году А.Я.Бурдаков закончил обучение с дипломом первой степени физико-математической испытательной комиссии при Петербургском университете. Ректор и Инспектор студентов отмечал и то обстоятельство, «что он, Бурдаков, ...после обратного приема в университет ни в чем предосудительном замечен не был», и «неблагоприятных в политическом отношении сведений о нем в делах Управления Градоначальника не имеется». Поэтому Физико-математический факультет в заседании своем от 26 сентября 1903г., уважив просьбу самого студента, принял решение оставить его в СПБ университете на кафедре физиологии, зоологии и сравнительного анализа «для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности по кафедре физиологии с 1 сентября 1903 года на 2 года».(94).

До 1910 года этапы биографии А.Я.Бурдакова неизвестны. Но с 1911года и до 1917-го он отмечен как «врач по нервным болезням», который проживал в доходных домах Москвы, на Неопалимовской и Остоженке, а с 1916 года в Троицком (ныне Померанцевом) переулке, №3. Кроме того, адресный справочник Москвы показывает, что с 1911 года по тем же точно адресам проживала и некая Ма-

рия Константиновна Бурдакова – «врач по женским болезням». А с 1916 года она указана даже владелицей «собственного» дома №3 в Троицком переулке.(95). Дом этот ныне является памятником архитектуры и известен тем, что в советское время в нем проживали С.А.Есенин и внучка великого писателя, С.А.Толстая.

Мария Константиновна происходила из старинного рода священнослужителей Бардаковых, отмеченных еще в документах XIII в. в храмах Тобольского и Верхотурского уездов. (96). Со временем, а возможно, с тех самых пор, как Константин и Евгений – сыновья священника Нижнетагильского завода Смарагда Семеновича Бардакова – избрали своим занятием светскую служ-

Бурдакова (Бардакова) Мария Константиновна, фото Бочкарева И., ок.1893, Н-Тагил.

бу и дослужились до высоких чинов на демидовских заводах, фамилия их стала писаться более благозвучно – Бурдаковы. Отец Марии, «священнический сын» и выпускник уездного духовного училища Константин Смарагдович получил звание потомственного почетного гражданина и был крупным чиновником в Нижнетагильских заводах. Он возглавлял Распорядительный Стол (канцелярию) заводов округа. Его брат, Евгений Смарагдович здесь же занимал должность управляющего заводскими рудниками, имел бронзовую медаль Парижской выставки 1900 года.

Как видно из материалов личного дела М.К.Бурдаковой, родилась она в 1876 году в Нижне-Тагильском заводе. После обучения в заводском училище окончила курс Екатеринбургской женской гимназии с правом служить домашней наставницей по математике. По окончании курса жила у родителей и два года занималась частными уроками, поступила учительницей в народную земскую школу. Некоторое время служила в земской Н.Тагильской больнице в качестве сестры милосердия. «В августе месяце 1898 года приехала в Петербург в надежде на поступление в Медицинский Институт, но, получив отказ за неимением вакансии, поступила в

Школу лекарских помощниц и фельдшериц». (97) Наконец, в 1899 году, имея стипендию (без обязательств отслуживать) от князей Сан-Донато Демидовых, Мария Константиновна была принята слушательницей Женского Медицинского Института, курс которого и окончила в 1904 году. (98)

Позднее в Москве, «частнопрактикующий врач» М.К.Бурдакова тесно сошлась с членами-представительницами «Всероссийского союза женского равноправия», более известного позднее как «Всероссийская Лига равноправия женщин». Лига открыла свои филиалы во многих городах, и ее участницы, производя на рядовых обывателей довольно

пугающее впечатление своими взглядами, активно выступали за предоставление женщинам избирательных прав, против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни. Под воздействием лидеров А.П.Философовой, Е.Н.Щепкиной, М.А.Чеховой и других, Мария Константиновна настолько активно включилась в это движение, что стала активным членом Лиги и даже до такой степени, что была избрана председателем Московского отделения Лиги равноправия. (99) В сентябре 1917 года она в качестве делегата от Московского отделения Лиги принимала участие во Всероссийском Демократическом Совещании в Петрограде.

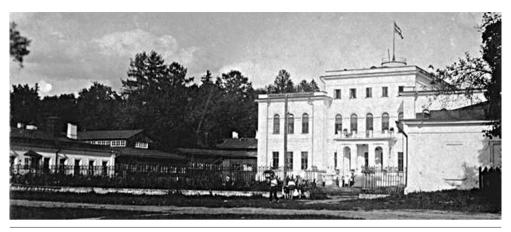
Из истории становления советского здравоохранения города Симферополя известно, что с 1923 году должность старшего (главного) врача Первой Советской больницы – бывшей Городской больницы (ныне Республиканская клиническая больница им. Н.А.Семашко) занимала именно М.К.Бурдакова. (100)

Как знать, возможно, и следы Александра Яковлевича тоже нужно искать в Крыму? Как видно, есть веские косвенные основания полагать, что она и являлась женой Александра Яковлевича. Общность профессиональных интересов, либерально-демократические взгляды, возраст, происхождение и адреса проживания – все позволяет допустить такой вывод. Однако прямых документальных подтверждений факта брака врачей-однофамильцев Бурдаковых пока до сих пор не выявлено.

«О моей личности можно справиться в Горном Департаменте...».

В 1899 году в Верейском уезде Викторином Бурдаковым была куплена старинная усадьба «Богородское» при одноименном селе, принадлежавшая когда-то министру финансов эпохи Александра I, графу Гурьеву.

Усадьба В.Я.Бурдакова «Богородское» в Верейском уезде под Москвой, известная в 1930-х гг., как Дом отдыха №6 (уничтожена в период войны 1941-45гг).

Интересно отметить, что это новое имение В.Я.Бурдакова заинтересовало даже самого Великого Князя Константина Константиновича Романова. В 1903 году Придворная Контора рассматривала вариант его покупки за 300 тыс. рублей у верхотурского купца. Благодаря этому сохранились планы и описание усадьбы придворным архитектором. Позже в ней размещался Дом отдыха №6, а в период войны 1941-1945 гг. усадьба была совершенно разрушена. До нашего времени дошли остатки парка, несколько хозяйственных построек.

«Дом каменный в 2 этажа расположен довольно высоко, с чистым двором, на который выходят 2 флигеля, и отделен от улицы железной решеткой. Вокруг дома разбит очень большой парк, сильно запущенный. Дом по размерам очень хорош. Комнаты все большие, высокие, 7 с четвертью аршин, отделаны довольно просто, но все чисто и меблированы старинной мебелью, с паркетными полами и очень высокими окнами; дверные и оконные переплеты дубовые, с медными приборами... Как в комнатах, так и в парке есть несколько мраморных вещей. В парке довольно большая ваза, а в передней очень хорошая собака со щенками, должно быть, итальянской работы. Дом тоже, как говорят, построен итальянским архитектором, что очень вероятно как по плану, так и по некоторым конструкциям...

В первом флигеле помещаются службы, кухня, пекарня и прачечная и баня, а левый устроен для гостей... Кроме того, на другой стороне улицы есть каменный флигель в 2 этажа, в 20 комнат... Так что в этом имении помещений можно получить больше, чем в

других... В парке устроены очень красивые, но, конечно, запущенные, пруды с мостиками и полусгнившими беседками... Из других построек здесь конюшня, каретный сарай, дома для служащих, птичник, амбар, прачечная и сенной сарай; хотя все постройки каменные, но требуют большого ремонта... Имение, как видно, очень запущено и хозяйством никто не интересуется. Оно куплено этим владельцем 4 года тому назад, дом приведен в порядок, но для имения ничего не сделано...».(101)

До 1912 года эта усадьба принадлежала Бурдаковым. (102). Летом семья жила в имении, а зимой выезжала в Москву, на квартиру в доходном доме Перлова в Путинковском переулке. Позднее Бурдаковы жили на Страстном бульваре, в доме Кирикова. (103).

Спокойная жизнь состоятельного московского буржуа была не для верхотурского купца. Коммерческий и финансовый мир старой столицы раскрыл все выдающиеся способности уральского предпринимателя. Немалую роль здесь сыграли связи, имя и капитал. Сибирь, Закаспийский край, Кавказ требовали инвестиций в разработки своих богатств: золота, серебра, меди, свинца, угля и нефти. Томское горное правление, например, регулярно проводило торги участков для изысканий и разработки ископаемых. Богатейшие земли Кабинета Его Величества по р. Шилке в Забайкалье также сдавались в разработку на концессионном праве. Получив такое право, концессионер сам (если позволяли средства), или, формируя компанию капиталистов, приступал к поиску ископаемых, разрабатывал отводы и строил предприятия.

11 октября 1909 году открыло свои действия Российское Горнопромышленное Комиссионное Общество (РОСГОРН), созданное как дочернее предприятие Азово-Донского банка для посредничества по покупке и продаже месторождений полезных ископаемых, производства разведок, а также для устройства и эксплуатации промышленных предприятий. В деле же привлечения иностранных капиталов к финансированию русских предприятий главную рольстал играть созданный в 1911 году в Лондоне, при участии РОСГОРНа, Международный русский синдикат. В состав последнего входили русская, американская и английская финансовые группы. Во главе РОСГОРНа встал М.М.Федоров – председатель совета Азово-Донского банка, бывший министр промышленности и торговли Империи.

В начале мая 1907 года на стол Земельно-Заводского отдела Кабинета Его Императорского Величества (Кабинета ЕИВ) легло письмо следующего содержания:

«Занимаясь с ранней молодости золотопромышленностью сперва в делах нашей семьи, а потом на собственных приисках и владея таковыми на Урале и в настоящее время, я хотел бы расширить свои дела, занявшись золотым промыслом на землях Кабинета ЕИВ в Нерчинском округе, почему имею честь просить о предоставлении мне права производства разведок, а в будущем и разработки избранных мною по разведке мест, содержащих золото и другие полезные ископаемые в районах: между реками Аргунью и Амазаром, включая и в обе стороны реки Шилки с притоками от впадения ея в Амур и до реки Горбица, а также и северную часть Борщивочного хребта.

Кроме того, я просил бы разрешить мне осмотр других приисков в Нерчинском округе через рядчиков, для выбора из них тех, применение к которым современных способов работы могло бы дать полезные результаты. Срок разведки прошу назначить двухлетний с тем, что, если я выполню его добросовестно, продолжен он мне будет еще на 2 года. Я принимаю на себя обязательство уплачивать, кроме попудного отчисления, еще и подесятинную плату за землю, отведенную мне под работы. За лес, необходимый мне для работ, буду платить по казенной таксе. При постановке разведок и работ рассчитываю воспользоваться всеми новейшими усовершенствованиями, не останавливаясь перед затратами и опираясь на много лет опыта в такого рода делах. По открытии других полезных ископаемых буду входить с Кабинетом в особые соглашения об их разработке. По первому требованию Кабинета я могу внести сумму, какую Кабинет признает нужной в обеспечение серьезности моих намерений. О моей личности можно справиться в Горном Департаменте.

Золотопромышленник Викторин Яковлевич Бурдаков. Санкт-Петербург. 2 мая 1907 года. Адрес: Европейская гостин., № 67».(104).

Уже 15 мая доверенный Бурдакова – сам Иван Петрович Бартенев – получил удостоверение в том, что «Викторину Яковлевичу Бурдакову разрешено производство поисков и разведок золота на исключительном праве в трех районах Нерчинского округа», по притокам р. Шилки, в междуречье Шилки и Аргуни, на участках Борщивочного хребта. (105). Однако по результатам осмотра местности своим управляющим Тележниковым В.Я.Бурдаков от поисков отказался. Но на следующий год он вновь обратился в Кабинет ЕИВ, «желая продолжать разведки на золото... по системе рек Онона, Бальджи и других». И вновь после обследования района компаньоны от разведки отказались. (106).

Было ясно, что времена изменились и без привлечений очень крупных капиталов подобные попытки обречены на неудачу. И вот 2 апреля 1910 года начальник Нерчинского округа извещался телеграммой из Кабинета ЕИВ, что «Бурдаков и генерал Осипов формируют компанию капиталистов и просят не передавать другим до середины мая концессии литер «Г» (по р. Белый Урюм) и «Д» (по р. Куенга). Ходатайствую уважить просьбу, уведомив меня телеграммой. Хлыновский».(107). Как видно, в компании с В.Я.Бурдаковым выступал теперь генерал-майор А.И Осипов, опытный полярный гидролог, бывший флагманский штурман Тихоокеанской эскадры и крейсера «Ретвизан», герой Цусимы и Городской голова г. Нарва, меценат. И не только он.

Как сообщал в Кабинет ЕИВ сам В.Я.Бурдаков, «ныне мы включаем Михаила Михайловича Федорова соучастником помянутых концессий и все дальнейшие вопросы, связанные с реализациею оных, отныне разрешаются нами тремя совместно, как равноправными участниками дела. Вместе с тем мы по соглашению с М.М.Федоровым предоставляем РОСГОРНу исключительное право вести переговоры и вступать в соглашения с капиталистами для разработки означенных концессий или передачи оных капиталистам на условиях, какие будут признаны нами и М.М.Федоровым сообщества с РОСГОРНом подходящими. Все расходы по осуществлению данного поручения производит Общество и в вознаграждение за труды получает совместно с М.М.Федоровым 25% всех сумм или ценностей, какие поступят за концессии... Вступив через посредство М.М.Федорова в переговоры с одним из банков..., мы сообща решим вопрос о размере и прочих условиях участия банка в нашем предприятии».(108)

После этого в Сибирь «в наивозможно короткий срок» выехал горный инженер РОСГОРНа, и к ноябрю 1910 года концессионерам был представлен обширный отчет. (109). Было получено заключение, что «наиболее ценными участками обоих концессий, имеющими промышленное значение, являются – местность в верховьях Б. Урюма и Арчикойского гольца (золото россыпное и жильное), а также Алецарская котловина между верховьями Куэнги и Алеура (каменный уголь)...». (110).

Венцом деятельности коммерсанта и концессионера В.Я.Бурдакова по праву можно считать приобретение угольных копей Экибастуза, медно-цинковых и серебро-свинцовых рудников северо-восточного Казахстана. Несметные богатства Рудного Алтая, находившиеся в личной собственности царской фамилии,

стали объектом соучастия, приложения и сотрудничества русского и иностранного банковского капитала.

Как известно, первым приступил к добыче угля и полиметаллических руд еще в 90-х гг.XIX в. павлодарский купец 1-й гильдии А.И.Деров. Вблизи озера Балхаш им был основан свинцово-серебряный Гульшатский завод с рудником, еще ранее Ашимовский свинцовый и медный рудник Конурат. Позже Деров закладывает первую разведывательную шахту в урочище Экибастуз. В 1899 году им была создана компания «Воскресенское акционерное горнопромышленное общество» по разработке Экибастузского угольного месторождения, закончено строительство однопутевой железной дороги от Экибастузских шахт до пристани на Иртыше (Ермак, а ныне Аксу) протяженностью 116 км, пущен медеплавильный завод, расположенный рядом с Экибастузом.

Но уже в 1903 году Воскресенское общество из-за отсутствия оборотных средств обанкротилось. К тому же после большого пожара прекратил существование и Вознесенский завод. В результате таких обстоятельств Деров утратил практический интерес к сделанным заявкам на рудные месторождения.

Выпавшее из рук Дерова «воскресенское дело» подобрал В.Я.Бурдаков. Понимая, что полиметалические рудники и угольные шахты станут со временем единым основанием для создания комплекса металлургических предприятий целого региона (а при интересе иностранцев это случится в самом скорейшем времени), Викторин Яковлевич активно включился в скупку отводов, рудников и копей в Семипалатинском уезде.

В июне 1910 года концессионер Б.М.Сарач, крещеный караим и городской голова Евпатории, приобрел в Томском горном правлении 20 рудников и угольных копей, включая большей частью рудники и копи Дерова. В их числе Сарач приобрел Гульшадский и Ашимовский рудники, заключил договор с РОСГОРНом о их реализации. Сделка по приобретению была профинансирована в большей части В.Я.Бурдаковым, который «делая означенные взносы, получил право на участие, как в самом предприятии, так и во всех выгодах от оного». А через два года все права и обязанности на эти рудники уже были окончательно переданы В.Я.Бурдакову.(111)

Присоединив к рудникам и копям Сарача свои приграничные, лично приобретенные смежные отводы, Бурдаков заключает 3-летний арендный Договор с горным инженером И.М.Субботиным с условием исследования района, эксплуатации и образования им акционерного общества. По договору «Субботин обязан уплатить Бурдакову

900 рублей в возмещение расходов по оплате повинностей по месторождениям за текущий год... Субботин обязан уплачивать Бурдакову арендную плату за поступившие в его пользование месторождения: за 1914 г.- 4000 р., за 1915 г.- 6000 р., за 1916 г. – 8000 р....

За выплавленные свинец и серебро... он обязан уплачивать Бурдакову по 15 копеек с каждого пуда свинца и 35 рублей с каждого пуда серебра..., обязуется представлять подробные отчеты о количестве добытой руды. С момента подписания настоящего договора Субботин обязан образовать Акционерное Общество для эксплуатации арендуемых рудников. При образовании этого Общества Субботин обязуется уплатить Бурдакову 10% всего основного капитала, из коих 1\3 наличными, а 2\3 вполне оплаченными акциями этого предприятия».(112).

Отдельным письмом Субботину В.Я.Бурдаков пояснял, «что в случае образования Вами Акционерного Общества размер основного капитала должен быть не менее 4 миллионов рублей, причем, не менее 40% этого капитала должны представлять собою реальный рабочий капитал. Если же Вы предпочтете уплатить вознаграждение наличными деньгами, то имеете право взамен процентного вознаграждения уплатить мне наличными 400 тысяч рублей. И в этом случае вопрос о размере основного и рабочего капитала предоставляется всецело Вашему усмотрению». На все условия И.М.Субботин выразил согласие, и сделка состоялась.(113). Как известно, тогда было образовано акционерное общество «Серебросвинец».

Одновременно с этой сделкой Бурдаков, не без помощи М.М.Федорова, интенсивно вел процесс группировки в одних сво-их руках прав на угольные копи Экибастуза и прилегающие к ним отводы. Экибастуз крайне интересовал не только РОСГОРН, но и Русско-Азиатскую Корпорацию. А за последней, как известно, сто-ял небезызвестный Лесли Уркварт – крупный промышленник и представитель британской финансовой олигархии.

Имея собственные права на 16 угольных копей в районе Экибастуза, а также на оставшиеся некоторые рудники и копи после сделки с Б.М.Сарачем, Викторин Яковлевич приобретает права у О.С.Деровой на оставшиеся за Воскресенским обществом копи и отводы. Также одновременно Бурдаков заключает договор с горным инженером А.П.Ивановым по приобретению заявок на вновь открытые им в 1912г. месторождения угля вблизи Экибастуза.(114)

Крайне интересна переписка доверенного РОСГОРНА в Москве, юриста О.Гольдовского о ситуации вокруг Бурдакова и Экибастуза.

«19 марта 1912 года. В Правление Росгорна. Препровождаю при сем копии трех дополнительных свидетельств, выданных на имя О.С.Деровой. Из свидетельств Вы видите, что владение группы В.Я.Бурдакова, имеющей 22 отвода, увеличивается еще в 1 и 1/2 раза, то есть к ним присоединяется еще 12 кв. десятин, или 1200 десятин, захватывающих ту местность, которая и интересует Дарси и Эзара.Гольдовский».(115).

«19 марта 1912 года. В правление Росгорна. Вчера состоялось собрание Московской группы по поводу реализации Экибаса, и я уполномочен сообщить Вам следующее. Московская группа считает необходимым прежде всего сделать передачу принадлежащих Сарачу прав на имя В.Я.Бурдакова, так как без этого нельзя сделать на его имя арендного договора. Поэтому наша группа предлагает Росгорну согласиться с принятым нами решением о передаче всех прав на имя В.Я.Бурдакова, который, в свою очередь, уступит 10 часть Росгорну на тех же основаниях, на какие и все другие участники имеют части... Гольдовский».(116).

«21 марта 1912 года. Гольдовскому. Москва. Согласно личных переговоров с Вами просим не отказать получить для Общества от владельца Экибастуза письменное подтверждение обязательства уплатить Росгорну 5 % комиссионных с покупной суммы. Посылаем Вам проект обязательства, который должен быть подписан Бурдаковым, если к нему уже перешли права Экибастуза».(117).

«28 марта 1912. Гольдовскому. Москва. Правление спешит уведомить Вас, что, не желая создавать осложнений в вопросе о формальной передаче Экибастуза на имя В.Я.Бурдакова, оно дает свое согласие на то, чтобы передача прав была совершена на имя В.Я.Бурдакова, но эту передачу мы обуславливаем тем, чтобы передача г. Бурдаковым 10% всего Воскресенского дела (прав Сарача и права Бурдакова) на имя Росгорна была закреплена нотариальными договорами».(118).

18 июня 1912 года между верхотурским купцом В.Я.Бурдаковым и РОСГОРНом в лице М.М.Федорова было заключен Договор, по которому первый переуступил РОСГОРНу 10 долей из 100 в 34-х рудниках и копях Экибастуза, принадлежавших ранее Воскресенскому обществу. (175). А через год, «имея в виду содействие РОСГОРНа, оказываемое устройству горнопромышленного дела», верхотурский купец предоставил участие в правах РОСГОРНу на все оставшиеся за ним копи и рудники в размере от 6% до 16%.(119)

Вместе с этим Викторин Яковлевич предоставлял РОСГОРНу право ведения переговоров о продаже Экибастузских месторожде-

ния каменного угля с Русско-Азиатской Корпорацией. А инженеры Корпорации, в свою очередь, по доверенности Бурдакова получили право на геологические изыскания района Экибастуза. (120).

Впоследствии для эксплуатации Экибастузских копей и строительства заводов было создано Киргизское горнопромышленное акционерное общество с английским капиталом и Риддеровское акционерное общество, поглотившее «Серебросвинец». По существу оба эти предприятия представляли одно целое, т. к. добывавшиеся сложные серебро-медно-свинцово-цинковые руды направлялись для соответствующей обработки на Экибастузские заводы, находившиеся у истоков минерального топлива.

Вращаясь в сфере горнопромышленного предпринимательства и благодаря связям в высших государственных инстанциях, Викторин Яковлевич абсолютно точно определял все тенденции в экономике страны. Чутьем талантливого коммерсанта, почувствовав возрастающий спрос на нефть, верхотурский купец обратил свое внимание на нефтеносные участки Северного Кавказа и Закаспийского края. В сентябре 1910 года с главным участием В.Я.Бурдакова было учреждено Московско-Майкопское нефтепромышленное товарищество «на вере», с целью приобретения от ейского мещанина А.Л.Некрасова прав на 128 нефтеносных участков в Кубанской области для последующей перепродажи их капиталистам.(121). Для реализации участков был привлечен и введен в состав товарищества и РОСГОРН, на условиях В.Я.Бурдакова и других учредителей. Они заключались в том, «что в случае продажи участков капиталистам от Общества последнее получает 15% всего вознаграждения, а мы 10%; а если капиталисты будут указаны нами, то мы получим 15%, а Общество 10%».(122)

Интересно заметить, что одним из компаньонов Бурдакова в нефтепромысловом деле выступал армянин, выпускник Сорбонны по адвокатуре, Азамасп Карпович Адамов, муж дочери гражданской жены А.А.Пушкина, (внука поэта). Как известно, его сын Георгий, стал мужем родной правнучки Александра Сергеевича, Екатерины Александровны Пушкиной. Другим партнером был Я.Л. Мелик-Бегляров, известный в Москве гражданский инженер, а также «бакинский купеческий сын» А.М.Будагов – родной брат инженера-путейца, общественного деятеля Григория Моисеевича Будагова, что сыграл заметную роль в первоначальном развитии Новониколаевска (Новосибирска).

В 1914 года Бурдаков отмечается уже в составе совета директоров нефтепромышленного общества «Чаркен», учрежденного в

1910 году Общество имело уставной капитал 5 млн. рублей. Компания занималась добычей нефти в Закаспийском крае, в районе острова Челекен – первого месторождения нефти на территории современной Туркмении. Председателем Правления был известный российский политик и предприниматель барон А.А. Крюденер-Струве.(123).

В 1912 году Викторин Яковлевич покупает в Москве собственный дом в престижном Денежном переулке, по соседству с особняком «второго Демидова», промышленника С. Берга. Строительство этого дома было начато «кандидатом коммерческих наук» Германом Бройдо по проекту молодого, но уже известного архитектора А.Н.Зелингсона, недавно прибывшего в Москву из Варшавы. Уже через два года, заложенный в лучших традициях французского модерна, особняк на Денежном переулке под номером семь был куплен Бурдаковым без внутренней отделки. Замечательное внутреннее устройство и планировка дома и сейчас привлекает внимание посетителей. Дом является памятником архитектуры, сейчас там располагается Посольство Чили.

Интересно заметить, что, проживая долгие годы в Москве, В.Я.Бурдаков по-прежнему состоял в верхотурском купечестве. Не возбуждал ходатайства о почетном гражданстве и именовал себя до самой революции в документах не иначе, как «верхотурский купец, золотопромышленник». Увлекаясь фотографией, Викторин Яковлевич был членом Русского фотографического общества, оставаясь одновременно и действительным пожизненным членом с 1894 года Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ).

В 1916 году Викторин и Капитон Бурдаковы делают попытку сдать в аренду свои золотые прииски на Урале. Возможно, этот шаг был вызван пошатнувшимся здоровьем Капитона и уже не молодым возрастом самого Викторина. Находился и арендатор – Зауральское горнопромышленное общество с уставным фондом 4,5 млн. рублей, ведущее промысел с 1897 года. в Южно-Заозерской даче Верхотурского уезда. Финансировалось Общество банкирским кланом семьи Поляковых, а директором-распорядителем выступал Ф.Ю. Левинсон-Лессинг, член-корреспондент Петербургской АН, в будущем ректор Петроградского политехнического института, один из крупнейших ученых-геологов СССР, академик. Общество использовало драги и новейшие достижения техники, и, стало быть, Бурдаковы могли иметь надежный источник дохода. Цена за пуд платины к этому времени колебалась от 36000 до 40000 рублей.

Как следует из проекта Договора, три группы приисков «Братьев Бурдаковых» по рекам Сольве, Пуе и Криве сдавались под разработку и разведку ископаемых на 2,5 года. Арендатор, т.е. «Общество обязуется произвести разведку приисков для выяснения промышленных в них запасов золота и платины за свой счет и по усмотрению Общества... Все драгоценные металлы, добытые во время разведок, поступают в полную собственность Общества с уплатою при этом Бурдакову попудных... За каждый пуд золота, намытого драгою, - по 3000 рублей, другими способами - по 2000 рублей. За каждый пуд платины 3000 рублей при цене ея в 40000 рублей за пуд, принимая за базу 83% чистой платины, и сверх сего в пользу Бурдаковых отчисляется 20% с разницы между сказанной ценой и той, по коей Общество продаст платину, если цена последней превысит 40000 рублей. Если бы общая сумма попудной платы, имеющая поступить в пользу Бурдаковых, оказалась меньше 15000 р. в год, то Общество обязуется эту разницу доплатить им, чтобы доход был бы не менее 15000 в год...» Общество вправе разрабатывать и другие полезные недра с уплатою Бурдаковым 20 % чистого дохода».(124).

Закончились ли результатом переговоры с Обществом, неизвестно. Зато, в любом случае, точку в делах Викторина Бурдакова поставил большевистский переворот, после которого декретом СНК РСФСР от 28.06.1918 «О национализации крупнейших предприятий...» прииски Зауральского общества были национализированы.

Советский период биографии В.Я.Бурдакова самый неизвестный. К удивлению, он не оказался в числе эмигрантов. Среди потомков платинопромышленника бытует предание, что он с сыном Сергеем оказался в заключении, едва ли не на Соловках. Так ли это? Не имея документов, ни подтвердить, ни опровергнуть это невозможно. В последние годы перед войной Викторин Бурдаков тихо и незаметно проживал поблизости от Белорусского вокзала в квартире с «уплотнением». Кажется, вместе с ним жили Сергей, Екатерина и Александра. Скончался он в 1944 году и был похоронен на Ваганьковском кладбище. К сожалению, так и не выяснено, сохранилась ли могила верхотурского купца.

Все дети Бурдаковых получили превосходное образование. Самый младший сын Сергей был слушателем курса одного из коммерческих учебных заведений. Старшая дочь Екатерина прошла обучение в І-ой Московской женской гимназии ведения Императрицы Марии. Со свидетельством домашней учительницы посту-

пила и закончила 3-х годичные специальные курсы немецкого языка у графини 3.Л.Степановой, а в 1911г. поступила на Высшие женские курсы.(125). Но уже со 2-го семестра оставила обучение, вероятно, по причине выхода замуж за М.Кожевникова.

Валентина Яковлевна после окончания Московской женской гимназии М.Ф.Калайдович закончила обучение на естественном отделении физико-математического факультета Высших женских курсов, слушала лекции выдающегося биолога Н.Кольцова. Весной 1916г. выехала на месяц из Москвы в Екатеринбург «по семейным обстоятельствам», сообщая Директору Курсов, что выходит замуж. Личное дело курсистки указывает, что фамилия мужа Валентины Викториновны – Протопопов.(126). Но революция круто изменила образ жизни, переломав судьбы многих, в том числе и В.В.Бурдаковой.

Когда в 1918 году, по инициативе Н.К.Крупской, детский врач и революционер-большевик И.Русаков приступил к организации Станции юннатов им. Тимирязева (известная как БЮН) со школой-интернатом в Сокольниках, то на должность научного сотрудника Станции была рекомендована В.В.Бурдакова. В 1920-х гг. она вышла замуж за руководителя БЮН, известного в советский период профессора Б.В.Всесвятского, редактора известного учебника биологии 5-6 классов. В архиве ГАРФ и сейчас хранится альбом «Рисунки к школьным программам по биологии» Валентины Викториновны. (127)

Здесь же, на Станции БЮН, стала работать и Мария Викториновна Бурдакова (по мужу Никитина), в будущем кандидат биологических наук. Первые воспитанники интерната при Станции с особой теплотой вспоминали Марию Викториновну, как прекрасную музыкантшу, организатора культурных мероприятий, походов в московские театры, филармонию, музеи. Сведений о младшей дочери В.Я.Бурдакова не имеется.

Ныне на 2-м участке Новодевичьего кладбища Москвы находится захоронение Бурдаковых-Всесвятских. Здесь похоронены: Борис Васильевич Всесвятский, Владимир Борисович Всесвятский (1930-2011) востоковед и дипломат, Валентина Викториновна Всесвятская (1893-1965) учитель биологии. Здесь же похоронена Никитина (Бурдакова) Мария Викториновна (1896-1949) кандидат биологических наук, научный работник. Здесь же покоится прах Елизаветы Александровны Бурдаковой (1866 – 1938), «жены купца, домовладелицы». Здесь же похоронена и её мать, Костарева Александра Егоровна (1825 – 1913), «жена коллежского секретаря».

Общественный деятель **Е**катеринбурга, попечитель и золотопромышленник

С переездом в Екатеринбург Капитон Яковлевич Бурдаков активно включился в общественную жизнь горной столицы. Его брак с Екатериной, дочерью бывшего верхотурского, а ныне екатеринбургского купца 2-й гильдии Дмитрия Егоровича Ларичева, еще более придавал весу и без того известнейшей фамилии Бурдаковых. Еще в 1884 году Дмитрий Егорович, имея в Покровской волости водяную мельницу и 45 рабочих, производил муки до 150 тыс. пудов и входил в десятку крупнейших торговцев мукой, зерновыми продуктами и хлебом в Екатеринбургском уезде.(128). Позднее Ларичев завел мукомольное дело и в Щербаковской волости, а в 1903 году основал в деревне Бекленишево Покровской волости картонную фабрику (Знаменская фабрика) с паровым двигателем и производительностью около 25 тыс. пудов, где вел дела его сын Александр.(129).

С 1902 года К.Я.Бурдаков избирается в гласные Городской думы, в которой состоял более 10 лет. Трудно перечислить все те общества и должности по городскому управлению, в которых состоял Капитон Бурдаков. Член учётного Комитета городского общественного банка (1907–1917) и член попечительского совета 2-й женской гимназии (1910-1914), член правления Общества вспомоществования недостаточным ученикам реального училища (с 1903) и член попечительского совета Верх-Исетского сиротско-воспитательного дома (1910-1914). Председатель правления Общества вспомоществования недостаточным учащимся 1-й женской гимназии и Почетный мировой судья по Екатеринбургскому уезду (1906–1912, 1914-1917). Действительный член Общества попечения о начальном образовании в г. Екатеринбурге и его уезде (его председатель в 1905–1909), а также Благотворительного общества местного Комитета Российского общества Красного Креста (с 1901), Кружка граждан, интересующихся городским хозяйством (1906) и Общества вспомоществования недостаточным слушателям городских общеобразовательных курсов для взрослых. Член Общества борьбы с чахоткой и член-жертвователь Вольного пожарного общества. (130). Кроме этого, Капитон Яковлевич с 1895 года состоял «действительным пожизненным членом» УОЛЕ.(131).

Особо следует остановиться на его деятельности в сфере образования. Будучи членом Общества общеобразовательных курсов для взрослых, он предложил Обществу организовать курс доступных для народа лекций по физике и химии.(132). Как попечитель

начального училища, зная, насколько полезен и популярен у младших учеников из простонародья «волшебный фонарь» (диапроектор), К.Я.Бурдаков приобретает и его, и несколько картин-диафильмов.

На одном из заседаний 1909 году Городская дума констатировала печальный факт, что за 10 лет с 1899 год не построено ни одного здания начального училища. И «до сих пор не было возбуждаемо ходатайство о введении в г. Екатеринбурге всеобщего обучения, так как городское управление, по неимению благоустроенных школьных зданий даже для наличного числа учащихся, признало себя не подготовленным к введению всеобщего обучения. А потому поставило первою задачею – обеспечение существующих начальных народных училищ постройкою для них специальных благоустроенных зданий, отвечающих всем требованиям школьной гигиены, взамен наемных помещений, невозможное состояние которых составляет самое больное место в деле развития начального обучения в г. Екатеринбурге».(133).

Для постройки первых двух деревянных зданий начальных училищ был выпущен городской облигационный заём на 25 000 рублей. Капитон Яковлевич на 18 тыс. рублей приобрел облигации с условием, что будет построено здание для училища, где он был попечителем и просил Думу его назвать «Гоголевским» в честь юбилея писателя. Постройка началась и закончилась летом 1909 года на площади, в привокзальном районе города. Дума уважила просьбу Бурдакова, поскольку он «не только приобрел у города облигации, давши тем возможность построить две школы, но и употребил на обстановку в одной из них из своих средств свыше 2000 рублей».(134).

14 сентября 1909 года состоялось торжественное открытие нового здания школы, которая по желанию попечителя была переименована в училище имени Н. В. Гоголя, или в «Гоголевское». Капитон Яковлевич продолжал помогать училищу. За эту помощь 6 мая 1912 года он был высочайше пожалован золотой медалью «За усердие» для ношения на шее на Александровской ленте.(135).

Журналы Заседаний Екатеринбургской городской Думы часто отмечают отсутствие на заседаниях К.Я.Бурдакова «по коммерческим делам». Прииски близ селения Всеволодо-Благодатского, требовали внимания. Их число довольно значительно, но отраженная статистикой добыча золота крайне мала – например, за период с 1906 по 1909 годы средняя за год составляет от 4 до 30 фунтов. Кроме того, среди Исовских приисков работали и единичные личные прииски самого Капитона, и два прииска, зарегистрированные

на Викторина и Елизавету Александровну. Все распорядительские функции нёс Капитон.

Следует заметить, что услуги по поиску и разведке, заявке отводов и другим сделкам с приисками со временем стали пользоваться спросом все больше и больше. И оценивались они достаточно дорого. Сложился целый «цех» таких мастеров своего дела. Вот на этом поприще Капитон Яковлевич работал особенно активно. Понятно, что промышленники воспринимали как «формулу успеха» участие в их делах представителя рода Бурдаковых.

Собственные прииски «Братьев Бурдаковых» с диковинными названиями «Варяг», «Кореец», «Пересвет», «Аскольд», «Новик», «Ретвизан», «Паллада», «Петропавловск», «Диана», «Баян» дают представление о взглядах бывшего «прапорщика запаса по армейской пехоте» Капитона Бурдакова, который еще ранее, по возвращении со службы (а служил он в Пермском Резервном (кадровый) батальоне, бывшей 21-й местной бригады), наименовал «Полтавой» богатый, приграничный к Валерьяновску прииск. Ряд приисков носили названия «Аида», «Фараон» «Риголетто», «Парижский», характеризуя наклонности Капитона к сфере искусства.

В 1906 году Капитон Яковлевич вошел в состав директоров-учредителей газеты «Уральский край» и являлся таковым постоянно, вероятно, финансируя это издание. Издание имело 10 отделений от Тюмени до Варшавы, распространялось широко и имело «производительность 80000 рублей». (136). Позднее было создано Товарищество газеты, в которое вместе с Бурдаковым вошли крупные деятели Екатеринбурга – В.А.Поклевский-Козелл, В.П.Злоказов, З.Х Агафуров, И.И.Ятес и др. Газета носила ярко выраженные конституционно-демократические взгляды, критиковала левые социалистические партии, не забывая «бросить камень» и в сторону Правительства.

Причины смерти К.Я.Бурдакова неизвестны. 22 июня 1918 года Капитон Яковлевич в возрасте 50 лет скончался, а три дня спустя его тело после отпевания было погребено на кладбище Ново-Тихвинского женского монастыря. О детях его ничего неизвестно, как неизвестна и судьба Екатерины Дмитриевны.

В завершение рассказа о Я.Н.Бурдакове и его потомках следует заметить следующее. История отечественной золотой и платиновой промышленности до сих пор никогда не писалась раздельно. Да и сама отрасль долгие годы именовалась золото-платиновою, по схожести добычи драгоценного металла и технологии извлечения. Потому в длинном списке уральских и сибирских золотопромышленников не нашлось места Я.Бурдакову с сыновьями. Но если

сделать попытку объективно рассмотреть историю становления именно платиновой отрасли, то, какими бы маркерами и в разные времена Бурдаковы ни обозначались, их имя, без сомнения, встанет на первое место.

«Екатеринбургская» ветвь купца С.М.Бурдакова

Семен Михайлович Бурдаков был причислен в екатеринбургское купечество раньше своих родственников. Свое дело он начал, как и многие, с торговли мануфактурой.

Семья купца проживала в собственном двухэтажном деревянном доме на Покровском проспекте (ныне ул. Малышева), пока в 1870 году С.М.Бурдаков не приобрел двухэтажный каменный особняк с «каменными же службами» на Уктусской улице. Здесь у Бурдакова были открыты магазины: ренсковый (крепких напитков), мануфактурный и бакалейный.(137). Дом на Покровском сдавался под заведения разного рода. Там работали две часовых мастерских, цирюльня, мелочная лавка дворянки П. Коплевской и фотоателье М. Г. Гейнриха — участника венгерского восстания 1848 года. Как известно, его дочь, Мария Морицевна — артистка театра — стала женой писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, который наверняка бывал в гостях у своего тестя в его фотоателье на Покровском.

Успех в торговле сопутствовал Семену Михайловичу. Кроме того, он активно участвовал в общественной жизни Екатеринбурга. Еще в 1857 году купец 2-й гильдии С.М.Бурдаков был избран купеческим старостой Екатеринбурга. Три раза он избирался на четырехлетие гласным городской думы, в 1860-1863 и в 1872-1880 годах. (138). Этим он заложил основы семейной традиции, которой впоследствии придерживались и его сыновья.

Жена купца, Мария Львовна, рано скончалась. Как гласит надпись на надгробии, чудом сохранившемся (впрочем, как и надгробие самого С.М.Бурдакова) на Ивановском кладбище Екатеринбурга, она умерла в 1874 году в возрасте 50 лет. Из сыновей купца наиболее известны Александр и Иван.

Иван Семенович Бурдаков родился в 1852-1853 годах. В 1870 году он с серебряной медалью окончил Екатеринбургскую мужскую гимназию и поступил в Казанский университет (139). Однако через год он оставляет Казань и едет в Петербург, где поступает в Технологический Институт на химическое отделение. (140). По окончании института, получив в 1877 году звание инженера-технолога, И.С.Бурдаков с отцом решает завести предприятие по производству хромпика.

Попытка взять в Красноуфимском уезде в аренду место под завод при деревнях Сызги и Усть-Багалыш «с башкирской мельницей» в 1878 году закончилась неудачей. Жители деревень, башкиры-вотчинники, возбудили дело о якобы незаконной отдаче своих земель купцу. Разбирательство по этому вопросу дошло до сената и длилось 5 лет, пока не установило законное право Бурдакова на аренду. Однако уже через год после начала этой тяжбы предприниматель охладел к своей затее. (141).

В июне 1879 года близ деревни Патруши на р.Арамилке Семен Михайлович купил у купцов Ушковых каменную двухэтажную мельницу и земельный участок с постройками, что принадлежали еще ранее главному лесничему Уральских горных заводов Шульцу. Вероятно, купец строил планы заняться мукомольным делом. Этому способствовало, вероятно, то обстоятельство, что дочь его Ольга в самом начале 1870-х гг. вышла замуж за «верхотурского купеческого сына» Дмитрия Егоровича Ларичева, ставшего впоследствии крупным хлеботорговцем.

Переоборудовав «Шульцевское заведение» под химический завод, Бурдаковы с 1880 года приступили к производству хромпика. На Всероссийской выставке 1882 года в Москве Семен Михайлович был награжден поощрительной наградой «за превосходный образчик хромпика» и «разработку русских хромовых руд».(142). Однако дело широкого развития не получило.

После смерти отца в 1890 году Иван Бурдаков попытался было расширить производство. Он организовал добычу собственного хромистого железняка в Каменской казенной даче, но объемы добычи были весьма скромными. Максимальная добыча на руднике И.С. Бурдакова пришлась на 1895 год, когда было получено всего 7 тысяч пудов хромовой руды.(143). Одновременно с рудным промыслом Иван Семенович вел торговлю в Екатеринбурге колониальными товарами, напитками, фруктами.

В 1894 году он был избран в гласные, а затем и в члены городской управы. Наконец, 12 апреля 1895 года Иван Семенович был избран городской думой на должность екатеринбургского Городского Головы.(144).

Однако, как градоначальник, Иван Семенович большим авторитетом не пользовался, получив высокий пост в силу стечения определенных обстоятельств – просто он оказался единственным кандидатом, не отказавшимся от баллотировки. При обсуждении вопросов в думе Бурдаков часто оставался в меньшинстве. В конце концов, не дожидаясь окончания срока службы, Иван Семенович

сам отказался от должности 17 мая 1898 года. В том же году он был избран гласным думы и оставался в ее составе вплоть до смерти.

В последний период своей жизни И.С. Бурдаков служил агентом крупнейшей страховой компании «Россия», активно сотрудничал с Екатеринбургским вольным пожарным обществом, являлся почетным членом Общества взаимного вспоможения приказчиков и председателем Арамильской комиссии общества попечения о начальном образовании в Екатеринбургском уезде. Он был деятельным сотрудником братства святого Симеона Верхотурского. Еще занимая пост Городского Головы, он помог братству безвозмездно получить участок земли, на котором позднее была построена Симеоновская церковь-школа.

20 декабря 1906 года Иван Семенович скончался. Незадолго до смерти он составил завещание, в котором была завещана крупная сумма на строительство школы в деревне Патруши.(145). Судьба его жены Екатерины Алексеевны Оленевой, дочери алапаевского купца, неизвестна, как неизвестна и судьба дочери Евгении Семеновны (1880 г.р.).

Старший сын Семена Михайловича, Александр, не пускался в рискованные предприятия в горнопромышленной отрасли подобно брату Ивану, а успешно вел торговлю в Екатеринбурге. В Новом Гостинном Дворе Александр Семенович торговал готовым платьем, а в доме на Уктусской улице бойко торговал бумагой, канцелярскими принадлежностями и обоями. Этот последний бурдаковский товар пользовался большим спросом и приносил купцу более 20000 рублей дохода в год.(146).

С 1883 по 1891 годы А.С.Бурдаков состоял гласным городской думы. По избранию думы входил в члены городского пожарного комитета, а при начале строительства Симеоновской церкви-школы вошел в члены строительной комиссии. Кроме того, Александр Семенович долгие годы являлся в Екатеринбурге председателем совета городской Александровской богадельни.

Как показывают документы, А.С.Бурдаков состоял в наиболее тесных отношениях с детьми Якова Николаевича Бурдакова. Последние годы жизни он провел в Москве, проживая в доме Викторина Бурдакова в Денежном переулке. Умер он в 1914-1915 гг. (147).

Почетный гражданин и профессор А.А.Бурдаков

Александр Александрович Бурдаков родился 2 августа 1872 года в Екатеринбурге. Как указано под № 91 в метрической кни-

ге екатеринбургской Свято-Духовной церкви, родителями его были «Екатеринбургский купеческий сын Александр Семенов Бурдаков и законная жена его Лидия Александрова», а воспреемниками - «купец Симеон Михайлов Бурдаков и Верхотурского купеческого сына жена Ольга Семенова Ларичева».(148).

После окончания Екатеринбургского Алексеевского реального училища Александр поступил в Императорское Московское Техническое Училище (ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана), в котором «при отличном поведении окончил курс по механическому отделению с отличием» в 1896 году. После окончания обучения и до самой революции А.А. Бурдаков служил на машиностроитель- «Компрессоров, насосов и гидравлики», Герой ных заводах АО «Густав Лист» в Москве, выпускавших насосное и

А.А.Бурдаков – профессор и один из организаторов Московского института химического машиностроения им. Д.И. Менделеева, заведующий кафедры Труда; фото 1940г., Москва.

компрессорное оборудование. В 1911 году Правление АО сообщало, «что он с 1 октября 1897 года по настоящее время беспрерывно состоит на службе в нашей фирме и занимает должность помощника заведующего Техническим Бюро и оказывает несомненные большие заслуги отечественной промышленности своими расчетами и разработкой детальных и общих проектов. Мы ценим его как трудолюбивого и аккуратного работника, принесшего своими трудами большую пользу для наших заводов».

Женой Александра Александровича стала уроженка города Варшавы Мария Алексеевна Алексеева, дочь простого отставного солдата. Венчание состоялось в Москве в 1898 году в Тихоновской у Арбатских ворот церкви. В 1899 году в семье Бурдаковых родилась дочь Ольга, в 1901-м - Александр, в 1906 году - Борис. Интересно заметить, что одним из воспреемников при крещении Александра был Викторин Яковлевич Бурдаков, а при крещении Бориса - «купеческая дочь девица Екатерина Викториновна Бурдакова». (149).

Профессор Бурдаков А.А. на заводе «Борец» (из фондов МИХМа), год н/у

В 1912 году А.А.Бурдаков получил звание потомственного почетного гражданина. Как гласил императорский указ, «возводя оного с женою Марией Васильевой и детьми их: Ольгою, Александром и Борисом – в сословие почетных граждан, Всемилостивейше повелеваем пользоваться как ему, так и его потомству всеми правами и преимуществами, Манифестом сему сословию данными. Во свидетельство чего повелели Мы сию грамоту Правительствующему Сенату подписать и государственною Нашею печатью укрепить». (150).

В 1921-1922 годах Бурдаков был приглашен ректором нового Московского химико-технологического института им. Д.И. Менделеева (МХТИ) А.И.Тищенко на должность профессора для чтения курса лекций по насосному и компрессорному оборудованию. В целом же он исполнял обязанности руководителя механического отделения института, став основоположником практической реализации подготовки инженеров-конструкторов специальности «Машины и аппараты химических производств».

Широкий научный кругозор и огромный опыт конструкторской работы позволили Александру Александровичу понять суть подготовки инженеров-технологов химической аппаратурной специальности, поэтому дипломные проекты инженеров аппаратурной специальности были настолько совершенны, что многие из них после защиты поступали в непосредственное распоряжение промышленности.

Полное отсутствие технической литературы заставило А.А. Бурдакова подготовить и издать курсы лекций. В течение первых 10 лет профессор А.А. Бурдаков написал несколько книг: «Из практики работы с центробежными насосами», «Поршневые насосы с приложениями атласа конструкций», «Поршневые компрессоры, работающие в химической промышленности», «Некоторые вопросы расчета турбокомпрессоров» и др. Многие работы его были переизданы. В этот период были созданы новые и оригинальные конструкции насосов и компрессоров. Совместно с заводом «Борец» разработаны: один из первых отечественных компрессоров высокого давления «Борец 600», уникальный насос для соломенной сечки или древесной стружки со щелочью, центробежные насосы для смол и пеков, насос-дозатор для кислот и нейтральной жидкости. Проводились экспериментальные исследования компрессоров высокого и сверхвысокого давления.

В исследованиях и разработках А.А.Бурдакова принимал уча-

стие и его сын Борис, ставший также инженером, специалистом по гидравлике густых и вязких жидкостей. (151).

Ныне основатель кафедры «Гидравлики, насосов и компрессоров» А.А. Бурдаков по праву считается одним из крупнейших специалистов довоенного СССР в этой области. Не случайно в 1938 году профессор Московского института химического машиностроения был представлен к званию «Герой Труда».(152).

В 1941 году, когда к октябрю фронт приблизился к Москве, встал вопрос об эвакуации института в глубокий тыл. В двухнедельный срок была проведена подготовительная работа по эвакуации части института в город Чарджоу Туркменской ССР. В конце октября вместе с другими преподавателями эвакуировалась из Москвы и семья профессора Бурдакова. В этом же году Александр Александрович умер и был похоронен, вероятно, в г. Чарджоу.

М.А.Бурдаков, коммерсант, владелец в Н-Тагиле «Конторы строительных работ, оборудования предприятий и поставки материалов», инженер-изобретатель золотоизвлекательного и дражного оборудования, фото Якунина А.А., год н/у, Пермь

Изобретатель М.А.Бурдаков и его драги.

Разные источники называют Михаила Александровича Бурдакова инженером-изобретателем то «первой электрической драги в России», то «первой электрической драги в мире». То, что известно об изобретателе, до сих пор полностью базируется на материалах пермского краеведа Шварца, крайне не полных и сомнительных. К удивлению, следует отметить, что фигура изобретателя Бурдакова не заинтересовала до сих пор уральских историков, и его биография – сплошное «белое пятно», хотя жил он в Екатеринбурге и умер только в 1943 году. Попробуем разобраться, сложив разрозненные сведения, кем же был этот самый загадочный Бурдаков.

По данным А.К.Шварца, Бурдаков Михаил Александрович родился 16 октября 1870 года в Нижнем Тагиле в семье служащего. Отец его был из крепостных Демидова. Первоначальное образование получил в Нижнетагильском горном техникуме. В 1892 году окончил в Петербурге горный институт и был назначен инженеромпрактикантом на Висимские прииски. Вскоре перешел служить на Исовские платиновые прииски, где в 1897 году изобрёл новую многочерпаковую драгу с промывающим устройством. Частые гости на Исовских приисках – иностранцы «украли» изобретение Бурдакова, и его драга появилась в 1898 году в Калифорнии. С 1897 по 1917 годы, кроме драги, им были изобретены многие промывальные устройства, которые успешно применялись на Исовских и Косьинских приисках, о также на «Валерьяновском руднике». В конце 1925 года по его чертежам построили электрическую драгу. Умер он в 1943 году в Свердловске.(153). Это все.

Теперь обратимся к фактам. Просмотр метрических книг всех церквей Нижнетагильского завода за 1870 год опроверг данные о рождении. Михаил Александрович родился ранее, вероятно, в 1867-1868 годах.(154). Среди выпускников Горного института он вообще не значится. Исследования не подтвердили и родственную связь Михаила с нижнетагильскими служащими и священниками Бардаковыми-Бурдаковыми, о которых рассказывалось выше. Упоминание Шварцем о переходе на

службу Михаила Бурдакова на Исовские прииски, работа на «Валерьяновском руднике» как раз в то время, когда там «тон» задавал Я.Н.Бурдаков с сыновьями, крайне любопытно. И хотя это заявление не подтверждено, но и не опровергнуто.

Известно, что к 1918 году М.А.Бурдаков был старостой 1-й части Александровской улицы в Нижнем Тагиле и владельцем технической Конторы «строительных работ, оборудования предприятий и поставки материалов». Сохранившийся фирменный бланк пока-

зывает, что Бурдаков занимался подрядами на установку водяного отопления, водопроводными и канализационными работами, монтажом железобетонных сооружений, электротехническими работами – электроосвещением, телефонизацией и даже сигнализациями.(155). Интересно отметить, что при взятии Нижнего Тагила белыми войсками коммерсант М.А.Бурдаков вошел в число членов Следственной комиссии у белых.(156). Как видно, Михаил Александрович, занимаясь таким специфическим по тем временам бизнесом, не мог не иметь превосходное образование и вряд ли был представителем низших сословий. О детях же Александра Семеновича Бурдакова, кроме упомянутого Александра, ничего не известно. Не является ли Михаил старшим сыном Александра Семеновича?

Чтобы разобраться, что же изобрел М.А.Бурдаков, следует обратиться к истории отечественного драгостроения.

Как известно, первая пятилетка в СССР поставила задачу возродить золото-платиновую промышленность, создав собственный дражный флот. Для реализации этой цели специальная комиссия под руководством заместителя ВСНХ А.П.Серебровского выехала в Штаты на драгостроительные заводы «Бьюсайрус», «Юба» и «Марион». В выборе наиболее подходящего типа драги для Урала возобладало мнение уральского партийного деятеля Д.Е.Сулимова, что наиболее подходящей драгой для платиновых приисков является драга фирмы «Юба». Для этого в Штатах были закуплены чертежи и комплект запасных частей верхнего оборудования 380 и 210-литровых драг, для сборки их в СССР.

Программой первой пятилетки предусматривалось изготовление 35 драг, из которых 15 единиц должен был изготовить Путиловский завод (производство драг «американского типа» со сплошной черпаковой цепью по патенту «Бьюсайрус» там было основано еще в 1903 году). Производство остальных драг передавалось на Мотовилихинские заводы, при участии заводов Воткинска и Кыштыма. (157). До этого времени Мотовилихинские заводы делали лишь попытки (и то неудачные) изготовлять запчасти из марганцовистой стали к драгам – болты, козырьки к ковшам и т.п. Таким образом, производство драг было абсолютно новым делом для заводов и потребовало огромной подготовительной работы.

К октябрю 1927 года на Мотовилихе создано специальное головное конструкторское бюро, создаются отделы и строится котельно-дражный цех. Налажено, наконец, производство высокопрочной марганцовистой стали. Главной задачей стояло построить отечественную, советскую драгу на Урале от понтона до последней гай-

ки собственного производства, используя за аналог лучшие достижения американского драгостроения.

Еще в 1922 году технический директор треста «Уралплатина» В.А.Доменов и «старый спец», горный инженер, бывший первый главноуправляющий Платино-промышленной анонимной компании в 1899-1901 годах, а ныне первый советский руководитель Исовских приисков Евгений Густавович Гойер высказали свое мнение о технических недостатках отечественных путиловских и невьянских драг дореволюционной постройки. Главными недостатками они считали: слабость деревянных понтонов (в том числе и американских драг) для использования на Урале; несовершенство загрузочного аппарата драг, при котором металл теряется при выгрузке ковшей в бутару-барабан драги; примитивность золотоизвлекательной операции, при которой на сполоск теряется до 20% рабочего времени и требуется большой ручной труд для промывки матов; потеря металла из-за плохого удаления глинистых и вязких пород из элеваторных ковшей, которые, в отличие от американских драг, не промываются вообще; выход из строя паровых машин из-за работы котлов на грязной воде; сложные условия работы на драге для рабочих – грязь, холод и т.п. (158).

Е.Г.Гойер, под руководством которого в 1900-1901годах на прииске «Неожиданном» голландскими мастерами смонтированы первые драги «Верфь-Конрад», кроме того, отмечал, что «первая электрическая драга фирмы «Марион» (Чикаго) на Урале была установлена АО «Николае-Павдинских заводов» в Кытлыме в 1915 году. Эта драга отработала 3 сезона без поломок, и только революция остановила работы. В 1916 году это же Общество купило еще два комплекта электрических драг фирмы «Бьюсайрус». Но изза войны и революции они не были смонтированы и заработали только в 1921 году».(159). Эти данные крупнейшего специалиста дражного дела вряд ли подлежат сомнению. Но что же тогда изобрел М.А.Бурдаков?

С середины 20-х годов Михаил Александрович регистрирует изобретение за изобретением. В 1926 году – патент № 9802 на изобретение станка для очистки шлюзовых матов при промывке драгметаллов. В 1928 году – авторское свидетельство № 26991 – устройство для вымывания породы из элеваторных дражных ковшей. В 1930 году – авторское свидетельство № 26993 на шлюз для улавливания золота при амальгации. В 1933 году – авторское свидетельство № 42518 на промывочное устройство для извлечения драгметаллов. И, наконец, самое главное авторское свидетельство № 47998 на драгу для промывки золотосодержащих россыпей от 13 июня 1932 года.

Как видно, изобретения Михаила Бурдакова не касались электропривода и несущей конструкции самой драги, а имели отношения только к механизмам и технологии извлечения металла. Работу изобретателя облегчало и то, что перед его глазами были успешные иностранные аналоги. Но справедливости ради следует указать, что новая конструкция самовстряхивающихся шлюзов и двухступенчатой системы промывки – несомненная заслуга и разработка изобретателя.

Все эти изобретения Бурдакова было решено применить в конструкции первой советской модели драги для Уральского региона, запущенной в производство Мотовилихинскими заводами. В 1928 году утверждена программа драгостроения для завода. В серию первоначально запущено четыре комплекта драг. Началась отправка первых дражных механизмов на Исовские прииски. Для удобства монтажа на месте принято решение маркировать узлы и комплектующие части однотипных драг краской – красной, синей, желтой и т.п.

Газета «Уральский рабочий» в том же году писала: «... Изобретатель Бурдаков сконструировал драгу нового типа и будет строить её на Ису в 1929 г.... Проект уже утвержден ВСНХ... Взамен бутары

Первая на Исовских приисках советская электрическая «красная» драга №25 пр-ва Мотовилихинских заводов — первая из серии драг, в которых нашли применение изобретения М.А.Бурдакова. Фото 1930г. пр. «Глубокая».

(фото из фондов Музея Мотовилихинских заводов).

с приводами будут работать встряхивающие шлюзы... На драге будет устроена механическая мастерская... Не исключена возможность обустройства на драге ванной и столовой... Бурдаковская драга будет вести отработку полигонов... До сих пор глинистые породы как следует не промывались, а теперь будет возможность промывать их брандспойтами..., а шлюзы приспособлены к полному извлечению металла...» (160).

В самом конце 1927 - начале 1928 года из двух американских комплектов на мотовилихинских понтонах были смонтированы две драги и поставлены на Кировском прииске Нижнетагильского золото-платинового района. На Исовских приисках тем временем строится дополнительная узкоколейка, соединяющая ряд приисков от Маломальского до Артельного, строятся и подключаются электрические подстанции. К апрелю 1930 года на месте началась сборка «бурдаковских», первых драг отечественного производства: первая 380л. №25 «красная» драга на прииске Маломальском, вторая 380л драга №26 «синяя» – вблизи самого посёлка Ис. На прииск Артельный поставляются также узкоколейкой части еще двух драг №27 и №28 – «зеленой» и «желтой». Один из протоколов бюро Нижне-Туринского РК ВКП(б) 1931 года указывает точную дату пуска первой на Урале советской электрической «красной» драги №25 – 1 июня 1931 года. Спустя две недели, 13 июня 1931 года, в строй вступила «синяя» драга. (161).

Как видно, М.Бурдаков не является изобретателем электрической драги. К путанице привело лишь то обстоятельство, что именно на первой уральской электрической драге было внедрено большинство его других изобретений.

В основе же мифа о воровстве иностранцами идей Бурдакова, вероятно, лежит статья Д.Старкова в «Уральском рабочем» за 1949 год, написанная уже после смерти изобретателя в лучших традициях советской идеологии, на основе принципов «советское – самое лучшее» и «догнать и перегнать». Автор указывает, что «к началу нынешнего столетия относительно плодотворной деятельности инженера Бурдакова М.А. в области совершенствования добычи золота и платины... на Исовских приисках с успехом работали построенные Бурдаковым механизмы – мутилки, аппараты по выделению концентрата, универсальные шлюзы, промывочные устройства и драги(!)... Предприимчивые иностранцы, шулера от науки и техники, пользуясь преступным попустительством царских чиновников, руководивших приисками, долгое время безнаказанно воровали изобретения нашего земляка...».(162).

Факты истории драгостроения в США и Новой Зеландии опровергают эти обвинения. Однако это никак не умаляет заслуг та-

лантливого инженера-изобретателя, разработки которого учитывали конструктивные недостатки старых отечественных и зарубежных драг, по аналогии с лучшей по тем временам американской драгой. Первая в серии мотовилихинских драг, «красная» драга с электроприводом, разработанным конструкторами завода, с усовершенствованным золотоизвлекательным аппаратом конструкции М.Бурдакова, была лучше приспособлена к условиям работы на Урале и явилась первой электрической драгой советской постройки на Урале, не уступающей иностранным машинам.

Указатель источников:

- 1. ГАПК, 37-3-207, 609об.
- 2. Сапоговская Л.В., «Частная золотопромышленность России на рубеже 19-20 вв.», ЕКБ, 1998, стр. 43
- 3. ГАВО, 301-5-446, 1132об-1134
- 4. ГАСО, 6-19-292а, 2об.
- 5. «Главы городского самоуправления Екатеринбурга», Ист. очерки, ЕКБ,2008, стр.134
- 6. ГАПК, 111-1-2679, 3об.-4
- 7. Статистический обзор промышленности России, т.1, СПБ, 1883, стр. 131
- 8. «Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского», СПБ, 1887, стр. 565
- 9. РГИА, 20-4-4474, 39-40
- 10. ГАПК, 111-1-2908, 54об.
- 11. Замарин М.И., «Материалы для статистики добычи золота частными лицами в России в 1868, 1869, 1870 гг.»; Горный журнал №8, 1871, стр.263
- 12. РГИА, 560-35-5, 1-2; 21-43
- 13. Сборник статистических сведений по горнозаводской промышленности за 1886, 1890, 1891, 1892, 1894, 1896, 1897, 1899, 1903, 1907, 1911, СПБ., Таблицы «Добыча золота»
- 14. РГИА, 20-4-4658, 13-16об.;
- 15. Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 1887, № 13, стр. 391; Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имения, 1888, № 72, стр. 220;
- 16. «Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского», СПБ, 1887, стр.535
- 17. «Список фабрик и заводов», СПБ, 1897, стр. 820-821
- 18. «Вся Россия», т.1, СПБ, 1899, стр. 106, 2235
- 19. Там же, стр. 1218, 1980, 2235, 2675

- 20. Барбот-де Марни Е.Н., «Урал и его богатства», СПБ, 1909, стр. 311
- 21. ЦГИА СПБ, 963-1-10064, 5, 9-9об.
- 22. Менделеев Д.И., Научный архив. «Растворы», М-Л, 1960, стр. 71-73, 131-132; Менделеев Д.И. Соб. Сочинений, т.3, М., 1934, стр. 343
- 23. Горный журнал №7, 1896, стр.175, №12, стр. 243
- 24. Горный журнал №9, 1900, стр. 228
- 25. Андреевский Г.В., «Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху, 1920-1930 годы», 2008, стр. 198
- 26. ГАПК, 111-1-2908, 54об.
- 27. Пермские епархиальные ведомости 1881, стр. 158-159
- 28. Там же, стр. 300-301
- 29. Шумилов Е. Н. Православные и единоверческие храмы Пермского края: краткий исторический справочник. Пермь, 2003, стр. 61
- 30. ГАПК, 111-1-2679,5об-6
- 31. ГАПК, 111-1-2908,49об
- 32. РГИА, 20-4-4474, 42-43
- 33. Замарин М.И., Там же, стр. 264
- 34. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М. «Описание платинопромышленного дела Я.Н.Бурдакова с сыновьями, Товарищества В.Я Бурдакова и В.Н.Шаравьева...», Записки УОЛЕ, т.14, Екатеринбург, 1896, стр. 22-23
- 35. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 79-80
- 36. Шишонко В.И. «Пермская летопись», ч.3, Пермь, стр. 168
- 37. «Сибирский вестник», сентябрь 1896, стр. 12
- 38. Сапоговская Л.В., Там же, стр. 212-214
- 39. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 23-27
- 40. Пермские губернские ведомости, 1879, №5
- 41. Пермские губернские ведомости, 1879, №57
- 42. Пермские губернские ведомости, 1879, №№ 11,57
- 43. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 32-35
- 44. А-К Пермской губернии 1883, Пермь, стр. 23
- 45. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 87-89
- 46. Там же, стр. 85-86
- 47. Там же, стр. 85
- 48. Бисарнов М., Список главнейших русских золотопромышленных компаний и фирм», СПБ, 1896, стр. 19,98,105, 155-158; Сборник статистических материалов по горнозаводской промышленности 1892, стр. 152-156; Сборник статистических материалов по горнозаводской промышленности 1894, стр. 184-191.
- 49. РГИА, 20-4-3026,226 об.
- 50. Екатеринбургские епархиальные ведомости, №15, 1888, стр. 340

- 51. А-К и Памятная книжка Пермской губернии на 1899 год, 1899, Пермь, стр. 115
- 52. «Белоэмигранты в Болгарии», Воспоминания, под ред. В. В. Чумаченко, П. В. Чумаченко, С. А. Рожкова, М., 2013, стр. 99 (электронная версия); д.и.н. С.В.Волков, База данных №2 «Участники Белого движения в России» на январь 2014, 1995-2014 (электронная версия)
- 53. РГИА, 468-25-20, 28-29об.
- 54. РГИА, 229-18-3719, 38
- 55. Сборник статистических материалов по горнозаводской промышленности 1892, стр. 152-156; Сборник статистических материалов по горнозаводской промышленности 1894, стр. 184-191; Сборник статистических материалов по горнозаводской промышленности 1896, стр. 194-205
- 56. Там же, стр. 6, 6, IV
- 57. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 43
- 58. Альбом участников Всероссийской промышленной выставки в Н. Новгороде в 1896 г., ч.2, отд. К, стр. 1
- 59. Менделеев Д.И., Сочинения, 21 том, «О Всероссийской выставке в Н. Новгороде», Л-М, 1952, стр. 148
- 60. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 64
- 61. Там же, стр. 69-74
- 62. Там же, стр. 13-14
- 63. Там же, стр. 64
- 64. «Екатеринбургская неделя», №33, 1894, стр. 663
- 65. Устав Николае-Святительской богадельни золотопромышленного товарищества «Я. Н. Бурдаков и сыновья» в Нижнетуринском заводе Пермской губернии Верхотурского уезда. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал», 1898, 1-6
- 66. «Тюремный вестник», №2, 1895, стр. 70
- 67. Саломон А.П. «Тюремное дело в России», СПб, 1898, стр. 5
- 68. «Тюремный вестник», Красовский М. «О занятиях арестантскими работами в русских тюрьмах», №11, 1897, стр. 516-517
- 69. «Тюремный вестник», №6-7, 1900, стр. 322
- 70. По материалам школьного музея Верхотурской гимназии (Г.П.Сергеева)
- 71. А-К и Памятная книжка Пермской губернии, 1900, Пермь, стр. 92; А-К и Памятная книжка Пермской губернии, 1901, Пермь, стр. 208; А-К и Памятная книжка Пермской губернии, 1903, Пермь, стр. 107
- 72. ГАПК, 111-2-387 (материалы)
- 73. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 98
- 74. Зайцев А.М., Месторождения платины, Томск, 1898, стр. 12

- 75. А-К и Памятная книжка Пермской губернии, Пермь, 1899, стр. 114; Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А., Съезды золото-и платинопромышленников Урала 1897-1898 гг., ЕКБ, 1997, стр. 157
- 76. Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А., Там же, стр. 164
- 77. Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А., Там же, стр. 82
- 78. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 97- 98
- 79. Зайцев А.М., Там же, Предисловие
- 80. Рукосуев Е.Ю., Тарская С.А., Там же, стр. 85
- 81. Указатель действующих в Империи акционерных предприятий, СПБ, 1903, стр. 826-827
- 82. Там же, стр. 1960-1961
- 83. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 9, 94
- 84. Бурдаков В.Я. и Гендриков И.М., Там же, стр. 94
- 85. «Неделя», №30, СПБ, 1898, стр. 968
- 86. А-К и Памятная книжка Пермской губернии, Пермь, 1899, стр. 115; «Вся Россия», т.2, СПБ, 1900, стр. 1320
- 87. Семейный архив О.Всесвятской
- 88. ГАСО, 435-1-926 (материалы)
- 89. ЦГИА СПБ,14-3-32729, 3-7
- 90. Там же, 21
- 91. ЦГИА СПБ,14-1-9805, 5-5об.
- 92. ЦГИА СПБ,14-3-32729,53-53об.
- 93. Отчет о состоянии и деятельности Императорского СПБ университета за 1902г., СПБ, 1903, стр. 34-35
- 94. ЦГИА СПБ, 14-1-9805, 2-3, 13об.
- 95. «Вся Москва», М, 1917, стр. 596-597;
- 96. ГАПК, 111-1-2981,9об.-11
- 97. ЦГИА СПБ, 436-1-89059, 1-2об.
- 98. Там же, 22
- 99. «Вся Москва», М, 1913, стр.73; «Вся Москва», М, 1917, стр. 62
- 100. Историческая справка Университетской клиники Н.Семашко, г. Симферополь (http://uccrimea.com/divisions/gbuz-rk/)
- 101. РГИА, 537-1-1042, 95-95об
- 102. А-К Московской губернии на 1912, Москва, 1912, стр. 133
- 103. «Вся Москва», М.,1911, стр. 80
- 104. РГИА, 468-25-20, 1-1об
- 105. Там же, 8-8об
- 106. Там же, 21, 40
- 107. РГИА,468-25-168, 1
- 108. РГИА,80 -1-26, 1-1об.
- 109. Там же, 2-2об; РГИА 468-25-168, 11-11об., 15
- 110. РГИА, 37- 74- 698, 1-69
- 111. РГИА, 80-1-27, 1-2об.

- 112. Там же. 3-4об.
- 113. Там же, 5-6
- 114. РГИА, 80 -1 -10, 181-181об.
- 115. Там же, 141-141об.
- 116. Там же, 143-144об.
- 117. Там же, 149
- 118. Там же, 152
- 119. Там же, 182-183об.
- 120. Там же, 188, 195-196
- 121. РГИА, 80-1-28, 1-4
- 122. Там же, 5-6об.
- 123. Фабрично-заводские предприятия Российской Империи, 1914, СПБ, стр. 499-А
- 124. 124. РГИА,59-1-129, 1-3об.
- 125. 125. ЦИАМ Москва. 363-4-4321. Дело № 4
- 126. ЦИАМ Москва, 363-4-4320, Дело № 800
- 127. ГАРФ, 535-1-287
- 128. Указатель фабрик и заводов Европейской России и Царства Польского, СПБ, 1887, стр. 402
- 129. «Вся Россия», 1899, М., стр. 240,1693; Список фабрик и заводов России, СПБ-М-Варшава, 1910, стр. 139
- 130. По данным Адрес-календаря Пермской губернии за 1903 -1917гг. и Уральского торгово-промышленного календаря за 1902-1915 гг.
- 131. Записки УОЛЕ, т.34, вып.1-2, Екатеринбург, 1914, стр. IV
- 132. Отчет о состоянии и деятельности общества попечения о начальном образовании в городе Екатеринбурге и его уезде за 1906 год, Екатеринбург, 1907, стр. 4.
- 133. «Архивы Урала», сборник, №11, 2007, ЕКБ, стр. 160
- 134. ΓACO, 8-1-1985, 190-191
- 135. «Благотворительность в Свердловской области». Методическое пособие, ЕКБ, 2013, стр. 41
- 136. «Фабрично-заводские предприятия Российской Империи 1909», СПБ, 1909, стр. 1294-1332(3)
- 137. «Город Екатеринбург», сборник, ЕКБ, 1889, стр. 229, 309, 587, 596
- 138. Там же, стр. 832
- 139. ЦГИА Москва, 492-2-9612, 8
- 140. РГИА,1349-1-513, 7-9
- 141. РГИА,1341-547-79, 1-23
- 142. «Отчет о Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве», Москва, 1882г., стр. 140
- 143. «Главы городского самоуправления Екатеринбурга», очерки, ЕКБ, 2008, стр.135

- 144. РГИА, 1349-1-513, 8об.-9
- 145. «Главы городского самоуправления Екатеринбурга», стр.136-137
- 146. «Вся Россия», 1899, Москва, стр.1205,1488,2618
- 147. «Вся Москва», Москва,1914, стр.90,
- 148. РГИА, 1343-40-721, 5
- 149. Там же, 4, 6-10
- 150. Там же, 13об-14
- 151. Бурдаков А.А. «Центробежные насосы», предисловие к 3-у изданию, Москва, 1932.
- 152. ГАРФ, 5446-23-183, материалы
- 153. ГАПК, ф. p-790 2862 «Биографический словарь Шарца А.К.», материалы
- 154. «Драги Бурдакова», газета «Свердловский рабочий», 16 декабря 1932
- 155. ĤТ ГИА, Нижний Тагил, 404-1-12, 133.
- 156. Кин. Т.Г. и др., «Первый Рабоче-Крестьянский», Свердловск, 1978, стр. 53, 54
- 157. Стенографический отчет 16-й партконфернции ВКП(б) в 1929, Речь начальника А.Серебровского, стр.39
- 158. Гойер Е.Г.» Дефекты в работе существующих драг», Техникоэкономический сборник «Урал» №3, 1922, стр.91-111
- 159. Гойер Е.Г. «Очерк развития дражного дела на Урале», Технико-экономический сборник «Урал» №3, 1922, стр. 4-7
- 160. Власов «Уральские усовершенствования драг взамен иностранных», газета «Уральский рабочий», 7ноября 1928
- 161. ЦДООСО, 126-1-388, 109
- 162. Газета «Уральский рабочий» №244 от 15 октября 1949

Кроме указанных источников, автором использованы:

- ежегодник «Уральский торгово-промышленный адрес-календарь» за 1901 1909гг.;
- ежегодник «Адрес- календарь и Памятная книжка Пермской губернии» 1895 1904гг.;
- материалы Музея истории «Мотовилихинские заводы»

Автор выражает благодарность О. Всесвятской (Москва) за предоставление фотоматериалов семейного архива Бурдаковых, а также М.Грифу (Пермь) за предоставление материалов заводского музея Мотовилихинских заводов.

Илья Демаков

Заведующий отделом использования и публикации архивных документов «ГКУСО «Государственный архив административных органов Свердловской области», г. Екатеринбург

ИСОВСКИЕ ФОТОГРАФИИ

Так случилось, что город Качканар и расположенные вокруг него населенные пункты: город Нижняя Тура, поселки Валериановск и Ис – стали для меня, уроженца Свердловска, а ныне екатеринбуржца, поистине родными местами. Качканар – родина моей жены Елены; здесь живут её родители – Тамара Викторовна и Валерий Федорович Вертилецкие, сестра Наталья с мужем Володей и дочкой Анечкой. Я познакомился с множеством замечательных людей и понял, какой это дружелюбный, трудолюбивый, неунывающий и добрый народ – качканарцы.

С помощью родных и близких мне людей мы объехали все окрестности Качканара: искали окаменелости на берегу реки Ис, купались в Капитоновском озере, ходили в леса за грибами и ягодами, катались на лыжах и др.

Мне захотелось побольше узнать о людях, живших в этом суровом, холодном и благодатном краю. Благо архивные документы находились буквально рядом.

Первой публикацией, связанной с исследованием истории поселка Ис, стал мой доклад 2011 года, посвященный неизвестным страницам деятельности Исовского горного техникума в 1930 годы в период массовых репрессий¹.

¹ Демаков И.Н. Исовский горный техникум в годы сталинских репрессий //VIII региональная научно-практическая конференция «Походяшинские чтения». Доклады и сообщения. Верхотурье, 2-3- ноября 2011 года. Екатеринбург, 2012. С. 96-100. URL: http://gaaoso.ru/info/izdania/dokladyi_i_vyistupleniya. ГААО-СО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40378.

Интересна история преподавателя английского языка техникума Степана Константиновича Шумова².

Степан Шумов родился в 1899 году в селе Курба (Забайкалье) в семье золотопромышленника. После гражданской войны семья Шумовых оказалась в Маньчжурии. Степан Шумов в 1920-1923 годы жил в Японии, куда выезжал для прохождения лечения. Вернулся в Советский Союз. С 1935 года работал в поселке Ис. Степан Шумов был арестован 21 января 1938 года по обвинению к принадлежности к японской разведке, по заданию которой он якобы собирал сведения о местонахождении золотоплатиновых ископаемых Забайкалья, Казахстана и Исовского района.

В деле С. Шумова сохранилось немало фотодокументов. Помимо фотографий брата Василия Шумова – американского ковбоя с ранчо в штатах Калифорния и Орегон, сестры Марии и других родственников, выполненных в Японии, Китае и США, примечательны фотографии преподавателей и студентов Исовского горного техникума.

Весной 2017 года исполнилось 85 лет со дня создания Исовского геологоразведочного техникума – первого в Советском Союзе среднего специального учебного заведения для подготовки специалистов золотоплатиновой отрасли. 23 марта 1932 года была скомплектована учебная группа в 30 человек, которая стала первой группой учащихся Исовского вечернего дражно-гидравлического горного техникума. За долгие годы существования техникума не-

Фотография здания Исовского горного техникума. 23 октября 1934 года. Фотограф Н. Карачев). ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. 40378. Л. 37. Фото 1.

² ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 40378.

Степан Константинович Шумов — в первом ряду третий справа со своими коллегами и студентами). 1935-1937 гг. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. 40378. Л. 37. Фото 13.)

сколько тысяч специалистов горного дела окончили это учебное заведение и разъехались по всем уголкам нашей Родины. В 1990 году техникум переехал в город Нижнюю Туру, сохранив при этом прежнее название.

Хотелось бы остановиться на малоизвестных страницах истории нашей страны – времени массовых политических репрессий 1930-х годов, которые затронули многих жителей поселка Ис.

Ис, как и многие другие поселки северных районов Свердловской области, в годы советской власти активно заселялся спецпереселенцами – раскулаченными из западных районов России, Украины и иностранными перебежчиками (в основном из восточных районов Польши).

Эти категории граждан и попали в первую очередь под репрессии, начавшиеся с 30 июля 1937 года после выхода приказа НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В 1937 году и в начале 1938 года (январе – феврале) прошли массовые аресты жителей поселка Ис. О судьбе некоторых из жителей поселка, пострадавших в указанный временной период, хотелось бы рассказать.

В Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО), в фонде P-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области», находятся на хранении архивно-следственные дела 1920-1950-х годов в отношении лиц, репрессированных по политическим мотивам. Данный комплекс документов является хорошим источником для изучения периода политических репрессий.

В ГААОСО с 1995 года проводилась работа по составлению «Книги Памяти жертв политических репрессий Свердловской области». Всего издано 10 томов, куда включено более 36 тысяч фамилий репрессированных. Основой для внесения данных в книгу является База данных «Книга Памяти жертв политических репрессий Свердловской области (Картотека реабилитированных)» (база данных архивно-следственных дел фонда № Р-1 «Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области») (далее – База данных), куда заносятся сведения непосредственно из архивно-следственных дел.

В Базе данных значится более 58800 записей в отношении репрессированных жителей Свердловской области, 1148 записей из них – в отношении жителей Исовского района. Именно количество записей, а не количество человек. Ведь если на гражданина заводилось несколько дел по ст. 58 УК РСФСР, то на каждое дело есть своя запись. В это число не входят люди, проживавшие в п. Нижняя Тура, у которых не указано место проживания – Исовский район. Исовский район, существовавший с 1933-го по 1955 год, включал в себя территорию Нижне-Туринского и Кытлымского районов.

Среди них перебежчики из Польши, Румынии, Ирана, других стран мира: Изосим Кириллович Андриюк, чернорабочий Нижне-Туринского листопрокатного завода; Кондратий Семенович Бобер, котельщик шахты № 3 золотоплатинового комбината в п. Кытлым; Иван Николаевич Демчук, истопник печей прииска Кытлым; Николай Романович Довгунец, застановщик Нижнетуринского завода; Василий Антонович Забужка (Забушко, Забужко), матрос драги прииска Кытлым; Иван Якимович Додярук, Яков Астахович Кирильчук (Кирельчук); Николай Алексеевич Клебанюк; Дмитрий Аксентьевич Ковалец; Имран-Оглы Кубатов; Михаил Михеевич Ломовой и другие.

Чернорабочий Исовского горного техникума, а ранее с 1931 по 1936 годы рабочий в горно-старательском цехе прииска «Артельный», Григорий Иосифович Иванов обвинялся в поджоге внутренних помещений техникума по заданию польской разведки.

Согласно справки районного отдела НКВД – «За период 1937 года поджога здания Исовского горного техникума не установлено и следствия не проводилось, но в 1937 г. в здании техникума была обнаружена к-р³ листовка о намерении сожжения техникума, авторы к-р не установлены»⁴. Директор техникума Анатолий Григорьевич Федюнев в справке от 14 января 1939 года сообщает Исовскому РО НКВД – «Настоящим по Вашему запросу сообщаем, что в течение 1937 года внутри здания техникума никаких случаев умышленного поджога не было»⁵.

На допросе в марте 1939 года Г.Иванов от ранее данных признательных показаний в принадлежности к польской разведке отказался. 14 июня 1939 года следственное дел в отношении Г.И. Иванова за недоказанностью преступления прекращено, обвиняемого Иванова необходимо было из-под стражи освободить и водворить в трудссылку по месту жительства его семьи. Но освобождение опоздало. В конце апреля 1939 года Григорий Иванов умер от туберкулеза в Соликамской тюрьме.

Показательно дело прораба Исовского приискового управления треста «Уралзолото» Карпа Мартемьяновича Кравченко и техника-строителя Афанасия Яковлевича Ветренко.

Дело начинается с доноса одного из местных жителей. Приведу его без указания фамилии доносчика и даты с сохранением орфографических и стилистических особенностей документа.

«У одного из спициалистов здесь я работал прошлый год в квартире у Ветренко и случайно посмотрел Альбом итам исключительно все генералы и овицеры. Когда я спросил у его сына был нет у тебя отец в солдатах он говорит что был винжинерских частях овицером тип подозрительной нужно его проверить».

Афанасий Ветренко, упоминающийся в вышеуказанном документе, родился 18 ноября 1883 года в деревне Хмелевка Малятской волости Виленской губернии. В 1904 году закончил Виленское техническое училище по строительному делу. В 1915-1917 годах служил в царской армии в чине прапорщика, затем офицером в белой армии. На момент ареста 19 октября 1937 года А. Ветренко являлся пенсионером (с 1 сентября вышел на пенсию) и проживал в городе Красноуральске с женой Верой Викторовной. Сыновья Евгений и

³ Здесь и далее в тексте - контрреволюционный.

⁴ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15147. Л. 17.

⁵ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 15147. Л. 26.

⁶ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37498. Л. 4

Леонид также работали в Красноуральске. Дочь Ольга Сорокина – врач, ассистент Пермского мединститута.

Афанасий Ветренко обвинялся в подрыве государственной промышленности (ст. 58-7 УК РСФСР), то есть в том, «что, оставаясь непримиримым врагом Советской власти, с контрреволюционной целью пролез на производство, где вел подрывную деятельность на строительстве. На следствии заявил: «Я непримирим к Советской власти и Партии, строительство проводил вредительски с целью подрыва экономической мощи страны. При постройке кирпичного завода, я допустил умышленный перерасход 150.000 рублей» 7.

А.Я. Ветренко был расстрелян 14 ноября 1937 года,

Карп Мартемьянович Кравченко родился 12 октября 1891 года в селе Лелековка (Лелеково) Кировского района Одесской области Украинской ССР⁸. В 1928 году Карп Кравченко вступил в колхоз, но был исключен как кулак, после чего выехал на Урал, в Исовский район, к знакомым. Жил в поселке Ис на улице Ленина в доме № 37 вместе с женой Ксенией Федоровной, дочерью Юлией и сыном Анатолием.

К.М. Кравченко был арестован 23 октября 1937 года и осужден 13 ноября 1937 года по ст. 58 п. 10 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях. Как указано в выписке из Протокола Тройки при УНКВД Свердловской области от 13 ноября 1937 года, К. Кравченко «обвиняется в том, что с к-р вредительской деятельностью пролез на производство, где вел подрывную вредительскую деятельность. Вредительски построил плотину для электродраги, в результате чего драга затруднялась работой. Среди рабочих систематически вел к-р пропаганду, направленную против стахановского движения и технических норм выработки»⁹.

К Обвинительному заключению в деле приобщены вещественные доказательства, подтверждающие, по мнению следствия, вину обвиняемых во вредительской деятельности. Это две фотографии, свидетельствующие о размыве плотины для драги «Серая» в Шуркино в 1935 году размером 12 на 18 см¹⁰ и четыре фотографии кирпичного производства Исовского приискового управления, расположенного на прииске Журавлик размером 8 на 11 см.

⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37498. Л. 86

⁸ Так в деле. Не удивляйтесь современным названиям населенных пунктов. Следователи записывали показания со слов арестованных. И нередко может встречаться название - Вятская губерния, Вятский край или Кировская область, хотя географически это одно и то же название и месторасположение.

⁹ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37498. Л. 87

¹⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 37498. Л. 85.

Размыв плотины в Шуркино в 1935 году

На фотографиях кирпичного производства изображены здание, где установлены механизмы для высушки сырца; место пожара, случившегося 18 августа 1937 года, с отметкой цифрами № 1 – Газопроход из печей в траншею, № 2 – Выгоревшая траншея и № 3 – Загоревшаяся стена здания кирпичеобжигательных печей; вид траншеи для просушки сырца и деревянной дорожки для обратной подачи вагонеток и вид здания кирпичеобжигательных печей.

Уроженец города Минск Владимир Михайлович Пшиваро во время гражданской войны в составе семьи выехал в Польшу. В 1931 –

Здание, где установлены механизмы для высушки сырца

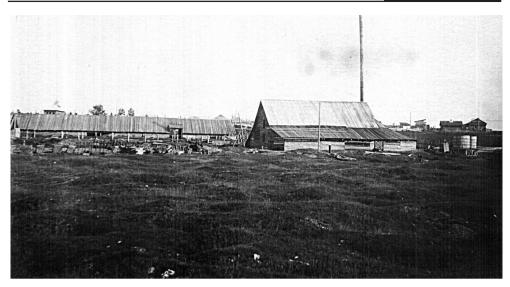
Траншея для просушки сырца и деревянной дорожки для обратной подачи вагонеток

1933 годах служил в польской армии. В 1934 году нелегально перешел польско-советскую границу, во время перехода был задержан советскими пограничниками и 6 месяцев провел в Саровском карантинном лагере ОГПУ.

Что же из себя представлял Саровский карантинный лагерь? 19 марта 1920 года Темниковский уездный земельный отдел своим постановлением ликвидировал Сатисскую земледельческую артель монашествующих и объявил об организации Совхоза. С 1931-го по 1934 год в местечке Саров на месте трудовой коммуны № 4 имени

Место пожара 18 августа 1937 года

Здание кирпичеобжигательных печей

В.В. Шмидта существовал Саровский карантинный лагерь для иностранных перебежчиков 11 .

После прохождения проверки Владимир Пшиваро был направлен в поселок Ис Свердловской области, работал столяром в столярной мастерской конторы «Техснаб» Исовского золотоплатинового комбината. На момент ареста 10 ноября 1937 года у Владимира Пшиваро были жена Мария Николаевна и годовалый сын Владимир.

У В. Пшиваро были изъяты несколько любительских фотографий, среди них одна с видами поселка Ис. На снимке двухэтажное

административное здание, деревянное с двухскатной крышей (вид сбоку и с фасадной части). Вход здания с козырьком, украшенным гирляндами из еловых веток, у входа группа людей. Здание огорожено деревянным за-

¹¹ Сайт Прогулки по Сарову. История «Объекта». URL: http://www.progulki. sarov.com/objecthistory (дата обращения: 26.10.2016).

бором, за забором у входа в здание две ели. Возможно, это здание конторы «Техснаб». На самом переднем плане телеграфный столб, у столба мужчина в уличной одежде с сумкой (или плоским ящиком) через плечо)¹².

В своем небольшом повествовании я попытался рассказать лишь о нескольких судьбах исовчан, живших в трудные 1930-е годы. История поселка Ис пока еще не дописана. Впереди нас ждут новые встречи и открытия. Приглашаю исовчан активно принять участие в воссоздании исторической картины существования поселка Ис, других населенных пунктов Исовского (Нижнетуринского) районов с помощью семейных архивов и документов государственных и муниципальных архивных учреждений.

Сотрудники Государственного архива административных органов Свердловской области всегда готовы помочь начинающим исследователям в поиске необходимой архивной информации.

Прием запросов в архив осуществляется через Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг по месту жительства и Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций) Портал государственных услуг, посредством почтовой связи и при личном приеме граждан.

Граждане, проживающие в других регионах Российской Федерации, могут получить услугу, обратившись в МФЦ своего региона.

Доступ пользователей в читальный зал архива осуществляется на основании «Порядка использования архивных документов в государственных и муниципальных архивах Российской Федерации», утвержденного приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 июня 2013 г. № 635.

Обращаем внимание на то, что согласно пункта 3 статьи 25 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федераций» «ограничение на доступ к архивным документам, содержащим сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, а также сведения, создающие угрозу для его безопасности, устанавливается на срок 75 лет со дня создания указанных документов».

Доступ к архивным документам регламентирован также «Положением о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов Российской Федерации, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также

¹² СГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 23482 Л. 10a.

фильтрационно-проверочных дел» утвержденным приказом Минкультуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 25 июля 2006 г. № 375/584/352. Архив открыт для исследователей, занимающихся историей России в целом и Среднего Урала в частности.

Найти нас очень просто:

Государственное казенное учреждение Свердловской области «Государственный архив административных органов

Свердловской области» (ГКУСО «ГААОСО») 620075, Екатеринбург, пр. Ленина, 34, Телефон (343) 371-10-32 Телефон/Факс (343) 371-58-98 Электронная почта: archiv@epn.ru

Сайт: www. госархив-гааосо.рф и www.gaaoso.ru

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

Выпуск 6

Редактор –Титовец М.И. Ответственный за выпуск –Краснопевцева Г.П. Дизайн и верстка–Тихомиров М.А.

© 2017, Администрация Качканарского городского округа © 2017, МКУ «Качканарский городской архив" © 2017, 000 "Издательство "Раритет"

Подписано к печати 02.02.2017 Бумага ВХИ 80 г/м². Печать офсетная Гарнитура Cambria. Формат 60х90/16. Усл. печ. листов 16 Тираж 1000 экз.

000 «Издательство «Раритет» 620078, г. Екатеринбург, ул. Чаадаева 4-51 Тел/факс: (343) 374-72-87 Директор С.С. Погорелов +7 922 211 75 59 e-mail: raritetizdat@mail.ru